

*Когда и лучшие мгновенья
Мы в жертву звукам отдаём –
Что ж? Погибаем мы от пенья
Или от гибели поём?*

В. Х.

Сергей Попов

КРЫЛЬЯ над Крышами

Избранная проза

Воронеж, 2021

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2=411.2)6-44
П 58

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
департамента культуры Воронежской области*

СЕРГЕЙ ПОПОВ. КРЫЛЬЯ НАД КРЫШАМИ. Избранная проза. – АО «Воронежская областная типография». – Воронеж, 2021. – 240 с.

Новую книгу Сергея Попова составили прозаические произведения. При всём жанровом разнообразии своих составляющих книга видится органичным художественным целым, отражающим значительный спектр литературных опытов автора.

Некоторые из представленных текстов появлялись в периодической печати, многое из предложенного читательскому вниманию публикуется впервые.

ISBN 978-5-4420-0907-1

© Попов С., 2021

САНАТОРИЙ

Картинки межсезонья

*И ночь, сходящую в аллею,
Сквозь эту рдяную листву,
Назвать я сумраком не смею,
Но и зарей – не назову!*

Константин Фофанов

Внезапная ветка что есть силы полосует по щеке. Остаётся кривой багровый след.

– Что здесь смешного?

– Твоя головокружительная ловкость.

И заливается как дитя. Дурочка... Да и сам хорош. Чем дальше в чащу нацелишься, тем быстрее по морде заработаешь. Так и не уяснил?.. А всё тянет.

Вот, наконец, и просека. Встречный ветер взрывает песочные волосы, круглит штормовку, выдувает слезу.

– Главное не плакать, – говорит она.

– Да, – отвечаю, – это главное.

«Дым сигарет с ментолом», дребезжащие динамики. Изрядно потрёпанные алкоголем кавалеры, постбальзаковские жизне-радостные тётки. Ау, советская юность! Комсомол умер. Да здравствует комсомол!

– Куда мы попали?.. – риторически вопрошает она.

– На межсезонный курорт областного значения, отданный на милость отставникам и льготникам. Даже и не знаю, что шикарней: время года или место действия.

– Ты и в шутках столь же ловок...

– При чём тут шутки?

– Каштановым конвоем

Окружено окно,

И вся земля запоем

Пьёт красное вино.

Мой голубой автобус

Уходит на бульвар.

Как мне понятна робость

Его туманных фар!

Он весь как на эстраде,
Под рыжей бахромой.
И люди в листопаде
Не ходят по прямой.

От парка и до парка
Он ветрами несом.
И осень, как овчарка,
Бежит за колесом.

– Здорово, да?

– Приятно общаться с образованной девушкой...

Деревья ржавеют на глазах. Погода портится. Густая дымка наползает на корпуса.

– Мы словно ускользаем из силков жизни.

– Я давно хотел этого.

Мы ёжимся, дышим на руки, напяливаем вязаные шапочки. Уходим к свинцовой, полной облаков, реке. Молчим, глядя на другой берег.

– Там сплошной туман, – говорит она.

– А что же там ещё может быть? – отвечаю. – Что ещё?

Видавший виды номер с потрескавшимся зеркалом. Холодильник «Полюс», телевизор «Рекорд», громкоговоритель «Нейва». Пронзительно розовый торшерный абажур. Сломанная щеколда на балконной двери.

Из коридора осторожно стучат. Это она. С неизменной сумочкой: зубная щётка, паста, косметика утром должны быть наготове. Блажен, кто помнит о завтра! Мне этого не дано.

– Если бы я писала книжку, то всё там происходило бы только в настоящем времени. Без прошлого и будущего не было бы ни печали, ни тревоги. Только события или их отсутствие. И в том и в другом можно раствориться без остатка.

– Печали и тревоги – растворитель покруче.

– Это не растворитель. Это яд.

Она исчезает ещё затемно. Видимся мы уже после процедур. Топаем к минеральному источнику. Вода странная, непривычная, невкусная. Ничего общего с бутылочной. Настоящее нёба не ласкает.

– До революции...

– Семнадцатого года?

– А у нас за пазухой другие имеются?

– ...здесь было имение генерала. В оранжереях розы выращивали. Они на парижских выставках призы брали.

– А потом?

– А потом как водится. Что-то спалили, что-то растащили, что-то затоптали. Да и рукой махнули. И прежняя жизнь закончилась.

– А новая не началась.

– Здесь как во сне. Может быть, потому что всю дорогу туман. Всё невидимо и существует ли вообще – большой вопрос. И порой кажется, что это не так уж и важно. Важно, что существуют сны.

– Жизнь держится паузами. Понимаешь, о чём я говорю?

– Мы об этом только и говорим.

– Так давай об этом и помолчим. Пусть будет пауза. Иначе всё рухнет.

– Ты опять демонстрируешь потрясающую грацию в преодолении пересечённой местности и редкостные навыки атравматичного прохождения подлеска.

– Это далеко не полный список моих талантов.

– Чем же его ещё можно продолжить?

– Желанием устраивать праздники.

– Так в чём же дело?

– Мне долго грезилось, – говорит она, – что вслед за каким-то событием в жизни всё вдруг совершенно преобразится. Засветится, засверкает, оживёт. Нужно только угадать это событие и делать всё, чтобы оно сбылось побыстрее. И намечала это заветное. И приближала его как могла. И это происходило. Но ни фейерверка, ни счастья, ни чуда не случилось. После рубежа всё текло как текло. Только больше внутри недоумения и пустоты становилось. Но я убеждала себя, что опять не угадала. И нацеливалась на следующую веху, которая уж точно не подведёт... Но подводила и она. Ни молнии, ни радуги, ни какой другой подсветки. Наверно, небесного электричества на меня не хватило.

– В таком случае остаётся уповать на земное. Айда на танцы!

– Не хочу. Довольно упований.

Издали гремит «Я вижу тебя». Электрические звуки пронизывают темноту, вибрируют, искрят. Брют бесцеремонно царапает нёбо. Колючий холодок настойчиво забирается под свитер.

– Как это теперь принято называть? Вызовы? Ну да. Несмолкающие батареи проблем. Мы так привыкли жить под их постоянным обстрелом, что, оказавшись в укрытии, вроде этой богадельни, чувствуешь себя не в себе. Если воинствующие печали не накрывают тебя с головой – это уже вроде и не жизнь... Кровь прохладной кажется.

– Нужно радоваться радостям, а не печалиться печалям.

– Я учусь. Но ученица из меня скверная.

– Кажется, что время идёт где-то там, далеко за тёмным лесом. Спешит по иным дорогам и бездорожьям. А про эти дебри и позабыло. И тут всё как жило, так и живёт. И мы – пока здесь – тоже здешней жизнью пробавляемся. И тем защищены.

– Это только кажется. Оно, тупоголовое, всегда идее напрямик, насквозь, через любые дебри.

Безжалостный шарко. Праздник сосудов. Утренний оптимизм. Пышнотелые дамы в ярких трико. Невыспавшиеся рассеянные медсёстры. Последние врачебные каракули в мятой санкуркнижке. Зябкое нерешительное солнце. Тишина.

Лес кончается, и мы идём по огромному полю, полному жухлого спорыша и сохлого ковыля. Впереди – единственная в округе кривоствольная ватага разноростных деревьев.

– Это здешний погост.

– Я люблю погосты, – говорит она и ускоряет шаг.

Мы изучаем таблички с фамилиями, годами жизни, мутноватыми портретами. Ржавчина наползает на буквы, паутина заслоняет цифры, плесень съедает лица.

– Здесь понимаешь, что время обитает не за каким-то там лесом, а вот за этим полем. Но не здесь. Все, кто здесь – исчезли, – говорит она и оборачивается за согласием.

– Время тоже исчезнет.

– На время. Смысл паузы в её окончании.

Когда что-то утрачивается – видится иным. Щербатые дорожки, пыльноглазые фонари, обложенные кирпичами клумбы. Всё вроде такое же, как и вчера. Но и другое. Потому что завтра этого уже не будет. Перспектива потери расширяет восприятие. А может деформирует. А может выпрямляет. Наверняка – не уяснить. Ведь потом с почтительной временной дистанции всё увидится каким-то совсем уж инакокрасочным.

– Нет, ребята, отходняк не запланирован. Уж извиняйте.

Соседи журят. Говорят, что выпадаю из контекста. Конечно. Я здесь именно за этим.

– Как быстро всё кончается, – говорит она и смотрит в окно.

– Во сколько завтра мой автобус?

– Ничто никогда не кончается. Это только кажется, что заканчиваешь жить одним и начинаешь другим.словно некий этап завершается и наступает новый. Как бы не так. Щупальца прожитого всё время тянутся в грядущее. Столько разных сил не желают финишной черты, финала, исхода...

Если ты думаешь, что всё в жизни происходит последовательно, то нянчишь иллюзию. Ты всегда занимаешься и прошлым, и будущим, и настоящим. Приятие параллельности – условия присутствия на земле. Последовательность приходит уже на подземном – или каком там теперь модно ещё – внутриурновом? – отрезке твоего существования. Вот такое электричество. Параллельно-последовательно. Школьная физика.

– Наверное, так. Может потому гладкий клубок даже из радостей не выходит. Всё какие-то наэлектризованные нитки торчат, вовне целятся. Противится живое оформлению. И никак это дело не уладишь.

– Нет-нет, я к себе. Завтра с утра сборы. То есть сегодня. Два часа ночи уже.

Она выскальзывает из-под одеяла и исчезает. Фонарный заоконный свет нехотя просеивается сквозь веточную сетку. Гудит, запинаясь, престарелый холодильник. Урчит в аварийных трубах застойная вода.

Я стремительно проваливаюсь в сон. И мне снится, как я вхожу в одну из столичных журнальных редакций, вручаю шапочно знакомому заведомому ворох своих рифмованных опусов. Он берёт первый лист и прямо при мне читает.

Надёжа на жухлую осень,
на кожу замшелых осин,
где славно слоняются лоси
и ночью на лунном подсосе
пылает реки керосин,
где курица в липкой подливке
и курится тускло с утра,
кидают бутылки под лавки
и сушат несвежие плаки,
и клавики идут на ура.

И бродят небесные токи
в проточных ветвях спрехвала,
пока профсоюзные тёлки
картошкой выводят отёки
под шёпот «дала – не дала».
Окинешь налево-направо:
кто шибко широк, кто подшит –
роится родная орава,
и сирая тень наркомздрава
в прудах генеральских дрожит.

В траву санаторскую лягу,
сосенки вихрами качнут,
и грифель вспомянет бумагу,
на фигу, на фугу, на сагу
готовый за пряник и кнут.
Питаюсь разором природы,
светло жировать воровски
в согласье на своды и оды,
на трубы и медные воды
с дурным серебром на виски.

И всё не уляжется пепел
по стенкам дрянных альвеол.
Шум с уличных танцев повеял,
во что-то щенячье поверил
хороший уже пиздобол.
Мала ему поздняя лихость
листвы на вольготной оси,
в окрестности целясь и силясь,
вся накость и всё-таки – сикось,
и выкуси, а не вкуси.

Сбывается жить на ущербе,
в пейзаже своём обложном
торчать на обочинном щебне,
в лесные прогалы и щели
входя за воздушным ножом.
И вкус круговой недостачи
катать как орешек во рту,
все бабьи измены и плачи
и старенькой песни горячей
обрывки имея в виду.

– Да, это жизненно, достоверно, прочувствованно. Совершенно адекватно реальности. Этим и ценно. Беру.

Я с тоской смотрю на него и молчу. Не наблюдая ответной радости, он повторяет внятно и громко – как глухому: «Беру».

В конце сна я узнаю, что редактора снимают. Ничего не поделять: все мы в списке на вылет. И сочувствие в этом плане не контактит.

А потом доходит, что опуса моего никто и не думает печатать. Я тоже убеждён, что правильнее скомкать эту убогую мно-

гословную бумаженцию и спалить синим пламенем над белёсой головой одной женщины. И будет ей это и нечаянной радостью, и поздним фейерверком. Ей это очень нужно. А то она завтра уезжает. Далеко-далеко. Без дураков... А что до последних – не обойтись им без манкого вороха горних своих претензий. Им ехать незачем. Им везде место.

2005

ОТДЕЛ ТЕНЕЙ И ЛАВРОВ

Книга лукавых меморий

*Скажи, мудрец молодой, что прочно на земли?
Где постоянно жизни счастье?
Мы область призраков обманчивых прошли;
Мы пили чашу сладострастья...*

К. Батюшков



Когда вспоминаешь события четвертьвековой давности, то невольно подозреваешь себя в несвободе от обязательных аберраций последующего времени. И проверить подлинность красок прежних картин и коллизий нечем. Поэтому сомнение неизбежно сменяется вынужденным принятием на веру, ведь ничего другого не остаётся. По крайней мере для меня.

Речь не о фактической стороне дела – вкрадчивый склероз, слава богу, ещё не обрёл безраздельную власть над многограннейшим серым веществом, – а об эмоциональном фоне, психологических нюансах, силе переживаний. Оттенки толщи истекших лет неотделимы от умершей ауры. Но, может, в том и секрет временного возвращения её дыхания.

Речь не о ностальгической отрыжке вчерашника. Просто смысл воссоздания вне высокой степени точности теряется. Разумеется, стопроцентные попадания в истекшее иллюзорны. Но приближения возможны и желанны. Тем более, если интерес к тому не праздный. Но об этом позже: всему своё время...

Вот освещённая слабосильными лампочками холодная комната облупившегося провинциального особнячка, где на шатких стульях не первой молодости восседают люди разного пола и возраста, телосложения и опрятности, достатка и взглядов. Кажется, едва ли можно обнаружить у них что-либо общее. А между тем они вместе выслушивают выступающих, на равных чертыхаются в прениях, без стеснения адресуют друг другу рождающиеся на ходу максимы.

Посреди комнаты – великих размеров стол, за которым расположился хитровато улыбающийся человек, едкими комментариями и мягкими призывами пытающийся обратить нарастающий гвалт в нечто более стройное и диалогичное. Но всякий раз эффект от его вмешательства чрезвычайно кратковременный.

Уже через несколько минут попридержанные было эмоции начинают искриться с новой силой. Улыбчивый досадливо машет рукой и устало вздыхает.

А за спиной мга волгая, темень, безлюдье. Выйдешь – и сгинешь разом. Только дверь отвори... Вернее глядеть и глядеть на оконные отблески словесных баталий, внимать ярким сотрясениям пыльного воздуха, мешкать уныло по окончании действия. И в самом деле уже пора?.. Ну, здравствуй, ночь!



Светало неохотно. Редкие хлопья скользили в окне по косой. Скудно сочился зеленоватый свет.

«Быстрее, быстрее, ещё быстрее, – крутилось отчего-то в мозгу. – Вперёд, бумагомаратель!» Перевалившись через посапывающую Муту, я повлёкся к подоконнику, отыскал на нём фужер с какой-то гадостью и опрокинул в себя. «Почему всё так медленно?»

Одежда была разбросана по полу, стул опрокинут, входная дверь приоткрыта. Чёрт-те что!

Мута была жадной, упорной, порывистой. Вся – хлюпающий пот, сбивчивое дыхание, сухие губы. Она истово стремилась к близкой своей цели, и ничего другого для неё не существовало. Невидящие глаза, задревневшая спина, сжатые кулачки...

Слабосильный рассвет нехотя заполнял разгромленную комнату. «Мута, мутота, медленно...» – неоторимо крутилось в мозгу. «Нужно, чтобы всё происходило вовремя. А лучше – слегка время опережая. Чуть-чуть, дабы не разминуться с ним вовсе». Я оглянулся на растерзанную постель, распластанную Муту, драные обои и горько подумал, как я отстаю. Катастрофически и безнадежно.



Народ в лиго собирался пёстрый. Здесь бывали и прыщавые запинаящиеся юноши, и вдохновенные дамы бальзаковского возраста, и вполне благополучные средней руки совслужащие. Разумеется, в изобилии встречались и люди с психическими помрачениями. Так, приходил человек, имевший склонность к расшифровке фамилий классиков. Например, фамилию Лермонтов он истолковывал как сокращённое словосочетание «лернейского монстра товарищ». Не менее зловещие открытия были заключены в именах подавляющего большинства писателей первого ряда. Именно в поддержке их тёмными силами и крылась, по его мнению, главная причина того, что данные сочинители и составили этот самый первый ряд. Вопрос вызывал разночтения. Дело доходило до драки.

Возникали и совсем экзотические персонажи. Один из весьма не юных завсегдатаев до белых мух щеголял в сандалиях на босу ногу, круглогодично жил в комнатке без оконных стёкол, а также изъяснялся почти исключительно афоризмами, кои и составляли единственный продукт его творческих усилий. Другой творил таблицы соответствия товарищей по сочинительству определённым светильам и прогнозировал им творческое будущее, чем вызывал почтительное и несколько подобострастное к себе отношение. Приходил на заседания и человек, лишённый большей части правой ушной раковины. Это не только придавало ему загадочный и устрашающий вид, но и причудливо искажало слух. И, судя по его репликам, можно было заподозрить, что он различает лишь ноты чьей-то угрозы или незащитности перед угрозой. Остальное богатство значений оставалось за спектром воспринимаемых частот. Кто кого? Единственно возможная постановка вопроса о грядущем триумфе. А без него всё теряет всякий смысл.

Далеко не все, конечно, искали в общении лишь призрак славы. Там бывали и глубокие пенсионерки, жаждавшие собеседников, и бравые отставники, болеющие за отечество, и барышни, высматривающие поклонников. К последним, пожалуй, относилась и Мута. Сама она, помнится, ничего не писала. По крайней мере не читала ни на публике, ни приватно. Но слушала завораживающе. Глядела затягивающе, наклоняла голову, чуть улыбалась мечтательно. И желалось думать чтецу, что именно он тому виновник...



Не сон ли, что в прежнем режиме
ночами сменяются дни.
И жили с тобою, не жили –
к утру только слёзы одни.

И вся режиссура природы –
радение сдать в никуда
любого из нашей колоды –
разборы не стоят труда.

А недоумения эти –
не нам, а главрежу извне –
о глупом выбытии Пети,
о катинном тёмном окне.

И сердце как будто из ваты,
и скулы в холодном поту:
пейзажи, они слабоваты
всерьёз восполнять пустоту.

Для новой как будто бы пьесы
вся сцена освобождена...
Но неизводимые бесы –
стилистика прежнего сна.

♦ ♦ ♦

«Вы желаете счастья в созерцании этих бесконечных снежных весей? Не слыша хруста замороженных в их недра теней? Не выйдет! Максимум, на что можете рассчитывать – траченные молью лавры успешного притворщика. Но это даже не тень желаемого».

♦ ♦ ♦

Можно ли в точности сформулировать, о чём стихотворение? Изначально словами ведь обозначались вещи, целиком вербализации не подвластные. И один из смыслов поэзии – заставлять слова высвобождать ту стихию, которая в них присутствует, но никоим образом в букворяд не укладывается.

ИЗ ПРОТОКОЛА

- Откуда вы узнали о случившемся?
- От случайных людей.
- Уточните.
- Не смогу. Всюду говорили. Даже в городских газетах было.
- По-вашему это добровольный поступок?
- Не знаю.
- Были у него шансы остаться в живых?
- Минимальные. Пятый этаж...
- По нашим сведениям, его долголетнюю сожительницу звали Мута. Вы не в курсе?
- Слышал, но утверждать не могу. А вы знали такую?
- Да, немного. А вы разве не помните?
- Здесь вопросы задаю я.
- Конечно. Это понятно с самого начала.

♦ ♦ ♦

– Спрашиваете, почему Икел? Ну не сам же себя я так прозвал. Давным-давно вам говорю – читайте мифологический словарь. Несравненное наслаждение...

Далее следовали загадочная улыбка, победоносное оглядывание присутствующих, долгая театральная пауза.

– Да, я насылаю сновидения. Но вы ведь сами желаете их видеть. Я только разворачиваю ваше зрение. Многим и многим ведь сны не даны. То есть не дано их различить. Но, может, оно для иных и к лучшему...

Хотя сновидения – это не пагуба и не спасение: плюс и минус – вообще бессмысленные знаки... Сновидения – это другое. И те, кто зовёт их – тоже другие. Относительно беспробудно бодрствующих. Не больше и не меньше. Вот и всё...



Длинных разговоров Мута чуралась, без нужды не выпендривалась, в глаза глядела протяжно. Очи её были зелены, поволочены, заряжены отсутствием. Вроде как и выслушивала прилежно, а вроде как и бог весть где пребывала помыслами своими. Не поддакивала, но и не возражала. На разговор вызывала, но не помогала убеждаться в его нужности. Те ли это были слова? И слов ли она ждала?

Впрочем, одиночеством она тяготилась. Не то чтобы искала общения, но на контакт шла охотно, легко, стремительно. Едва улыбалась, наклоняла голову, затаивала дыхание...



– Не бойтесь опираться о воздух! Я не о полёте – до того ли. Просто воздух – это самое безобманное.

Дошлые дни берегут от сумы.
Судные ночи мусолят в ладони
перья с отливом, какого не смыть
самой горячей святою водою.

Нервные взмахи. Хлопки наобум..
Только на воздух прямая опора.
Дальнее облако. Мышечный шум.
Поздний надрыв. И потеха повтора.

– А по-моему самое коварное и изменчивое, – возразил куцеухий, – и если это не принимать во внимание в самом что ни на есть цветущем возрасте, то в ином – уже никогда и не окажешься.



Стол был заставлен сиротскими салатиками, разномастными гранёными, мутнобокими ёмкостями с компотом. Бутылки

отсутствовали. Они теснились в сумке под стулом. Таковы были негласные правила игры. Труженики общепита уловку эту прекрасно знали, но замечать правонарушение не торопились. Какой-никакой – а всё прибыток заведению. Единственное условие – без мордобоя... Как правило, получалось.

Пельменная после заседания – неизменный тогдашний ритуал. Предводительствовал на посиделках Икел. Он пользовался особой благосклонностью обслуживающего персонала. Обслуга вообще любит предводителей.

За столом травили анекдоты, вспоминали забавности, беспрестанно подкалывали друг друга. Стихов своих категорически не читали, разве что порой зубоскалили по поводу чужих. А часто и вовсе об изящной словесности забывали. Впоследствии я не раз убеждался, что застолья и куда более маститых сочинителей редко сопровождались литературными дебатами. Всё больше – байками, сплетнями, враньём. И это – когда талантливо – незабываемо.

Тост провозглашал Икел, и начинался галдёж. Содержание тоста значения не имело – это был сигнал к началу праздника. Торжество выпадения из реальности обычно заключало в себе несколько этапов. Сначала за столом все говорили одновременно и всё громче и громче. А когда шум достигал своего апогея, единое пространство общения рассыпалось на пары и тройки. И в каждой из них разыгрывался свой коммуникативный сценарий. Потом кто-то вдруг вспоминал, что все собравшиеся – одна шайка-лейка и негоже тут фракции затевать. За это с воодушевлением наполнялись стаканы, а затем всё распадалось уже окончательно и бесповоротно. Некоторые что-то увлечённо обсуждали с пышнотельными раздатчицами, другие постепенно уходили в полудрёму, третьи на повышенных тонах спорили о женских прелестях. И чем ближе был финиш вечера, тем больше физиологических подробностей в тех спорах присутствовало.

Куцеухий редко участвовал в подобных мероприятиях. Но когда прибывался к коллективу – отрывался по полной. И в финале становился безобразен.

– Вы только не говорите мне ничего об их особости и нетривиальности психического устройства. Женщина должна быть чистой. Прежде всего физически. Знать, что подмываться нужно не лёжа в ванной, а стоя под душем. И начинать не сзади, а спереди. От влагилица – к прямой кишке. Чтоб кишечная палочка не попала куда не следует. А то ведь тогда и сам проблем не оберётся...

Спустя многие годы все эти доскональные рекомендации я вновь услышал с экрана телевизора из уст мягкоголосой веду-

щей в популярной программе, ратующей за крепкое тело и здоровый дух. В студии благодарно аплодировали.



Не помню почему – из неё и клещами слова было не вытянуть – Мута поведала мне, что Икел сочиняет какую-то грандиозную прозу. Говорила горячо, истово, самозабвенно. В подробности не вдавалась – только впечатления, эмоции, восклицательные знаки. Глаза поблёскивали, пальцы дрожали, дыхание сбивалось. Мне даже подумалось, не пьяна ли она. Но мы в тот вечер ничего не пили, а тайное прихлёбывание в индивидуальном режиме за ней не водилось. Потому я поглядывал на Муту с неясным подозрением, изрядным интересом и подспудной опаской. К чему это она? С какой стати? Не фантазии ли это? Я никогда не предполагал у Икела сверхобычных талантов и за чистую монету безразмерные восторги принять не мог. Видя мою скептическую мину, Мута распалаясь ещё больше – повторялась, настаивала, доказывала. Бурная её тирада всё больше озадачивала, смешила, пугала...

– Ну и как он в постели?.. – вклинился я.

– Ты в своём уме?..

– О том, что в работе, распространяются исключительно в постели. Слишком интимное. Ещё Хемингуэй в «Празднике» ужасался... «Я дошёл до того, что читал ей отрывки из неоконченных вещей». Верх доверительности...

Мута замолчала, и остаток вечера был испорчен.



Казалось, я знаю, что напишу, предчувствую каждый непривычный оборот, всякий свежий изгиб рассуждения, любую прихоть неуклюжей своей фантазии. И я торопился домой, страшился повредить мысленно готовую уже ткань завораживающего повествования, истово вглядывался в самые дальние её края и узоры. Забывшись, натыкался на встречных, поскальзывался, таранил углы зданий. На меня матерно покрикивали, крутили у висков указательными, злобно отпихивали. Но мне было до лампочки: успеть бы, не расплескать, сохранить...

Скинув в прихожей ботинки и куртку, я кидался к письменному столу, стремительно набрасывал несколько слов и застывал, парализованный несоответствием воздушного и бумажного. Наклонные кривые буквы были чужими, странными, раздражающими. Я пробовал через силу писать дальше – и ощущение только усиливалось. Потом становилось и вовсе невыносимо. Мнилось, что кто-то посторонний на несколько мгновений опе-

редил меня и выдал нечто несуразное, вздорное, ужасающее. И я оглядывался вокруг и – как ни силился – не видел никого.

Потом подходил к окну, смотрел на скудно подсвеченный фонарями медленный снег. Разглядывал бесшумные редкие автомобили, ёжившихся шустрых прохожих, электрические чудеса дальней рекламы. И думал, что никогда ничего стоящего не напишу. Закуривал, через минуту вспоминал, что бросил, и приоткрыв форточку, выкидывал сигарету наружу. И возвращался к столу, и горько вглядывался в незнакомые каракули, и ронял голову на ладони.



Цепкие строки невольно отсылают к фигуре их автора. Возникает стремление встретиться, потрепаться о том о сём, разглядеть его как человека. Иногда желание это вполне можно реализовать. Но вспоминаешь вдруг, чем прежде оборачивались такие случаи. Несовпадением с ожидаемым, оторопью, разочарованием: жажда плюса фатально чревата минусом. Не нужно ничего трогать руками. Руки, как в известных строках всегдашнего носителя нашейных платочков, вам, конечно, не оторвёт. А вот то, к чему прикоснёшься, наверняка для вас посыплется. Как иголки с февральской новогодней ёлки, что разобрать да выкинуть позабыли. Только задень ненароком!..



– Кто мы? Где мы? – витийствовал после вчерашнего Икел. – Кто мы – неведомо. И силиться понять бесполезно. А где мы? В царстве теней и лавров. Мы видим лавры и идём к ним сквозь тени. Но и лавры оказываются тенями. И всегда случается – навсось, навывлет, в никуда...

Икел с удовольствием отхлёбывал из заляпанного стакана воду, молчал раздумчиво, хмыкал со значением. От довольства собственными умозаключениями он на минуту прикрывал глаза, откидывал голову, застывал. Потом вздрагивал, осоловело обводил взглядом комнату, призывал кого-нибудь что-нибудь прочесть. Благостно внимал, обмякал, грустнел. Затем отворачивался и глядел в окно. За стеклом шёл и шёл мокрый снег.



Думалось об остром ощущении жгучего свободного полёта, мгновенного обрыва всех мнимых страховок, зримого приближения к разъятию. Зачем? Сам я никогда не примеривался к такой возможности. А в чужую и отлетевшую уже душу не заглянешь. К чему заморачиваться? Ведь всё придумывается самим и обречено на несоответствие реальности. Потому как реальность

у субъекта размышлений убийственно краткая. Секунды. Хотя кто знает, как время в них спрессовано?

Я ловил себя на мысли о том, что, по большому счёту, мне нет никакого дела до гибельной действительности. Важно лишь согласовать для себя некоторые собственные о ней представления. И тем самым выстроить другую действительность для внутреннего пользования. И жить в ней, полагая это оправданным предыдущими нестыковками. В конце концов все мы конструируем себе окружающее, а оно потом вносит изменения в наше внутреннее устройство. То есть на поверку озабочены мы не попытками всерьёз проникнуть в происходящее, а лишь самими собой. По-другому и не получится: вне лона собственных соображений об этом мире в нём не выжить. Скроенные по авторским лекалам умозаключения – и среда, и защита, и самооправдание. Что же ещё здешнему жителю нужно? Всё уже дано.

◆ ◆ ◆

– Если сон долгий, к середине уже забываешь начало. А внятно пересказать сможешь и вовсе лишь финал. Поди попробуй прочти нынче большой роман. Только по праздности да особому пристрастию какому. Так многомесячные труды втуне и остаются. Вы представляете себе человека в здравом уме, вечерами самозабвенно изучающего солженицынские кирпичи?.. Я не о критиках. Это случай клинический.

◆ ◆ ◆

– Не давайте выветриваться радости. Не относитесь к ней как к само собой разумеющейся штуке. Это товар штучный и скоропортящийся. Так не потакайте порче!

◆ ◆ ◆

Икела мы любили за сомнительные живописные байки, апокрифические рассказы с жутковатыми подробностями, завораживающие давно выветрившимся колоритом ретроспекции. Он рассказывал горячо, с многочисленными лирическими отступлениями, изображал персонажей повествования в лицах. Видно было, что ему самому сие действо доставляло немалое наслаждение.

– Этот человек был очень известным стихотворцем фронтového ещё поколения. Хотя поэтом, прямо говоря, никаким. Это, как вы понимаете, в порядке вещей. Приходит он в один прекрасный – а для моего героя не ладный – день в ЦДЛ. Ясное дело, в пальцах тремор, в теле лихорадка, в глазах огонь со вчерашнего. А в карманах, следовательно, ветер. Оглядел он страждущим взглядом Дубовый зал и узрел одиноко сидящего за столиком знакомого критика. Не слишком, впрочем, дружественного, но

выбирать не приходилось. Тем более, что тот смачно приканчивал графинчик коньяку. Усевшись за столик напротив критика, стихотворец долго и выразительно глядел ему в глаза. Двойкой трактовки взгляд этот не допускал. «Не умеешь пить – не пей! – торжественно откликнулся критик, наливая себе очередную стопку. – Официант, принесите молодому человеку минералки! Нужно, друг ты мой, знать возможности своего организма. Вот я, к примеру, пол-литру оприходовал и ещё могу. Главное, не терять человеческого облика! Писатель в любых ситуациях должен выглядеть достойно. Помни о том, кто ты есть... Официант, принесите ещё графинчик! Но ты на него рот не разевай: тебе водичка показана. Господь терпел – и нам велел. Ну, твоё, стало быть, здоровье!..»

Критик лихо махнул ещё одну полную стопку, высказал несколько ценных мыслей по поводу того, как следует жить, задумался глубоко и... рухнул под стол. Стихотворец не стал мешать его сладкому сну и, прихватив графинчик, благополучно переместился за дальний свободный столик, где в два приёма весь этот графинчик и приговорил. После четверти часа молчаливого созерцания исторического интерьера он поднялся и, по свидетельству очевидцев, переходя от столика к столику, принялся что-то настойчиво выяснять у присутствующих. Причём полученные сведения его вроде бы удовлетворяли – он кивал, улыбался, хлопал собеседника по плечу... Но переходил к соседям, и процедура расспросов возобновлялась. Походка стихотворца становилась всё более шаткой; для сохранения равновесия он всё активнее придерживался за спинки стульев, края столов, головы трапезничающих... В конце концов добрался к красовавшемуся у стены рояля, опираясь о крышку, зашёл за него... и повернувшись спиной к присутствующим, помочился. После чего тотчас же завалился под рояль. «Над ним и теперь музыка...» – задумчиво прокомментировал случившееся кто-то из свидетелей...

Впрочем, инцидент этот не помешал нашему стихотворцу через весьма непродолжительное время стать и секретарём большого писательского союза, и главредом самого авторитетного литературного журнала...

А что так усиленно выяснял наш сочинитель? Если верить его тогдашним собеседникам, интересовался он всего лишь местонахождением общественного туалета. Но, раз за разом получая на этот счёт исчерпывающие пояснения, не мог удержать их в памяти и делал ещё одну – решающую, как представлялось страждущему, попытку. Да здравствует упорство в достижении цели!



Следователь глядел в окно и словно не замечал моего присутствия. Выдержав минутную паузу, я призывно захмыкал. Реакции не последовало. Пауза длилась ещё несколько минут. Затем следователь медленно повернул голову и будто удивился, что в кабинете есть кто-то ещё. И тут я разглядел, что правого уха у него почти нет. Потому, верно, он может многого недослышать. Впрочем, как знать. Сплошь и рядом обладатели ушей идеальной формы глухи как пробки. А ущербные и убогие ловят любую вибрацию.

– Ах, это вы, – убедился следователь, – что ж, продолжим...



У Муты всегда случалось по несколько ухажёров одновременно. Она быстро обращала знакомых в поклонников и купалась в обожании. Мута не слишком заморачивалась этическими вопросами и чувствовала себя в таких ситуациях легко и свободно. «Главное, чтобы всё было в радость», – как-то обмолвилась она. «Главное, уметь всему этому радоваться», – неуклюже парировал я. Мута посмотрела с сожалением и не стала развивать эту тему. К чему, дескать, если мальчику не дано?

Всё происходило плавно, без нажима, но весьма стремительно. Мимолётное знакомство, лёгкое головокружение, исчезновение дистанции. Горячечные объяснения, искры от прикосновений, неистовые объятия. Липкий пот, тусклое утро, полное опустошение.

Мута хотела, чтобы все звенья этого цикла в конкретных мужских обликах всегда присутствовали в её жизни вместе. Закончиться это никогда не могло, потому как всё время начиналось. Закольцованность – идеальная модель вечности. А с вечностью у Муты были интимные отношения. Отношения такие возможные с самыми разнообразными субстанциями. Писал же стадионный поэт-шестидесятник: «Для меня коммунизм – самый высший интим! А об интимных вещах не треплются». И добавить тут нечего.



Я всегда завидовал тому, кто умел вести регулярные записи, личный дневник, календарные заметки по поводу. Наверное, это помогает заподозрить логику своего существования, расставить всё по мнящимся местам, вычленив самое важное и предположить грядущее. У пишущего появляется дополнительная сила, способная высветить событийный ряд самым невероятным, но равноправным с действительностью образом. Возникает некая власть – сначала над нюансами, оттенками, тонами, затем над

взаимосвязями, персонажами, смыслами. Фиксация – независимо от воли, её творящего, – привносит не свойственные текущей жизни рисунок и фактуру; а если автор попустительствует своим стремлениям, они начинают диктовать прошлому его новый, предстающий с исписанных страниц, облик. И всё сбывшееся и несбывшееся при этом из предмета ретроспекции превращается в инструмент самоопределения свидетеля, держателя, предъявителя миновавшего. А инструмент в руке – это нечастый праздник.

Спрашивая себя, что же оказывается самым цепким и чётким из предложений памяти, среди хронологически смутных наплывов угадываешь лишь несколько сквозных тем, бродячих сюжетов, визуальных обманок. Их перечень кажется поначалу слишком невеликим, чтобы отобразить всё твоё предыдущее обидным обыденностью, постыдным общими местами. Но вскоре понимаешь, что иное тебе и не грозило. И причиной тому не ты, а миропорядок, в котором волею случая очутился, и подарки, которые с рождением невольно принял.

С многолетней неотвратимостью вспоминаются июньские вечера в пригородном дачном домике, чудом слепленном дедом из дармового подручного материала – поломанных ящичков, обрезков листового железа, списанных шин. Отсветы керосинки на чумазом гранёном стакане, кипяток с размятой молодой клубникой и кубинским сахаром, робкие первые звёзды за пыльной растрескавшейся фрамугой. Тёмные медленные потоки прохладного воздуха в упругих кронах, самолётные голоса с недалекого военного аэродрома, спокойные запахи незрелой листвы, мышинового помёта, прогретшейся бочковой воды. Чёрные лохмотья малокровного среднерусского винограда, квёлая – из сохлых сучьев и ржавых труб – изгородь, непонятные – редкие и внезапные – надгоризонтные сполохи...

В совсем иных краях прошлого, но столь же зримо восстаёт из табачного дыма обнажённая поджарая женщина с презрительной усмешкой и длинной сигаретой в нервных пальцах, хочет что-то сказать, но потом раздумывает, и молчит протяжно. И молчание отпечатывается куда сильнее, чем слова – мгновенно, странно, мёртво... Клубится дым, подрагивает ночник, цепенеют тени. Беззвучие упрямо длится, обволакивает, затягивает. И ты уже не желаешь его ухода, удерживаешь, прирастаешь. И знать не хочешь, что там по его окончании...

Или встают вдруг зеленватые, в крупных щепках и топливных пятнах медленные волны водохранилища под каменной стенкой набережной, покачивающиеся на них лёгкие летние

облака, страшноватые вблизи, наглые речные чайки. Просыпается вдруг детское желание разглядеть, что же за поверхностью, в глубине, на дне. Упрямые локти на холодном щербатом парапете, склонённая к плавучему мусору тяжёлая голова, неподвижные от странной жадности слабосильные глаза... И зачем случилось оказаться у рябой грязноболотной воды? И что за спутница смотрит сбоку встревоженно? И находится ли что-нибудь в карманах для настырных клювастых пернатых?.. Память отвечает далеко не на все вопросы. А сплошь и рядом вовсе и не предполагает их. Вопросание слишком беспардонно, нахраписто, неуклюже, чтобы не повредить рассыпающуюся на глазах картину времени из хрупкой папиросной бумаги. Неутолимая страсть к воскрешению чревата окончательным прахом.

◆ ◆ ◆

– Главное, чтобы воздух был спрессован временем, – настаивал Икел. – Хоть и дышать трудно, зато опираться можно.

◆ ◆ ◆

вели окрестные печали
через воскресный гастроном
стоять велели на причале
строкой в сценарии дрянном

все эти кадры птиц и ветра
сакраментальная нуда
непотопляемое ретро
осатанелая вода

в непрезентабельном пейзаже
как атрибуты мелодрам
сквозили счастья и пропажи
с грехом и смехом пополам

и на исходе половины
жизнь оставляла на потом
успения сороковины
развилки во поле пустом

и опоздания некстати
и ожидания всерьёз
их пруд пруди в кинопрокате
для режиссёра не вопрос

пустопорожняя надсада
испепеляющая страсть
от мора здешнего и глада
за океаном запропасть

тесны леса поля и реки
ясны тунгус калмык и финн
но на причале человеки
ещё доигрывают фильм

глядят и видят сквозь друг друга
как отраженья шевеля
вся в елисейские округа
переселяется поля



«Поэзия – сей пламень небесный, который менее или более входит в состав души человеческой – сие сочетание воображения, чувствительности, мечтательности – поэзия нередко составляет и муку, и услаждение людей, единственно для неё созданных». А что она иным? И кто создан единственно для неё?

ИЗ ПРОТОКОЛА

- Вы виделись с Мутой со времён встреч в литературном объединении?
- Слава Богу, нет.
- Вы довольны этим обстоятельством?
- Пожалуй, что да.
- И не было никаких контактов?
- Были какие-то странные звонки. Но до встреч дело не ходило.
- И о чём она говорила?
- Она молчала.
- Рекомендую правдиво отвечать на вопросы.
- Стараюсь.
- От ваших ответов будет зависеть ваш статус.
- В смысле?
- То, как мы будем вас квалифицировать. Как подозреваемого или как свидетеля.



За лёгкость в общении и добродушие Икелу прощались даже дурной пафос. Это было тогда общим местом, как, впрочем, и во все времена. Главное, чтобы он всё остальное не заслонял...

– Россия – объединение по сути литературное. И породившее несравненную литературу, и скреплённое ею. И теперь если что и единит, так это память о былом величии словесности нашей. И если помнить – хватит, чем жить. Можно, конечно, и в беспмятстве барахтаться. Но словесность тут уж ни при чём... Хотя что-то, а она всегда при чём. Иначе что это за литература такая, прости, господи?.. А мстит не только забвение, память – тоже. Порой вроде бы лучше и забыть. А знаешь, что не поздоровится. Вот и помнишь. А здоровье всё одно не спасается...



– Заклинаю вас: безумствуйте, безумствуйте за письменным столом... Трагический тенор эпохи. Не болезнь, а недостаток воздуха... Как раз переизбыток. Только под запредельным революционным давлением – он что сжиженный газ. Только безумцы пробовали им дышать...



Бог весть с чего вдруг пасмурная и малоуютная позднесоветская провинция заставляет вспоминать о себе так живо и страстно. Что было в ней, кроме алкогольной молодости и неистребимого стремления в никуда?.. А между тем из тамошних мгн и сумерек то и дело настырно выглядывают манкие призраки, подмигивают лукаво, салютуют ладошками бестелесными. И всё глаз от них оторвать не случается: сил недостаёт.

БЕЗ ПРОТОКОЛА

– А чего её искать? Вы её наверняка знаете. Временами она спала с вами. Порой чуть было не прибирала к рукам. Слава богу, удавалось выкрутиться и сделать тёте ручкой, – взорвался я.

– Что вы несёте?.. Мы разыскиваем убийцу...



– Эту историю рассказал мне один питерский поэт, – лукаво улыбаясь, сообщил Икел. – В семидесятых он перебрался в Москву и влачил там весьма жалкое существование. Жил в келье бывшего монастыря, но был весел, разговорчив, дружообилен. И по этой или иной причине, но угодил в приятели к другому поэту. Самому тогда у нас знаменитому. Были они почти ровесниками и не чурались совместных и розных амурных походов.

Но нижеследующий эпизод оттеснил многое из этой же серии в потёмки забвения. Именно в таких выпретенных выражениях словоохотливый стихотворец и оформил вступление. Для того чтоб заинтересовать наверняка. Рассказчик-то он здоровский!

А дело было так. Тринадцатого января какого-то там застойного года позвонил ему именитый знакомец и попросил в десять вечера быть на месте – он заедет. Так оно и вышло. Гость напомнил, что до Старого Нового года осталась всего пара часов, и велел без раздумий собираться. Объяснил он уже в машине. Оказалось, что в минувшем году у него было несколько романтических увлечений, и явилась мысль собрать их в честь праздника вместе для выражения признательности за «прошлогоднюю любовь». Мысль более чем спорная. Тем не менее, будучи в душе авантюристом, сын Северной Пальмиры поддержал идею и сразу нацелился стать тамадой на этом празднике единства и согласия.

Погода и вправду была новогодней. Шёл ровный снег, как в известном стихотворении приятеля. «Идут белые снеги, как по нитке скользя...» Природа прямо-таки подталкивала на бог знает что. Ближе к полуночи они приехали в ЦДЛ. В нижнем буфете их встретили женщины различного возраста, конституции и социального происхождения. Общим количеством, как подсчитал тамада вечера, двадцать одна. Удивительно, что они, во-первых, явились, а во-вторых, не выражали никакого смущения по поводу совместного участия в мероприятии. Напротив, были оживлены, лучезарны и благожелательны друг к другу. Впрочем, возможно далеко не все из них знали, по какой причине приглашены...

Банкет развивался динамично. Тамада в спринтерском темпе провозглашал тосты за каждую из гостей, о коих не имел ни малейших сведений. Поэтому между здравницами организатор вечера объяснял ведущему уникальность каждой следующей тостуемой. Без накладок, понятное дело, не обходилось. Так, одной продавщице мясного отдела пришлось выслушать искромётную речь о её впечатляющих успехах на театральных подмостках. Но она не возразила, а лишь благодарно и мечтательно поулыбалась в ответ... Но в целом всё шло замечательно. Устроитель праздника настойчиво суфлировал, а тамада творчески преображал и красочно озвучивал. Дамы с интересом поглядывали друг на друга, безуспешно отыскивая подтверждения комплиментов ведущего, и удовлетворённо похихикивали. Они были чрезвычайно многообразны и представляли различные социальные слои. Присутствовали и труженицы Асклепия,

и питомицы Меркурия, и сёстры Терпсихоры. У них было призрачно мало шансов когда-либо оказаться за одним столом. Однако свершилось!..

Речи тамады были остроумны и лаконичны, степень веселья быстро нарастала, время летело. Но женщин было никак не меньше двух десятков. Поэтому, чтобы охватить всех без исключения, всё равно понадобилось никак не менее двух с лишним часов. Тамада изрядно захмелел, виновник собрания заметно подустал, гости размалинились... Но знаменитый поэт вдруг встрепенулся, поманил кого-то из глубины подвала и принял из рук подошедшего большую, из дорогой кожи, сумку. «Это скромные новогодние подарки», – пояснил он и вручил каждой из присутствующих по коробочке, где возлежало колечко с камешком. Потом театрально раскланялся и, прихватив одну из участниц пиршества, стремительно зашагал к выходу. У двери обернулся и сделал тамаде знак, чтобы тот следовал за ним...

Усаживаясь в машину, вожатый сообщил тамаде и своей спутнице, что здешний сценарий исчерпан и они едут к одному известному литчиновнику. Почему? Во-первых, тот приглашал. Во-вторых, там собирается нетривиальное общество. А в-третьих, отставному тамаде не лишним будет познакомиться с хозяином дома, потому как он редактор всенародно любимого журнала. А у бедняги-тамады публикации разве что в жэковских стенгазетах. «В грядущем застолье тамадой тебе не быть. Не обессудь», – предупредил знаменитый приятель...

И в самом деле тосты в том доме произносил только хозяин – круглолицый, пузатый, приземистый – похожий на Германа Геринга. На столе стояли дюжина «Вдовы Клико» и несколько мисок с чёрной икрой. Сидели же за столом два олигархического вида иностранца, всем известная балерина и народная артистка, певшая о долго и далеко текущей великой нашей реке. Когда приехавшие вошли, балерина по-свойски расцеловалась со спутницей знаменитого поэта, а иностранцы почтительно пожали ему руку. Хозяин наполнил фужеры и велел выпить за интернационализм. «Они меня с ним к себе в Австралию выступать зовут», – шепнул на ухо знаменитый поэт. Оказалось, что это тамошние заводчики-меценаты, приехавшие по работе, а заодно и с благотворительными целями. Так что оказались мы у толстяка неслучайно: нужен был личный контакт. Тут же состоялось рабочее совещание по поездке. Через пять минут ударили по рукам, выпили за друзей из другого полушария, заворковали. И тут знаменитый поэт предложил хозяину послушать стихи

своего друга. «Мне кажется, журнал от их публикации только выиграет...» Далее последовали старательная декламация давних и свежих опусов, какие вспомнились, довольно длинная пауза и долгожданное резюме хозяина. «Стихи мне ваши понравились. И даже очень... Но это не формат нашего издания – держайте в иных. У вас должно получиться».

Потом хозяин провозгласил тост за отечество. После чего народная певица грянула свою коронную песню. Оконные стёкла задребезжали, люстры задрожали в ознобе, фужеры жалобно заныли. Для барабанных перепонок это было неслыханным испытанием. Следом за аплодисментами хозяин произнёс краткую двадцатиминутную речь о соблазнах в жизни и творчестве. И снова настал черёд «Вдовы» с икрой. И снова разговор об опасностях культурным традициям... И продолжалось так до рассвета. Знаменитому поэту застолье явно наскучило, и он засобирался. «А я, пожалуй, ещё посижу», – не без вызова заявила вдруг его спутница... Знаменитый и безвестный поэты распрощались и вышли.

На лестничной клетке знаменитый задержался, обернулся и, указывая на входную дверь, патетически воскликнул:

– И там тоже жизнь!



Почему-то в присутственных местах уборщицы – сущие овчарки.

– Да задери ты ножищи! Зенки разуй! Не видишь – я мою?..

Милицейская техничка исключением не была. Металась со шваброй в коридорном сумраке, бранилась почём зря, так и норовила тряпкой задеть. Оторва старая!

В дальнем углу подрагивал слабосильный вольфрам единственной лампочки. Вдоль стен горбились обглоданные временем стулья. Под подошвами дыбился заскорузлый линолеум. Дверь в предбанник была приоткрыта, и на дверном стекле зыбко проступило вдруг «ЛИТО». Буквы дрожали, плыли, извились...

Уборщица толкнула дверь, и отражение исчезло. Я обернулся и увидел настенную табличку, где было крупно выведено «ОТИЛ». А ниже – помельче – расшифровка аббревиатуры. Что именно – при таком освещении разобрать было трудно. Прочиталось как «отдел теней и лавров». Я помотал головой и нацелился подойти поближе. Но тут из кабинета позвали...



Перекладывая с места на место старый бумажный хлам, я всё чаще натякаюсь на поблекшие листки со стихами (то ли своими,

то ли своих тогдашних приятелей), обрывками умозаключений (ну и заносили меня, однако), цитатами (бог весть из кого и откуда) и прочая, и прочая. Почему вдруг они стали то и дело попадаться мне на глаза? То ли флюиды всей этой истории таким вот образом ориентируют зрение? То ли словам время от времени просто необходимо быть прочитанными?



Икел держал в руках папку. Картонную, обтрёпанную, с завязками. На ней крупными буквами были нацарапаны имя и фамилия неведомого сочинителя. Карандашом, блёкло, без нажима. Чтоб стиралось легко. Мало ли их, авторов-то?

На всех папок не запасёшься...

Он шёл медленно, мягко, беззвучно. Улыбался чему-то мечтательно. Оглядывался с интересом по сторонам. Цепко – но и беспечно, весело, играючи. Словно желал что-то высмотреть – но и не обнаруживая, не огорчался. Потом остановился, поднёс папку к глазам – чтобы напомнить себе, чья там писанина – задел небрежными пальцами тесёмку... И листы рванулись во все стороны, взмыли розно, замелькали полями. Облако их ширилось вокруг Икела, бурлило, пенилось. Заслоняло слабую улыбку его, заострившиеся черты, невесомую фигуру...

Я увидел вдруг, что под ногами у него ничего нет – ни земли, ни камня, ни мостка... Одно только облако многокрылое. Вот-вот и он провалится в тартарары, сгинет, исчезнет без остатка... И поделаться тут ничего нельзя. Но нужно, чтоб он знал. И тогда...

Я заорал. И проснулся. На придвинутом к диване стуле валялись листок бумаги с неоконченной фразой, ручка, часы. Всё как всегда. И возможно ли что-то ещё?..



С этими бесконечными шастаниями в участок надо заканчивать. Пожаловаться куда-нибудь, что ли?.. В любом случае нужно бороться. А что делать? Иного выхода не просматривается. Только помнить следует, что борец всегда проигрывает. Или в прямом смысле. Или – всецело растворяясь в борьбе и в ней побеждая – теряет себя изначального. Так что куда ни пойдешь – либо коня потеряешь, либо смерть найдёшь... Твоё – лишь дни этого пути скорбного. Но истуканом стоять, значит отречься и от этого краткого времени. Но когда слышишь, что время – это всё, не торопись отчего-то согласно кивать головой.



Бог негромко посмеивается над нашими упованиями, щурится в усталой улыбке, очи всевидящие в щели превращает... И

чем беспощаднее жажда, тем больнее аukaется несбывшееся. А без жажды куда? То-то и оно...



Власть стихии, стихия власти. Как легко одно перетекает в другое! Питомцы Эвтерпы оборачиваются подручными Зевса и упиваются молниями, разящими прежних своих собратьев. И здесь тоже числят себя родственниками стихии. И что им иное родство?



Суэта, бега, закрутка... Всегдашнее ли это теперь состояние?



– Хотите о моём литинститутском руководителе семинара? – спрашивал Икел. – Внешне он был похож скорее на экономиста советской госконторы средней руки, нежели на пиита. Коренастый, в мешковатом костюме, с выдавшим виды портфелем. Неспешный, семь раз отмеряющий, готовый к обороне. Он входил в аудиторию с хитровой улыбкой, ставил портфель на стол. Оглядывая присутствующих, неторопливо доставал их рукописи. Семинаристы всё больше притихали, он всё шире улыбался. Делал паузу, заговаривал о превратностях погоды, степенно откашливался. Нацеплял на нос очки, раскрывал свой кондуит, не вдруг отыскивал нужное. Впрочем, далеко не все присутствующие видели нужным то, чем предлагалось заняться...

– Итак, сегодня мы должны поделиться своими раздумьями на тему «Красота спасёт мир». Мы ведь с вами об этом в прошлый раз договаривались? Отлично. Итак, как бы вы сформулировали главную мысль планируемого эссе? Вот вы, например...

И он кивал на меня и загадочно улыбался. Я делал трагическое лицо, по которому можно было заподозрить пугающую безмерность откровений, явившихся одержимому предложенной темой. И, словно выстрадавший плод одиночных ночных бдений, выдавал нечто демагогическое и претенциозное. Что-то вроде «красота спасёт лишь тот мир, что спасёт красоту». Он хмыкал, постукивал пальцами по столу, нелегко вздыхал.

– Просил же – без экстравагантностей...

Я пожимал плечами. Он вздыхал ещё тяжелее, выразительно скучнел, спрашивал кого-нибудь другого...

Родился он неподалёку от нашего города, в райцентре со знаменитым кирпичным заводом. Но жил в родных краях недолго: сразу после окончания школы поехал поступать в столицу. Учился он на философском факультете главного университета страны. Сокурсницей его была будущая первая дама государства – жена

прогрессивного генсека, провозгласившего перестройку и ускорение. Генсек был ещё в полной силе, и рассказы о юношеских неформальностях звучали как свидетельство принадлежности к узкому кругу имеющих доступ. Семинаристы заметно оживлялись, округляли глаза, переспрашивали. Рассказчику эффект нравился.

К тому времени стихотворчество утратило для него первостепенное значение. И на литинститутских поэтических семинарах он всё больше распространялся о созданном не столь давно под своим началом движении «Мир через красоту». О значении культурных связей с Индией, о наследии Рериха, о своих поездках к сыну художника. Говорил о том, что новоиспечённое движение ширится не по дням, а по часам. Распространяется на всё новые и новые регионы, страны, континенты...

Последняя книжка его – «Гималайская неделя» – была на слуху. И он увлечённо рассказывал о жутком спросе, о дополнительном тираже, о жалких вяканьях злопыхателей. Поминал при этом и нападки на свой первый столичный стихотворный сборник, последующее замалчивание и чуть ли не запрет на публикации. Хотя вроде там ничего такого и не было... Может, это в какой-то мере и соответствовало действительности. Однако во времена наших встреч социализм стремительно приобретал человеческое лицо, жертвы прежних притеснений были в почёте – и эти его слова нередко вызывали скептические ухмылки и хмыканья.

Не раз возникала мысль перейти в какой-нибудь другой семинар. Благо, достойные руководители имелись. С одним из них, поэтом Юрием Левитанским, проводились даже по этому поводу переговоры. Мэтр дал добро, но вмешались формальности: в семинаре том могли заниматься только москвичи...

И продолжал учиться с ребятами из Прибалтики и Украины, средней российской полосы и Средней Азии, Поморья и Коми... Приезжал вместе с женой-однокашницей на сессии, ругал сочинения однокурсников, кочевал вольным слушателем по иным семинарам. Винокуров, Межиров, Кузнецов... Калибр имён впечатлял. Стихи их могли не приниматься, но масштаб фигур был очевиден. Мне всегда было чрезвычайно интересно увидеть прочитанного автора живём. Хотя, конечно, сплошь и рядом это искажает памятные книги. И, может быть, правильнее общаться с писателем лишь через прочтение.

«Гималайская» проблематика увлекала нашего семинарского «мастера» всё больше. Он строил планы строительства Шамбалы на Алтае, хлопотал об издании трудов Блаватской, организовывал ячейки последователей по России. Кто-то видел

в этом опасные проявления сектантства. Масла в огонь подлила смерть знаменитого в те годы актёра, сыгравшего главную роль в знаменитом тогда фильме «Пираты двадцатого века». Актёр этот слыл последователем, посещал собрания одной из ячеек и был (если верить сарафанному радио) мучительно убит единомышленниками на одной из их регулярных сходов. О подобных событиях в газетах и теленовостях сообщать считалось не нужным. Тем не менее резонанс история получила мощный. Трудно судить, в какой степени трагедия была мотивирована философскими или религиозными особенностями предмета общей духовной склонности членов организации. И уж тем более маловероятной виделась личная причастность главы межкультурного сообщества к этому печальному инциденту. Однако злые языки пеняли ему на вероотступничество, потакание агрессии, претензии на мессианство. Появлялась «апокрифическая» информация о том, что его, как и Льва Толстого, отлучили за ересь от церкви. Официальных тому подтверждений я не встречал...

Уже спустя несколько лет после получения диплома, где значилась расплывчатая и всеобъемлющая специальность «Литературная работа», я случайно увиделся с ним в областной юношеской библиотеке. Он приезжал выступать перед здешними членами своей структуры, а я зашёл узнать о грядущих молодёжных поэтических посиделках. Столкнулись на лестнице.

Он расспрашивал, что у меня нового, бываю ли в Москве, публикуюсь ли. Говорил мягко, ровно, несуетно. Глядел ласково, участливо, лукаво. Сопровождающие терпеливо ждали, вздыхали, поглядывали на часы. Желал напоследок не пропадать...

Заканчивался век, заканчивалось отведённое ему земное время... Больше я не видел его никогда.



История нашей словесности – череда мифологем. Каждая последующая – от болезнетворных соков предыдущей. И выздоровление смерти подобно.



Внезапно повалил снег. Мокрый, крупный, прилипчивый. Сумерки зашевелились, разлохматились. Отойдя уже прилично, я обернулся и увидел, как особнячок колеблется, пошатывается в густках летучей воды – норовит раствориться в ней, да всё не рсштается. Углы размывались, стены шли белыми пятнами, стекла слезились. Как переводная на клочковатый воздух картинка, дом распадался на куски, стирался, исчезал. Но истаять вовсе не

мог – брезжил, пробивался сквозь хлопья, посверкивал. Огней в нём всё не гасили – кто-то никак не мог доделать свою работу.

Было сыро и зябко. Медлить становилось невозможно. Я поёжился и быстро зашагал прочь. Не терпелось согреться – болезни никак не входили в мои планы. «Предполагаем жить...» – отчего-то навязчиво крутилось в голове. «А всё одно – без загадывания никуда. Планы, планы... Что ещё заставляет кровь нестись по кругу? Какие такие без них скорости? Всё будет мертвяще недвижимым. Если вообще будет».



В. К.

Апельсиновым лисьим огнём
подрумянен декабрь изнутри.
В предрождественский сумрак нырнём –
и гори они, друже, гори

ярим пламенем строго дотла,
окаянной игры пироги.
И лети веселее, зола,
на вчерашние наши круги.

Горе мыкай и счастья не чай,
не страшись чумовых виражей.
И гони корневую печаль
из неверного сердца взашей.

Всё одно, потому и ничто –
торопливая пыль, кутерьма.
В нашем сумеречном шапито
лишь безумцы не сходят с ума.

Что им фантики, блёстки, фольга,
фатовские банты, конфетти?
Завертелось – и вся недолга:
не смотри, не смотри, а иди

в тёмный час, в заколдованный лес,
ведь едва остановимся мы,
и под куполом здешних небес
не отыщут ни света, ни тьмы.

◆ ◆ ◆
Всё чаще приходится (как это водится у сумасшедших) обсуждать всяческие вопросы с самим собой. Раньше чаще и охотнее случалось разговаривать (как правило, со старыми знакомцами) о разных материях. И хотя всё это было в сущности болтовнёй – «психотерапевтически» разгружало и помогало потом уже собственноручно нащупать решения. Теперь же почти всегда – один на один с любой передрагой.

◆ ◆ ◆
Поэт-депутат. Причудливая, надо сказать, фигура. В близком прошлом – вовсе не редкая. Не мытьём, так катаньем – но быть властителем дум. Да что там дум... Просто властителем. Владеть словом – для иных ступень к владению жизнью ближнего. Это раньше казалось, что слово влияет на судьбу. Теперь же потребно лишь непосредственное на неё воздействие. И депутатство на этом пути – цветочки. Эпоха такова, что ревнителю духовной пицци с боями – порой и насамомделишными – прорываются к властному кормилу. Литератор Нур Мухамед Тераки – первый афганский лидер советского разлива. Филолог Звиад Гамсахурдия – яростный грузинский смутьян. Его заклятый абхазский враг Владислав Ардзинба, директорствовавший в Институте языка, литературы и истории. А сербский поэт Радован Караджич? А чешский драматург Вацлав Гавел? Между прочим, и Владимир Ильич Ленин имел обыкновение указывать в анкетах, что по роду занятий он литератор. И что тут возразить? Полсотни с лишним томов сочинений тому поруки...

В самом ли слове есть завязь диктаторства? Или к словарному инструментарию тяготеют особи определённого психологического склада? Или наклонность эта формируется гипертрофированным вниманием к слову? И, обретя власть над словом, жаждут её экспансии? И нужно ли это понять? И можно ли это принять? И следует ли принять, не понимая? Разве только что к сведению...

◆ ◆ ◆
Во сне глаза её были чуть приоткрыты, подёрнуты отсутствием, блестящи. Сквозь ресницы сочился зеленоватый свет радужек, угадывались колючие зрачки и вызволенные сновиденьями лёгкие слёзы. Казалось, я помню эти глаза уже много-много лет, со времён стремительных страстей и ювенильных безумств, горних претензий и нехитрых радостей. С тех благословенных дней, когда я пристально вглядывался в женские лица, яростно подозревая открыть в них нечто такое, что может в корне изменить для меня порядок вещей.

Конечно, эти припухшие веки, робкие краевые морщины, рукотворные линии ресниц давно хранились в тёмном углу памяти. Только когда и как они там очутились, я припомнить решительно не мог. В те прозрачные уже времена девушки этой, наверное, ещё и на свете не было... Как же всё быстро! Нестерпимо быстро. А глаза, они, должно быть, передаются по наследству. Причём необязательно по прямой линии. Чаще по каким-то причудливым траекториям вовсе не кровного родства: отступающая волна одного поколения насылает взамен новую, как две капли подобную себе же...

Я осторожно – чтобы не разбудить – перевалился через спящую и подошёл к окну. Снег стих, но не прекратился. Редкие неспешные хлопья слабо мерцали в уличном сумраке, в окнах стояли тусклые фонарные блики, где-то сбоку виднелась пятнистая луна. Окно напоминало домашний аквариум. В дошкольном возрасте я любил наблюдать, как нежатся в нём медленные серебристые рыбы, едва колышутся экзотические водоросли, мелко подрагивает робкая подсветка. Совсем рядом по ту сторону стекла действовали иные законы, жили иные существа, лучился нездешнего колера свет. И проникнуть внутрь этого светящегося в нескольких миллиметрах от подушечек твоих пальцев мира было невозможно: убери преграду, разбей стекло – и он перестанет существовать, распластается безжизненно под ногами, превратится в отвратительный склизкий мусор... Так и окно: отвори его только – и потянется вовнутрь студёная сырость, просочится под кожу, разбудит спящую. Она встрепенётся, глянет дико, сожмётся в комок... Но будет поздно: грань между мирами исчезнет, и одним из них станет навсегда меньше... Миры – это стёкла.

ИЗ ПРОТОКОЛА

– Высказывался ли фигурант дела когда-либо о системе собственных ценностей?

– Не припомню такого.

– А что по вашему ему представлялось самым необходимым?

– Воздух.

– Почему вы так считаете?

– Он сам говорил об этом.

– В переносном смысле?

– Во всех смыслах.

– Не дерзите.

– Слушайте, за кого вы меня держите?

– Вы хотите узнать о своём статусе? Вы квалифицированы как свидетель. Впрочем, степень виновности определит суд.

◆ ◆ ◆

Нужно ли нынче писать длинно? Воспримется ли объёмное художественное послание? Вряд ли. Разве что десятка полтора профессиональных критиков полистают. Да и то лишь, если пройдёт в «толстяках». Темп другой, силовые поля, состав воздуха... Может быть, именно короткие записи и есть подспудно желаемое?

◆ ◆ ◆

Всё тянет жить последовательно (сделал одно, перешёл к другому). А не получается. Живёшь в десятке параллельных миров. И по-иному никак...

◆ ◆ ◆

Снег шёл стеной. Словно кто-то решил дочиста опорожнить студёные небесные закрома. Колючие хлопья упорно забирались за воротник, стремительно таяли, упрямо выхолаживали кровь. Они липли на ресницы, царапали глаза, заслоняли дорогу. И приходилось идти вслепую.

Я был свидетелем снегопада и не мог рассмотреть ровным счётом ничего. Такова участь свидетеля. Не самая позорная участь. Хоть и щиплющая порой самолюбие. А почему не виновник? Да, чревато. И ещё как. Но зато всё дело в тебе. А не в снегопаде, дожде или ветре. Это они тебе свидетели, а не ты им...

Но степень виновности и в самом деле определит суд. Чуть позже.

◆ ◆ ◆

Звонки и тишина в трубке. Настораживает, конечно. Но почему они обязательно связаны со всей этой историей? Мало ли кто и для чего возжелал поиграть в молчанку! Такие варианты возможны, что ни в жизнь не догадаешься. А может, это и предупреждение какое? Звоночки, звоночки...

А что касается следствия – оно обязано расставить все точки над «и» во что бы то ни стало, то есть невзирая на истину. Нужно ли это делать – вопрос коварный. Тем паче, когда точки эти ни в какую не расставляются... Но следствие есть следствие. Даже само это слово сигнализирует о том, что оперируют здесь результатами, а не причинами. А причины подбираются исходя из текущего расклада и по логике соответствия. Со степенью правдоподобия, приличествующей случаю. Остаётся только пожелать дальнейших успехов на тернистом этом пути.

А Мута... Кем она была? Свидетельницей, виновницей, следствием? Искать ли с ней встреч? Чем они грозят? Кто знает? В вопросах больше истины, чем в ответах. Мне достаточно знать, что Мута где-то неподалёку, порой думать о ней и припоминать жутковатые совместные приключения. От большего избавь бог. Столько ещё не написано, что непозволительно рано выходить с ней на связь. А то ведь в два счёта затянет, закружит, растворит без остатка. И не сказанное вовремя будет безвыходно зыбиться в лукавом эфире и вечно смущать близорукие души стремительных потомков.



Я сел за стол и взял ручку – терпеть не могу сразу набивать в компьютер. Нужно было писать – давным-давно пора. Сколько раз казалось, что нынче, наконец, напишется не один абзац и не одна страница. Но, вынимая из файла чистый лист, я понимал вдруг, как по-детски заблуждался. И думалось, что это непременно случится завтра.

Но на сей раз и в самом деле вывелось несколько трескучих фраз, снимающих с автора всякую ответственность за написанное.

Потом прервался, отодвинул штору, поглядел на нескончаемый снегопад. Ночь была живой, немой, прекрасной. И я понял, что сегодня же продолжу свои записи. И дело сдвинется с мёртвой точки.



«Надо учиться жить без счастья, но с радостью. Надо верить себе. Надо быть терпеливым с близкими и далёкими. Мы писатели. Мы опираемся на многие дальние плечи. Должно выйти. И выйдет, друг».

ПОЗДРАВЛЕНИЕ

Почтовая история

*Я не таков: пусть буду снами
Заворожен, –
В мятежный час взмахну крылами
И сброшу сон.*

Александр Блок

1

Ну на сей раз я этого дармоеда достану! Мозги куриные его просифоню. Запомнит, урод! Хотя с памятью у него, конечно, напряжёнка. Как и у всякого брата, их обуревшего... Но ничего, нехай поискрит нейронами. С непривычки – на пользу.

Дотягиваются попрыгунчики до кабинетов с секретутками – и не колышат их никакие осадки. Перетирания телефонные, заседания почём зря, с соратниками посиделки без галстуков. Орбита хлебная – сверху не капает. А закапает – большой беды не будет. Передвинуться подсобят. Вон их сколько вокруг, комнатей с сухими потолками!

Ей-богу, будто в каком другом измерении бытуют. Тусуются, шустрят, кумекают. Так же вроде, как и прочие смертные. Ан нет – по-иному. Дело в том, что до прочих им дела нет. Напрочь. И не по злому умыслу. А потому что жизнь для них – они сами. А другое – сказки. Ими не живут – их рассказывают...

И ладно кружились бы в своём рою, жужжали, жирок нагуливали. А они – давай электорат доставать. Чтоб нюх не терял, что ли? Или потехи ради? Или вовсе по раздолбайству? Что за недочеловеки, прости, господи!..

Ну вот, опять завёлся. Сколько раз обещал себе не дёргаться. Куда там! Невроз, кажется, цветёт уже буйным цветом. А чему удивляться? Знаете, как его у крыс в эксперименте формировали? Сажали в ящик и через равные отрезки времени врубали один и тот же звонок. И так недельку. По первости они не напрягались. Потом нервничали, беситься по звонку начинали. А потом, когда звонки прекращались, колобродили уже и без них. Дело сделано, механизм запущен. А что тому виной – вопрос уже чисто исторический.

Но мои звонки – это безнадежная современность. И не звонки, а послания. Регулярные. К праздникам. Если быть точным – и

не мне вовсе. А отцу моему. Правда, он уже два года тому, как умер. Но это обстоятельство автора не смущало. Он был упорен и последователен. Несмотря на многократные доведения до сведения. По крайней мере свита его уверяла, что шеф в курсе.

«Поздравляю с праздником! Хочу верить, что эта знаменательная дата явится отправной точкой позитивных изменений в жизни нашего общества. Обещаю и впредь результативно работать во благо каждого живущего на нашей земле. Всё у нас получится! Спасибо за поддержку! Всего самого доброго вам!»

Это последний перл. Предыдущие не лучше. Я уж собрался было заявление на почту накатать, чтоб сняли с обслуживания. Электронка-то на что? Ну да разве прежние советские привычки переберешь?..

Сколько раз слышал я в трубке вкрадчивый такой голосок девчушки из приёмной, что прекрасно понимает, что обязательно ещё раз доложит, что, конечно, во всём разберутся. Проникновенно говорить умеет, участливо. А потом – не успеешь глазом моргнуть – по новой депеша. Опять сказка про белого бычка...

И пришло время понять, что с меня хватит.

2

Обладательницей милого голоска оказалась дама лет пятидесяти и весом – в килограммовом исчислении – вдвое большим. На изящный стульчик под внушительным её крестцом страшно было смотреть – блестящие ножки напряжённо выгибались, квёлая спинка сурово пучилась, пластиковое сиденье тяжким полукругом стремилось к паркету. Взгляд её был веским и пронзительным. От несовпадения заочно воображаемого и реально зримого я невольно опешил.

– И речи быть не может, – отвечала дама знакомым голоском. – Да, сегодня приёмный день, но все встречи уже распланированы. Люди за несколько месяцев записываются. Мы бы рады помочь, но существует регламент, который нужно соблюдать. Иначе никакой работы не получится.

– А вы всерьёз считаете, что нынче получается? Не играйте под дитя.

– Если вы намерены сделать критические замечания, пожелания сформулировать – можете оставить в письменном виде. Рассмотрим и ответим. С этим проблем нет.

– Не сомневаюсь. Но мне нужно совсем другое.

– Прекрасно понимаю. Всем нужно другое...

Я уселся на огромный, с кожаной обивкой диван, положил ногу на ногу, подпёр подбородок ладонью.

– Очень у вас здесь уютно, хорошо, – сообщил я даме, по-хозяйски оглядывая приёмную, – уговорили: остаюсь.

И улыбнулся – сладко и ободряюще.

– Что это значит?

– То, что мне угодно ожидать реализации своего гражданского права непосредственно в том месте, где и должны откликнуться на моё законное требование.

– Тогда я вызову охрану.

– Мысль чрезвычайно оригинальная, но чреватая. Питаю, знаете ли, слабость к средствам массовой информации и готов поделиться с ними тем, что творится в офисах наших народных избранников. Причём, заметьте, бескорыстно.

– Вы что, шантажировать сюда пришли?

– Не передёргивайте. Это вы мне беззастенчиво угрожаете. И данный факт будет отражён в должной мере.

– Ну, знаете!..

Секретарша потянулась к трубке... Но внезапно дверь кабинета отворилась, и в проёме возник седеющий, в дорогом ладном костюме мужчина с мягкими терпеливыми глазами.

– Вы ко мне? – приветливо спросил он. – Прошу.

3

– Понимаю, понимаю вас, – сочувственно закивал хозяин кабинета после бурной моей четвертьчасовой речи, а ведь даже не успели познакомиться. – Меня зовут Иван Иванович. Как вас величать? Очень приятно. Действительно приятно, что вы столь активны, непосредственны, решительны. Если бы хоть из десяти один у нас был таким, глядишь, и поубавилось бы раз в десять слёз по России.

Иван Иванович встал из-за стола и пружинисто подошёл у окну.

– Вон, полюбуйте. Не сквер – а срез нашего социума. Рабочий день, а все лавочки заняты. Бездельники, алкаши, пофигисты. Ну, куда – дай им волю – они отчизну затянут! И уже почти затянули...

Вы думаете, я ради харчей да мерса с мигалкой на выборы пошёл? Уверяю, нет – это всё куда меньшей суммой покупается. Нужно немедленно прервать то, что происходит. И времени уже не осталось – необходимо действовать самому, напрямую, без посредников. Есть моменты, когда сомневаться нельзя. Иначе не успеть. А что до претензий ко мне по шкурной части – они всю дорогу были, есть и никуда не денутся. Кто на острие – тот и ранится...

Если избран – шутки в сторону. Ты ответственен за всех и вся. Депутат – это власть. И власть, как ни крути, определяет жизнь общества. А разве можно что-либо определить, находясь исключительно в пределах бытовухи, текучки, рутины? Того, что принято называть повседневщиной. Жизнью, если хотите... Чтобы мыслить стратегически, нужно смотреть и со стороны, из-за её пределов. А что за её пределами? Известно что – смерть. Так что, лишь будучи в контакте с умершими, и возможно организовать течение жизни верным образом. И мёртвые в этом, как сие ни странно звучит, изрядно помогают. Впрочем, что же здесь странного? А вам отец разве не помогает?.. А другие близкие и дальние?.. И за это нужно быть им благодарным. Вот я их и поздравляю. Со всеми нашими общими праздниками. Нынешние адреса этих людей неведомы. Поэтому приходится использовать их последние здешние координаты. А какая альтернатива? Вообще поздравлений не посылать? Вообще наплевать на прежних своих избирателей и забыть про них? Тогда нынешние в два счёта от тебя отвернутся и будут абсолютно правы. А потом и вовсе забудут как звали. За забвение расплачиваются забвением.

И не я один так думаю. При возможности приглашу вас на рабочую встречу с коллегами. Если интересно, поприсутствуйте, послушайте. Для понимания положения вещей – нелишнее.

– Вы так считаете?

– Убеждён. Нужно не только помнить – нужно не расставаться. Хранить эти связи, обновлять, питать смыслом. Одним нам тут никак не выдюжить. Может быть, мои послания вашему батюшке и есть те самые незримые нити, без которых хаос и тьма. Вам это никогда на ум не приходило?

Принято нынче уповать на некие потусторонние силы, которыми наш порядок вещей и держится. А то, что у каждой из этих сил есть вполне конкретные имя и фамилия – знать не хотят. Так удобнее лабуду народу гнать – всё кивать не на кого... Такое плохо кончается. Только эта нехитрая истина из голов отечественных уже и повеявветрилась...

– Погоды нынче ветреные.

– Поэтому – внимательнее со сквозняками...

4

– Маш, как ты думаешь, от мёртвых что-нибудь зависит?

– От них всё зависит, – промычала Маша и перевернулась на другой бок. Она была девушкой прямодушной, и потому ей велось.

С Машей мы встретились в странной компании, стихийно сложившейся тихим майским вечерком на квартире у шапочного знакомого. Он всерьёз коллекционировал дореволюционные почтовые карточки с приторными дамочками и любил время от времени под рюмашку похвалиться своими приобретениями. Никто ни черта в этом не понимал, но хозяина не обижали – хмыкали со значением, подолгу крутили пожелтевшие карточки в руках, кивали удовлетворённо. Превосходные дагерротипы! Чем не повод?

Народ в тот вечер собрался незнакомый, но типажный. Вот бородач-физик, развесёлый рубаха-парень с бесконечными рассуждениями о Боге во всём. Рядом – не менее щетинообильный художник, убеждённый в неизменной пагубности успеха. А за ним – напрочь лишённый головной растительности бизнесмен, увлечённый натуралистическими мемуарами о своей алкогольной юности...

Впрочем, между тостами и братаниями гости порой вспоминали о причине собрания и пускались в вежливые дискуссии о природе коллекционирования. Удивлялись, одобряли, чмокали языками. По мере опустошения стеклотары речи их становились всё горячее, твёрже, восторженной.

Гости находили филокартистов людьми несравненными, а хозяйское собрание ветхих картонок – поистине впечатляющим. Победоносно расцветало ощущение целебности собирательства как образа жизни. Самого, может быть, безошибочного...

И вдруг благую атмосферу крепнущего единения, осознания смысла и воздаяния должного легко отравила короткая сентенция, брошенная поперёк разговора.

– Никакая из этих фоток линиях и для сортира не годится – краями поранит.

Машин голос был низким, хриловатым, спокойным. В повисшей тишине она поднялась из-за стола, кисло оглядела присутствующих, отправилась в прихожую. Потом вернулась, залпом допила свою стопку и шумно выдохнула:

– Ну, я пошла.

Трудно объяснить, почему я через минуту кинулся её догонять. Какой чёрт меня дёрнул? Может быть, воспалённая старкой душа откликнулась на правду? Или глупая выходка безыскусностью своей зацепила?

Я наступил её через квартал. Скандалистка шла быстро, руки в карманы, на оклики не оборачивалась. Пришлось приобнять с бережным укором.

- Ну, что ты, Маша?
- Козлы трескучие! – пробасила она.
- Чёрт с ними.
- Согласна.

Маша напоминала насупленного птенца-переростка, на всякий случай дыбящего пёрышки во все стороны. И когда я погладил её по голове, она встряхнулась по-птичьи, глянула остро и промолчала. Только ещё круче нахмурилась и втянула голову в плечи.

Бродили долго. Кружили по кривым переулкам, выходили на безлюдную набережную, поднимались по стёсанным лестницам. Я говорил, что каждая из паршивых открыток – всего лишь пароль, по которому самые не схожие друг с другом люди, глядишь, и сходятся. Что неважно, из каких времён в какие и с чьей подачи листок этот несчастный перелетел. И что там нарисовано – тоже без разницы. Фишка вовсе не в нём. В нём-то самом как раз ничего худого и нет... Маша слушала не перебивая и сосредоточенно вглядывалась в густеющую уличную темноту, где кучно светились раскалённые августовские листья.

– Пойдём лучше ко мне, – резонно резюмировала она на третьем часу моциона.

И мы пошли.

5

– Иван Иванович хотел с вами поговорить, – сообщил милый знакомый голосок, – переключаю...

Могла бы поинтересоваться, а хочу ли я. Впрочем, любопытно, что это он вдруг...

– Здравствуйте, здравствуйте! Рад слышать. Не читали сегодняшнюю «Госгазету»? Зря. Газеты читать надо. Мнения изучать. И нынешних. И предшествующих. Важная, надо сказать, составляющая. Весьма. Как правило, это обстоятельство недооценивают. А мнение мёртвых – это не мёртвое мнение...

Так вот. В нынешнем номере – информация о мероприятии, которое всем нам небезынтересно. Да-да, именно то собрание, которое планировалось... А вот скепсис ваш мне представляется неуместным. В самом деле... Мы ведь не то что должны – обречены выступать единым фронтом. А как иначе? Если кто в лес, кто по дрова – таких дров наломаем, что сразу в костёр... Это не прихоть и не вопрос чьего-то там честолюбия. Это необходимость – деваться-то некуда... Так что жду и очень рассчитываю на правильное понимание. Вы произвели на меня очень приятное впечатление...

6

Маша никогда не симулировала оргазм. Разящая непосредственность была врождённой производной её дюжего тела. При этом она тяжело поворачивалась на бок и смотрела – мрачно и неподвижно – куда-то сквозь стену. На прикосновения ёжилась и каменела. Воцарялось молчание, становилось страшно.

Нет, так бывало вовсе не каждый раз. Свирепая страсть жила в ней укомрно, пробуждалась неспешно и сокрушительно. Являла себя в холодной плотоядной улыбке, крупной неукротимой дрожи, металлическом блеске отсутствующих глаз.

– Что ты, Маша? – глухо шептал я скороговоркой.

Но Маша не отвечала...

Казалось, что она постоянно во что-то вслушивалась. Чутко, жадно, отрешённо. Ловила сигналы какого-то иного измерения и в первую голову следовала именно им.

– Дурачок ты, – басила Маша, подойдя к распахнутому в полночь окну, – ничего-то ты не видишь.

– А что там? – робко интересовался я, слепо вглядываясь в сплошное чёрное.

– А там ходят бесшумные ночные почталыоны с огромными-огромными сумками на старых ремнях. У каждого почтового ящика они долго и внимательно роются в своих огромных баулах, радуются как дети, отыскав нужную депешу, бережно опускают её в щёлку. И идут дальше – блаженно и умиротворённо. А когда не отыскивают ничего – но такого почти что и не случается – горятся сильно, словно потеряли хорошего-хорошего друга...

– А почему же они ходят только по ночам?

– А днём ни радоваться, ни печалиться некогда. Сам, что ль, не знаешь?

– Мне ли не знать...

7

Дяди в зальчике собрались серьёзные. Здоровкались, по плечам друг дружку трепали нежно, похохатывали вполголоса. Шептались свойски, брови в ответ вздымали, кивали понимающе.

Потом все расселись, попритихли, насупились. Выступал человек с острыми тревожными прозрыками. Говорил ровно, неброско, уверенно. О том, что это, конечно, радостно, когда есть сплочённые товарищи, которым небезразлично и которые готовы. Не было бы этого – не было бы вообще ничего. Но одним этим отрадным обстоятельством решения всех наших задач, конечно, достичь нельзя. Что имеется в виду?

– Да вот лежал я тут днями под капельницей, – по-товарищески приоткрылся оратор и, хлебнув водички, доверительно пояснил: – Просто плановая профилактика. Раз в год – очень кстати. Так вот, у девчонок-медсестёр только и разговоров. Эта с этим три года живёт, та с тем – пять. А подружка Манькина и вообще хрен знает сколько... А что дальше? Все сходятся, что кобелям и так не кисло. Всё, что нужно – под боком. К чему детей-то рожать? К чему народ растить? Одна боль головная... А между тем, кто сильней головной боли страшится, тот быстрее её и получает. Такую, что мало не покажется...

Маша слушала с интересом и в знак одобрения пару раз ощутимо пихала меня в бок крепким своим плечом.

– Конечно, народ множить нужно. И консолидировать. Но ждать, когда до обалдуев наших эта очевидная мысль дойдёт, некогда. Все, кто имеет головы на плечах – уже сегодня должны быть вместе. Иначе не сносить ни одной...

Впрочем, и те, кому уже сложить её пришлось – тоже в стороне оставаться не должны. Вы понимаете, о чём я говорю? Им нужно найти подобное и значимое место. Нельзя, чтоб строй разрывался. Это конец...

– А, может быть, начало? – глупо пошутил я.

– Правильно мужик излагает, – выдохнула мне в ухо Маша.

– Да?..

8

По врождённому легкомыслию я преступно недооценивал потусторонние чары. Хотя всю дорогу и мнилось, что я человек сугубо здешний и в ладах с реальным положением вещей...

На всякого рода вечерних посиделках Маша всё реже составляла мне компанию. А при встречах говорила о том, что любезный глупому сердцу нигилизм – штука обаятельная, но бесплодная. А собиравательство – вещь серьёзная. Нужно только понимать, что собираешь. Конечно, может кто-то лёгкую порнушку времён Первой мировой и держит за ценность нешуточную... Но дерьмо от времени золотом не становится. А бабы у нас по-другому жить должны. Это же очевидно. Разве не так? Тут работать нужно. Без труда – ни рыбку съест, ни в Думу сесть...

А что касается мёртвых – тут одного контакта мало. Нужно понимать, что они окончательны и незыблемы. А потому следует принимать их за ориентиры. И не стыдиться этой их роли... Они – и не надо глупо лыбиться – могут изменить очень и очень многое...

Я, понятное дело, догадывался, почему Маша всё чаще была по вечерам занята. Но ни о чём не спрашивал. Разве что удивлялся. Хотя было бы чему... Все мы взрослые люди. Даже чересчур.

9

Человек что лампочка – лопаётся вдруг внутри – ни с того, вроде бы, ни с сего. Тыщу раз не лопалось, а тут – шандарах и всё. Может, нажимай и ещё столько же – и ничего. А именно в этот день – получай по полной...

Расставались мы глупо и аполитично. Она даже от стакашка кагора не отказалась. Хотя как раз собиралась на митинг, где за это по головке не гладят.

– Это же причастие. Одобрят, – неуклюже съязвил я.

– Там прикольно. Там что-то, глядишь, может и вызреть. Там ведь всё в натуре и всерьёз. Мальчики такие упертые. И не только из-за места себе жопу рвут...

Маша была грустна и решительна.

– Давай, что ли, ещё по одной?..

И коротко чмокнула меня на прощание в щёчку.

10

С вечера обычно спалось сносно. До двух где-то. А потом – как переключивало.

Приходилось тащиться на кухню, давиться каким-то мерзким снотворным. Включать-выключать телик, шататься из угла в угол. И снова через не хочу заворачиваться в потный пододеяльник.

И тут шли они – поздние усталые письменосцы. Плохо выбритые, в штанах из секунд-хенда, с неизменными сигаретинами в жёлтых зубах. Они были обстоятельны, неторопливы, дотошны. Шурились на слабом свету, перечитывали, сверяли каждую закорючку... И наконец плавно опускали конверты, с неким сожалением даже облегчая свои раздутые сумари. Им бы, болезным, поскорее отстреляться и на боковую! Ан нет...

Не вычетов штрафных из зарплаты они боялись. Там деньги сиротские! Им важно, чтобы порядок вещей не нарушился. Чтобы всё-всё доходило до того, кому послано. И оттого ржавое солнце наутро сызнава тянулось по своим прежним следам.

11

Без Маши я совершенно отошёл от общественной жизни. Хотя и любил прикупить с утра в киоске свежие газетёнки, полистать их за чаепитием, поулыбаться. Без этого действия уже и

не по себе делалось – беспокойно, томительно, тускло. А сколько обнаруживалось негаданных подтверждений тому, как глубоко прав был Иван Иванович!

Только так и возможно было привести себя в гармонию с миром, приучить нервы к тому, что стряслось, настроиться на то, что стрясётся вскоре. Лучше делать это в позитиве и уединении. Так что утренний чай – самое время.

И когда я в очередной раз распахнул полосы над терпким дразнящим дымком, то был немало удивлён, увидев знакомое и значительное лицо в неожиданной чёрной рамке. Это было самоубийство...

Позже появлялись сообщения, что против него велось сразу несколько дел. По коррупции, по превышению должностных полномочий, ещё по чему-то... Писали и про личные моменты. У него, дескать, была вторая семья – а это не нравилось первой... Эка невидаль! Бог – судья этим борзописцам. И дело не в том, верил я им или нет, просто Иван Иванович был мне симпатичен. К чему мне всамделишные перипетии его погубленной жизни? Я с лёгкой душой припоминал его напористую участливость – хоть и служебную, но всегдашнюю – неизбывную подростковую щеголеватость, трогательное стремление к убедительности...

Я думал об Иване Ивановиче целый день. А на следующий понял, что мне его явно не хватает. И, конечно, поиздевался над собой во весь нецензурный лексикон... Но не помогло.

В конце бессонной недели, пересилив себя, я позвонил Маше и сообщил новость. Она коротко ответила, что знает. Что теперь работает в аппарате. И что именно она и давала информацию в СМИ... И, не прощаясь, отключилась. И в самом деле – о чём говорить?..

И только через несколько дней, когда за ранней заправкой кофеином я снова наткнулся на броский заголовок-страшилку – понял, что нужно делать.

Накинул куртку, спортивным шагом долетел до ближайшего отделения связи, требовательно постучал в окошко.

– Да, на торжественном бланке.

«Уважаемый Иван Иванович, искренне поздравляю! Верю, что ваш новый статус не помешает деятельно участвовать в преобразованиях, которые столь важны, сколь и необратимы. Желаю вам прежней целеустремлённости и новых духовных свершений».

Что это был за праздник? Какой-то из новых. К стыду своему я по сию пору никак не запомню правильного его названия.

Девчушка в окне спросила адрес. Адрес его офиса я знал наизусть.

МЫЛЬНЫЙ ПУЗЫРЬ

Книга простодушия

*Будете любоваться ими и помнить, что вы на это способны.
Из инструкции по запуску мыльных пузырей*

1

Сосед Игнатьев, мелкий старикашка, взволновался. Желвачки под блёклой кожей так и заходили. Пальчики задрожали сильнее обыкновенного. Он даже на кухню потрусил водицы прихлебнуть: во рту пересохло. Глазки слезящиеся забегали, ноздри запарушили, волосёнки последние вздыбились. Забавным он становился, когда дёргался. А дёргался частенько. Непокойная за ним жизнь угадывалась. Сосед Игнатьев не слишком про неё распространялся, намёки только бросал, жалуюсь. сетовал на всё подряд. На цены несусветные, на здоровье квёлое, на беспредел сплошной. Раньше, говорил, кровь пили не хуже нынешнего, а, как ни крути, веселее было. Пропесочит на партсобрании, поразговаривает по душам особист, пробежит внутри ветерок леденящий. А вечерком застроишься слегка с дружкой, потолкуешь, репу почешешь. А ведь хорошая, всё-таки, у нас страна. Да, строгая. Но справедливая. А как иначе? Иначе разодрали бы в пух и прах к чёртовой матери. Ёжились, конечно. А гордость пёрла!..

Ну и так далее – вся старая песня. Но о былом не часто кручинился. Всё больше по пустякам ворчал. Почему в подъезде ремонт лет уж пятнадцать как не делали? Чем эти управдомы долбаные занимаются? Почему он один заморачиваться этим должен? Другие что, на луне живут? Неужели приятно ножками безразборными по щербатинам лестничным кондылять? Не надоело на кафель растресканный по площадкам любоваться? Ох, и людишки! Им в глаза, а они – божья роса!

Сосед Игнатьев снова прилип к дверному глазку. Напружинился, замер. Со зрением просто беда. Мало того, что подослеп. Тут уж ничего не поделаешь – возраст. Так ещё цвета плохо различать стал. Не то чтобы уж вовсе напрочь. Но с оттенками явно раздружился. Что бордовый, что коричневый – всё одно. Жить, конечно, можно. Да без прелести этакой куда сподручней...

Он уж и в районную поликлинику повадился. Чуть не каждый день – как на работу. По очередям промариновался на пятилетку вперёд. Но добрался-таки до окулиста. Тот выслушал его кисло,

почитать табличку заставил – то справа, то слева позаслонял. Хмыкал всё, ёрзал, на часы косился. Направлений на анализы разные кучу повыписывал. Сказал, результаты принесёшь, тогда и дно глазное посмотрим, и давление в очах слабосильных измерим. Ну, а там соображать, что к чему, будем.

Сосед Игнатьев и таскался по регистратурам да процедурным всяким битый месяц. Получил, наконец, все нужные бумажки и – к окулисту. А он на больничном... Игнатьев повременил чуток и через пару недель опять сунулся. На специализации. Раствёт над собой. Им положено подучиваться время от времени. Дело святое. Что ж возмущаться? Игнатьев ожидал смирно, не роптал. Подумаешь, декада-другая. Зато потом по уму с хворью этой разобраться можно. Когда горячку порешь, ничего путного не вытанцовывается. Хоть Игнатьев и смолоду терпеньем не отличался, а соображение имел. К чему во вред себе суетиться?

Когда по игнатьевским прикидкам глазник должен был выйти, явился сосед в поликлинику со специальной, бережно надписанной «анализной» папкой, чинно стал в очередь к окошку. Перетёрли с бабкой-орденоносной неудельность правительства, происки олигархов, нищенство проклятое. Слово за слово – через полчаса очередь и подошла.

– К окулисту хотите? А он у нас больше не работает. Уволился. Не знаю. Говорят, где-то семейным устраивается. Им теперь денегат подкинули, доктора наши туда и потянулись. Сколько ж можно за копейки очкариков обихаживать? Нет, нового пока не взяли. Ищут. Охотников не больно густо.

Сосед Игнатьев палкой своей едва по физиономии регистраторше не заехал. Как заорёт:

– Сколько можно над людьми издеваться?! Какого хрена вы тут сидите? Меня не колышет, кто уволился, а кто нет! Мне что, подыхать с вашими увольнениями? Я в облздрав пойду – вам там мозги по полной программе прочистят!

– Идите, куда хотите, – устало ответила регистраторша.

Игнатьев и пошёл. Был на приёме у хлыща какого-то, молодого при брюшке и галстук импортном. Тот рассказал Игнатьеву о сложном положении в отечественной медицине. Кадров не хватает. Боремся, стараемся. Но без накладок не обходится. А меры обязательно примем. Это безобразие, конечно. Кого надо – накажем. Ваш вопрос, разумеется, решим. Если помощь требуется, она должна быть оказана. Оставьте адрес, телефон. Вскоре обязательно известим, где и у кого сможете проконсультроваться. Вы уж извините. Всё будет сделано.

Ну, сосед Игнатьев и наладился ждать. Сила воли, правда, уже поиссякла. Всего на три недели хватило. Потом сам позвонил. Сказали, на больничном. Хотел было Игнатьев пойти клюкой в уважаемом учреждении поразмахивать, заставить козлов Бога побояться. Да тут газетёнка одна невзначай под руку попала. Со статейкой. Про то, что дело завели про расхищение денежек местной медицины. По-своему, дескать, понимают чинуши нацпроекты. Как им не стыдно и так далее. И список фамилий. Хлыщ игнатьевский третьим там указан. Игнатьев так и осел. Понятное дело, где видел теперь хлыщ этот свои обещания... Расстроился Игнатьев, рюмку «Зверобоя» тяпнул, проматерился. А потом подумал-подумал. Да пошло оно всё... Решил, доносит zenки свои квёлые такими, как Богу угодно. Одно то, что они есть – уже подарок.

Ещё разок поднапряг сосед Игнатьев зреньице, да колера так и не разобрал. Но понял нутром, что она. Похолодало внутри, онемело малость. Отыскал Игнатьев в кондудите своём телефон отдела и шустро набрал номер.

– ...Приезжайте срочно. Да сколько можно вам объяснять?! Сами всё увидите. Я точно вам говорю. Да, и адрес точный. Жду.

«И почему я за всем должен смотреть, – бормотал он сам себе, повесив трубку. – То ремонт, то чёрт знает что...»

2

Из недр зеркала на Наталью смотрела гладко причёсанная женщина с предательскими морщинками по углам глаз. Манкость и усталость смешивались в долгом взгляде на равных. Да нет, конечно, первая главенствовала. Нужно только пристальнее, внимательнее взглядеться. И сомнений никаких не останется. Фамильные огоньки в чёрных зрачках светятся ровно и уверенно, прищур дразнит цепко и безотказно, разлёт бровей высок и неизменен. Ну, что ты выдумываешь? Всё в порядке, ей-богу!

Наталья вздохнула, раскрыла баночку с кремом и принялась яростно массировать подглазья подушечками пальцев. Нельзя выскальзывать из режима! Не дождётесь! И Наталья показала строгому зеркалу длинный и мускулистый язык.

У Натальи имелся свой фирменный рецепт косметического зелья. Ещё со времён художественного училища. Девки с другого факультета сочинили. С травками, сливками, ягодками. Столько там всего!.. Что интересно, штука эта кожу не только питала, но и подкрашивала. Щёки и лоб приобретали какой-то неизъяснимый оттенок. То ли бронзы, то ли мрамора. Этакая креолка! Мужики балдели!..

Наталья со щемящей гордостью вспоминала себя молодой. Поджарой, стремительной, хищной. К чему напрягаться, чтобы дразнить, очаровывать, сводить с ума? Всё крутится без бензина. Усилия излишни. Они только портят, мешают, коверкают. Нужно только оставаться собой – и всё сбывается. Классное времечко!

Главное теперь – не терять то ощущение. Если оно живо, кожа да кости так и норовят ему соответствовать. А ежели нет – увы... Нужно природность блюсти. Жиром почём зря не наливать, но и не усыхать как печёное яблоко. Года прожитые на горб не вваливать, но и не молодиться как проклятая курам на смех. Не впадать по пустякам в трясучку, но и бревном заскорузлым не становиться. Поддерживать себя надо, а не подстёгивать. И всё будет получаться, как и получалось.

Наталья повернулась к зеркалу боком, оценила свой плоский живот и тургорные ягодички, воинственно хмыкнула и экономно sprysнула настоящим французским духами (бешеные деньги!). Так. Ничего не забыла? А то голова чёрт-те чем забита. То одно из неё выскочит, то другое. Не уследишь...

Вот был случай. Ещё в те годы. Стряпали они с подружкой курсы. Недели две корпели. Чуть не круглыми сутками. Всю зиму, понятное дело, не до того было. Сейшены разные, посиделки с творцами, неформальное общение. График напряжённый. Так что курсяк подзавис. Но ничего. В первый раз, что ли?..

И вот двухнедельный аврал их, слава богу, закончился. Они кати в такси на защиту. Две аккуратные папки лежали рядом на сиденье. Опаздывали (шеф снова отчитывать будет!), но щебетали беспечно и отвязно – дело сделано. Даже глазки таксисту строили. Чернявый такой, зараза... И рад, кобель, подыгрывать. Хотите, говорит, с трёх раз угадаю, как вас зовут. Без брехни, чисто по болюлям. И что прикольно, сразу, собака, и угадал... Разгыгыкались, клуши, шары повыкатили. Как это, расскажи. Секрет, отвечает. Очень раскрывать жалко. Но если вечером увидимся, решусь...

Короче, явились они в актальный зал по-весёлому возбуждённые, просмеявшиеся. К шефу своему уверенно этак подкатывают. А тот щурится хитренько. Что ж, давайте, девоньки, полюбуемся на плоды трудов ваших бессонных... Хвать – а папочек-то и нет. Ну, конечно, в такси оставили, раззявы. Боже ты мой, что тут началось! Еле-еле шефа уломали защиту перенести. Всё верить не хотел. Один деятель уже забывал у извозчика папку пухлую. С романом. Он потом столько крови старшекласнику попортил. Редкий отличник прочёл до середины. Какой? А вы не знаете? «Что делать». Ну, Некрасов, пропойная душа, хоть в ло-

скуты был. Простительно. А вы чем оправдываетесь?.. Небось, про-
вертихвостили всю весну, а теперь эту басню мне и впариваете...

Потом бегом таксиста искали, на пристёбывания его отве-
чали аккуратненько. Встретаться ведь пришлось. Коньяк кло-
поморный в кафе жрать. Сразу ведь не пошлешь – на крючке.
Вершины терпения, чудеса дипломатии... Даже поцелуй в щёчку
пришлось вынести. Хорошо, что так... А всё отчего? Оттого, что
голову подмораживать себе иногда нужно. Чуть крыша перегре-
ется – и пиши пропало...

Наталья поглядела на часы. Пора. Конечно, ничего страшного,
если опоздать, не произойдёт. Но к чему распускаться? Пункту-
альность – признак формы. А кто не в форме, тот за бортом. То-
то и оно.

Наталья по-девчачьи подмигнула своему отражению и вы-
порхнула за дверь.

3

Офисную работу любить надо. Должно быть в характере что-
то от домашнего животного – смышлёного, пушистого, с тон-
ким нюхом. От этого тесного, непростого мира тащиться надо
уметь. Несмотря ни на стены постылые, ни на камни подводные,
ни на напряжёнку муторную. Талант вжиться во всё это нужен.
А потом попривыкнешь, впитаешь, подзабудешь, что жизнь по-
иному коротать можно. А когда о чём забываешь, оно и ни к
чему. Охранительная такая реакция. Правильная. Зачем нам
лишние дразнилки? Искушения, искушения... Ежели на них не
клинить, всё будет в порядке. Не то что тишь да гладь, без ка-
тастроф и запруд непреодолимых. Это ли не самое насущное?

Сергей офис свой недолюбливал. Хоть и трудился в нём уже
несколько лет кряду. Не именно этот пластиком отделанный
зальчик вызывал у Сергея лёгкую изжогу, а общий уклад гля-
нцевого существования таких контор, скользкий механизм их
равновесного бытования, наигранная унификация отношений.
Претило это Сергею. И поделаться с этим ничего он не мог.

Давным-давно, когда работал на одного богатенького старич-
ка, с деньгами не дружил. А настроение было супер. Мотания
по городу, тары-бары с коллекционерами, уславливания, пере-
игрывания. Всё живо, щекочуще, остро... Ветер неизвестности
царапал щёки. Мышечная радость какая-то играла. Вроде и не
для себя старался, а азарт охотничий, жадность до жизни, пред-
чувствия смутные так и влекли. Что там за поворотом? Какой
сюрприз сюжета? Случаются ведь вещи невероятные...

А может, время невзначай переменялось. В цену прочность вошла, сытость, безуглость. На иное заглядываться страшновато стало – пропадёшь. Хлеб с маслом никто в рот не положит. Самому при кормушке быть надо. Хавай, до чего дотянешься. Хоть с того и стошнит порой, а выбирать не приходится. Хочешь небо коптить – умеи переваривать.

Самые желанные для Сергея минуты – это вечерний выход из офиса, неторопливое усаживание за руль, врубание спокойной мелодии. Ровное шуршание вкрадчивого мотора, мирные сумерки в фонарных крапинах, пряное грудное тепло медленной сигареты. Наконец-то можно остаться наедине с собой, покайфовать от этого недолгого бункера с кожзамовской обивкой, подумать о чём-то дальнем и вряд ли возможном. А может, и вовсе ни о чём. Глядеть себе и глядеть в городской с подпалинами сумрак. Расплываться в нём, растворяться, исчезать. Может, лишь ради этого краткого праздника развоплощения и стоило переживать всю дневную мутату, переругивания, обрыдлость? Что-то ведь должно даваться в награду?

Сергей с удовольствием притапливал аксельсатор, улыбался нарастающей невесомости, глядел, как законная фонарная россыпь выстраивается в линии. Этаким вечерний полёт в неведомое. Что-то от молодости, что-то от власти над временем и пространством...

Вообще раньше он не был заядлым автомобилистом. Когда-то в порядке вещей было собраться после работы в каком-нибудь кильдиге, потрапаться от пуза, и само это пузо пивом под завязку заполнить. Душно там было, дымно, по-братски. Шуточки, подначки, планы. Роскошь общения, как высокопарно говорили после третьей. Тоже праздник забвения. Ненастностей да гадостей ведь и тогда хватало. Это сейчас – хоть и творилось то недавно – кажется, что погожих дней больше случалось. Впрочем, может, так оно и было...

Потом всё выветрилось быстро, как сигаретный дым при открытой фрамуге. Судя по тому, что машина появилась, жить стало лучше. Но отнюдь – вопреки знаменитой цитате из сталинской поваренной книги – не веселей. И пришлось музычку прежних разговоров ловить в поздних автомобильных саундтреках. Зато не занесёт, как раньше – тумблер крутанёшь, и ты сно-ва здесь. Вроде бы как сам себе хозяин. Вроде бы...

Нынче удалось смотаться чуть пораньше. Шеф на какую-то деловую встречу срулил. По крайней мере официальная версия была такой. Ну и перо ему... Конечно, позвонить может, проверить. Но

в приёмной девулька находчивая... Сергей прекрасно знает, какие конфетки она предпочитает. Да шеф, как пить дать, и сам понимает, что его еженедельные планёрочные разглагольствования – не более, чем соблюдение правил хорошего тона. Номер свой отрабатывать нужно. Мужик-то он ведь сообразительный.

А в самом невинном сбегании столько прелести! И мальчишество, и страшок лёгкий, и самоуважение, что посмел. Ну и пусть будет – и по голове, и даже ниже пояса. А по фигу. Остатки недужного авантюризма на донышке разумения ещё глеют. И дай бог. Для чего-то да стодятся...

Сергей катил быстро – времени было ещё в избытке. Он вообще любил ездить с чувством и с толком. Балдел не только от скорости. Ценил какую-то грацию движения. Характер мотора, покачивание подвесок, дрожание приборных стрелок. Он был вовсе не лихач, а раскушиватель процесса перемещения в пространстве. И разве можно назвать это хобби? Нет. Тут бери выше. Свойство крови. «Именно так», – улыбнулся про себя Сергей.

Он припарковался во дворе, как всегда сунул одному дворовому аксакалу десятку, чтоб присматривал, не торопясь вошёл в подъезд. Поднимаясь по лестнице, услышал лёгкий гомоник наверху. Поначалу и головы не поднял – что за важность. Но через пару этажей понял, что брожение это непонятное именно на его площадке. Он непроизвольно ускорил шаг и оказался перед своей дверью.

– Что здесь происходит?

4

Сосед Игнатьев отвечал бойко и с удовольствием. Даже вопросы до конца не дослушивал. Суетился, причмокивал. Просекал важность момента.

– Да ослаб я зреньцем на старости лет. Но кое-что ещё примечаю... Крутился кто-нибудь на площадке? Да как сказать... Выглянул я невзначай в глазочек, а у двери напротив вроде кто-то стоит. Ко мне спиной. Ну, мне-то что? Я и отвалил. Минут через пятнадцать смотрю – вроде и нет никого. Может, мне и показалось. Значения-то не придаёшь... Нет-нет. Это я так. Конечно, человек был. Женщина или мужчина? Не различил. Со спины они все одинаковые.

Игнатьев виновато поглядел на поскучевшие лица вопрошающих и поспешил поправиться.

– В пальто длинном. До пяток. Женщина, стало быть.

И, испугавшись безоговорочного вывода, опасливо добавил:

– Хотя и мужики нынче такие носят...

Конфузливо оглядевшись, Игнатьев замолк.

– Да, не густо, – вяло отозвался здоровячок в штатском, – точнее говоря, ничего вовсе.

– Нарочно придумывать не хочу, – оправдывался Игнатьев, – вам ведь это ни к чему.

– Ни ку чему, – задумчиво согласился здоровячок и безнадежно посмотрел на Игнатьева. Повисла пауза. Здоровячок достал портсигар, закурил. Сопровождающие пригорюнились.

Горел тусклый свет, вяло клубился дымок, медленно плыла пыль.

– Неужели женщину от мужчины отличить нельзя? У женщины плечи – во, а бёдра – во! Сапожки, опять же... Вторичные половые признаки, понимаете? Не все же подряд нынче гермафродиты. Кто есть кто, понять завсегда можно. Ну как же вы так, уважаемый?

– Так ведь может и не было никого, – неожиданно перировал Игнатьев и насутился, – почём я знаю?

На укору он обижался и в обиде своей упорствовал. Всё в сторону косился, платком носовым веки тёр. И теперь отвернулся к лифту, засопел. Мужики озадаченно переглянулись. А здоровячок в сердцах махнул рукой, сел на подоконник и обратился уже к ним:

– Какие мнения по дальнейшим действиям?

5

Он представился с театральной галантностью: честно прижал подбородок к груди, резко вскинул голову и, глядя прямо в глаза, торжественно произнёс имя и фамилию. Ничего выдающегося в этом не было. На знакомство нет-нет, да и набивались. Не все подряд, конечно. Наталья была из тех, что слегка отпугивали. Как поглядит широко раскрытыми глазищами пристально, как обдаст холодом острым, как затеет паузу мхатовскую... Так мужичок и поддёргиваться начинает, лицом перебарщивать, пыжиться. Делает ещё пару вялых заходов для порядка, да и отваливает с миром. У неё само собой это получилось, без умысла. Рефлекс такой.

Но на этот раз осечка вышла. Взгляд её был дымным, медленным, затягивающим. Чёрт его знает, почему. Но уж никак не из-за достоинств соискателя внимания... Просто сбой системы.

И вот они уже идут краем водохранилища. Он что-то рассказывает, стараясь рассмешить. Она сдержанно улыбается, погля-

дышает пытливо. Вокруг – тихо-тихо. Раннее лето, начальный вечер. Зеленоватая вода мирно поблёскивает, речные чайки нежатся на косом солнце. Набережная совершенно пуста – всё как вымерло. И, может быть, оттого расхожие истории так выпуклы и забавны. А главное – голос. Грудной, насыщенный ровный. Сотканный точно, без чрезмерностей. Ни на что не претендующий, не напрягающий уши. А заражающий, властный, обволакивающий. Казалось, что он живёт независимо от своего обладателя. И совпадение их во времени и пространстве – не более, чем счастливая случайность.

Для Натальи вне голоса человека не существовало. Сколько раз перед ней возникали представители мужской части человечества, явно способные вызвать благосклонность противоположного пола. Однако стоило им открыть рот, и всё менялось. И дело было не в том, что они говорили. А в том, какие звуки вырывались из глоток этих лощёных субъектов. Отрывистые, неожиданно высокие, надтреснутые... Да мало ли что могло подстергать собеседницу! И вдруг оказывалось, что невинная особенность голосовых связок перевешивает всё остальное. Будто что-то первостепенно важное было закодировано в этих царапающих обертонах.

Но на сей раз совпало – тембр оказался именно таким...

Вечерушка и вправду была идиотской. Если б он не предложил, Наталья и так улинула. Художсамоделные обязалки под умильные взгляды подержанных профкомовцев неотвратно будили тошноту. Студиозусы откровенно позёвывали в ожидании танцулек, но худо отрепетированная бодяга всё тянулась и тянулась. Все понимали, что без вступительной тягомотины никак нельзя – ни одна собака бы не разрешила. Но слишком уж этой мутагой увлеклись, явно перестарались. Верноголовые ребята, административная косточка...

Он смешно передразнивал желторотых первокурсников, которые в залежалых, не по росту костюмах старательно и неуклюже пытались топотать нечто народно-украинское. Артист в нём явно жил. Выходило не просто похоже, а прямо-таки уничтожающе. В порошок стирал. Приседал, подпрыгивал, вразнобой поводил предплечьями. Строил растерянные рожицы, озирался нелепо. Замирал вдруг, дрожал мелкой дрожью. И следом рассыпался детским смехом, от души потешаясь над своими недотёпистыми персонажами.

Ровное светлое тепло мягко садилось на плечи. Сумерки не торопились густеть. Тишина была почти осязаемой.

– Робко месяц смотрит в очи,
Убеждён, что день не минул,
Но далёко в область ночи
День в объятия раскинул, –

игриво поглядев ввысь, продекламировал он. – Нынче этого сочинителя не читают.

– Ну, отчего же? Я, к примеру, порой не прочь полистать на ночь этого рачительного помещика. Лёгкие, знаете ли, сновидения навевают.

– Да неужели? И в самом деле невесомые?

– Как вон тот летающий-тающий объект, – задрала голову Наталья, – точь-в-точь.

Поодаль высоко в небе плыл едва различимый шар. Он был прозрачным. Контурсы угадывались лишь по плавному движению выпуклых боковых бликов. Он парил на такой высоте, что зрение с трудом дотягивалось до этого непонятого предмета.

– Вот это метафора! Вы меня просто обезоружили.

– Ерунда какая! Советско-окуджавское «А шарик летит...». Не более того. Тоже, небось, откуда-нибудь содрано.

– Не любите комплиментов?

– Люблю расставлять все точки над «ё», как говаривал один мой забубённый знакомый...

– Вы такая педантичная девушка...

– Бросьте, юноша. Не паясничайте...

Вечер подступал нерешительно, речная рябь укрывалась сизовой дымкой. Редкие облака тяжелели. Даль размывалась.

– Не пора ли нам закругляться? – осведомилась Наталья.

– Да вы что! Вы совершенно не умеете гулять. Впрочем, не только вы. У нас напрочь отсутствует культ прогулки. Не в крови это у нынешнего человека, чтобы выйти вот так, без церемоний, не по делу какому али топором за пазухой. Оглядеться, не суетясь. Посмаковать закат. Да вы посмотрите, как чудно смеркается! А знаете, откуда это пошло? От Вергилия. Слышали о таком римском поэте? Это он первый выбрался из дому просто так, ни для чего. Прошёлс по уклонам тамошним, прибалдел от зелени чересчурной, нежилс на солнышке цепком. За жизнь поразмышлял, о вечном вспомнил, сварганил, не напрягаясь, строк несколько. Да и воротилс, благодный, дальней дорогой в родные пенаты. Умиротворённый, тихий такой. Другой совсем. А раньше никому такое и в голову не приходило. А всё так просто...

– Поверю вам на слово.

– И правильно. Всё равно ведь не проверите. Ни в каком ЗАГСе не зарегистрировано.

– Вы ревнитель ЗАГСов?

– Отношусь индифферентно. Но чту достоверные сведения.

- И что же вы имеете сообщить достоверного ещё?

– Ну, например, собственное имя. За пару часов однократное упоминание его все при знакомстве выветривается как бокал сухого. Вы вот, вижу, вполне созрели позабыть. А нужно, чтобы запало... Остановись и закрой глаза!

Наталья вздрогнула от перехода на ты, но повиновалась.

– Сергей, – густо прозвучало из темноты.

Она и вправду уже едва помнила.

6

Ближе к окончанию учёба стала Сергея откровенно доставать. Специальность явно не шла. Работы его безжалостно браковались. И по большому счёту того заслуживали. Творил он изпод палки, находил предлоги отложить всё, что только можно на потом. Чуть ли не за волосы подтаскивал себя к неоконченному, осоловело взирал на полуфабрикат, сплёвывал и засовывал его куда подальше. То, что всё же вымучивалось, ввергало автора в беспросветное уныние.

Его живо интересовало, влекло, захватывало всё, связанное со специальностью. Он вовсе не от безделья шатался по мастерским и выставкам, копался в манерах письма, копался в бог весть где добытых альбомах. Но своего качества в этом затягивающем пространстве наверняка определить не мог. Натужные попытки создать свою собственную реальность фатально оканчивались ничем. И Сергей стал исподволь к этому привыкать. Как ни странно, такое положение вещей несколько не отвращало его от предмета занятий, а подталкивало на поиски других возможностей. Многие ведь находят способы по-иному кантоваться в сферах, давно для себя обозначенных, излюбленных и органичных. И смена ролей при этом – штука гораздо менее болезненная, чем представляется поначалу. Вовремя уходящие от не присущей им роли – люди по-настоящему живые и неподдельно счастливые. Они открывают в себе свойства, о которых и не подозревали в прежней своей ипостаси. Дают им окрепнуть и расцвести, позволяют завладеть собой безраздельно и становятся оттого вовсе иными. Чем не путь обновления? Разумеется, новое новому рознь. Но когда сегодняшнее проедает печёнку, ей-богу, есть смысл рискнуть.

Волею случая познакомился Сергей с остроносим гологоловым старичком в жилетке и при печатке на левом безымянном. Вёл он себя вкрадчиво, но повелительно. Глядел остро и нескучно. Дробно постукивал сухонькими пальчиками по столу и ораторствовал.

– Вам это, молодой человек, будет полезно. Очень саморазвитию способствует. Оно при этом без каких-то дополнительных усилий проистекает. Вам с такими людьми доведётся встречаться! С весьма неординарными личностями. Общение – вещь незаменимая. И к сожалению, летучая... Это вы потом поймёте. Да и деньги вполне эквивалентны требуемым трудам. Даже более чем. Приятное с полезным. А? Соглашайтесь! Не прогадаете.

А почему, собственно, и нет? И Сергей долго себя уговаривать не заставил...

Те, к кому Сергей являлся по заданию, угощали его чаем. Спрашивали о занятиях, планах, вкусах. Вздыхали о собственной безвозвратной молодости. Вворачивали анекдотцы, случаи всяческие прикольные. Сами же хохотали, Сергея по плечу хлопали. Подливали ещё заварки, рассуждали о тенденциях. Курили без спешки, задумчиво улыбались. И уж потом переходили к делу. Люди были воспитанные.

Конечно, случались исключения. Куда ж без них? Один из заведомо этой тусы прямо с порога начинал орать, что это грабёж, что на такие условия больше никогда не согласится, что это в последний раз. Он горячо выкидывал перед собой ладонь, наводнял прихожую гнилостным зубным духом, заходился яростными приступами астматического кашля. Потом стихал постепенно, тащился в комнату, молча подписывал бумаги. С нервами у этой публики ладилось не всегда.

Попадались и авторы-профессионалы, весьма порой известные. Давно бывшие на слуху. Разговаривать с ними живьём Сергею было даже и не по себе. Он не вполне понимал, как с ними себя вести. Поэтому больше помалкивал, слушал, поддакивал... Но в основном это было общество перекупщиков, оценщиков, собирателей. Их естественным и постоянным состоянием были переговоры, соглашения, улаживания. Они торговались, выстраивали комбинации, заключали союзы. Друг друга хвалили, друг про друга сплетничали, обещали друг другу золотые горы. Круг свой оберегали ревниво, зорко, цепко. Новые лица вызывали у них раздражение и досаду. А огорчать друг друга имели право только они сами.

Роль Сергея определить одним словом не получалось. Он был отчасти и курьером, и полномочным представителем, и инкассатором. Ставил в известность, напоминал, предлагал. Доставлял по

адресу, разубеждал, расплачивался. Рабочий день был не нормирован, требования чётко не очерчены. Нужны были силы, желание и интерес. А на дефицит добра этого Сергей пожаловаться не мог.

Правды ради нужно сказать, что старичок оказался прижимистым, крохобористым, цепкопалым. С денежными знаками расставался трудно, скрепя сердце. От полочки сергеевой то и дело норовил толику добрую отщипнуть. Но Сергей не роптал. Бог старпёру судья. До гробовой же доски впахивать на него никто не собирался. Так, пока в кайф. К тому же наколки, судя по всему, входили в правила игры. И справедливости в них искать – что иголку в стогу. А играть можно по любым. Главное, чтоб они были.

7

– Что здесь происходит? – переспросил один из мужчин. – Вот и мы пытаемся ответить на этот вопрос. Может быть, вы нам поможете? Вы, как я понимаю, хозяин квартиры?

– По-моему, по-хозяйски ведёте себя именно вы, – напористо возмущился Сергей.

– Мы ведём себя так, как предусмотрено нашими должностными обязанностями, – резонно возразил собеседник и показал раскрытое удостоверение, – скажите спасибо, что соседи у вас бдительны и неравнодушны.

Сергей, поморщившись, оглянулся на Игнатьева. Тот сердито съёжился и веско промолчал.

– Но они, понятное дело, не во всём могут помочь, – продолжил мужчина, поймав взгляд Сергея. – Ваши показания – прежде всего.

– А почему же мне не сообщили? А если бы я не приехал? А если бы меня вообще в городе не было?

– Соседи ни рабочего, ни мобильного телефонов ваших не знают. Но их номера вот-вот должны нам доложить. Так что, разумеется, вас непременно бы разыскали. И очень оперативно. Но теперь вы избавили нас от такой необходимости.

– Утешили... – протянул Сергей, оглядывая стоящих в дверном проёме незнакомцев, чем-то неистребимо похожих на собеседника. За ними виднелось невеликое холостяцкое жилище.

– Может, всё-таки потрудитесь объяснить? – снова потребовал Сергей. – Человек приходит с работы и застаёт чёрт знает что. Проходной двор, разгром полнейший... У меня просто слов нет.

– Как раз слова вам сейчас и понадобятся. Для ответов на наши вопросы. Без необходимой информации всяческие объяснения – не более чем фантазии. Согласны?

Сергей обречённо вздохнул и красноречиво покачал головой. Что, дескать, творится?! Описал круг по лестничной клетке, едва не задев плечом соседа Игнатьева, нервно глянул на часы и вернулся на исходную позицию. Смотрел, как неожиданные визитёры деловито раскладывали на кухонном столе какие-то бумаги, вдыхал яростный запах дешёвых сигарет и сомнительного мужского парфюма. Происходящее казалось Сергею каким-то дурацким фарсом, бессмысленной и нелепой игрой в реальность. Он не чувствовал ни удивления, ни страха. Им владело негодование. По какому такому праву в его жизнь вторгаются бесцеремонно, распаивают её настежь без спроса, орудут по своему разумению? Чем он обязан всем этим негадным персонажам?

– Можно ли мне войти в собственную квартиру? – вежливо поинтересовался Сергей.

– Да. Проходите на кухню. Там и поговорим.

Сергей переступил через лужу и вошёл.

8

Сергей заметил её сразу. Какой-то неожиданно затягивающий насмешливый взгляд, интригующая агрессивность. Чёрная гладкая причёска, вызывающе строгое платье, лёгкий невинный макияж. Словом, заискрило. Сергей вяло предполагал подцелить кого-нибудь на вечере. Необязательно. Так, по ситуации. Для несезона. А тут прямо ток пошёл. Сергей даже опешил слегка...

Даже размышлять стал, как подкатиться. Обычно сперва шёл буром, а там – по раскладу. А тут замешкался, прикидывать принялся... Быстро, правда, сгруппировался и решил петушком этим подойти. Тут и шутка тебе, и достоинство. И в случае чего всегда обратный ход можно дать, лицо сохранив – дело-то шутейное...

Сергей улучил момент, когда подружки отвалили, подкрался сбоку и со старинной деланной чопорностью, вытянувшись во фронт, произнёс:

– Честь имею!

Ничего лучшего в голову не пришло. Но спохватился, пригасил опереточность и по возможности веско выговорил, как его зовут. При этом собой остался вполне доволен. Однако так и не поняв, произвело ли представление должный эффект. Никакой видимой реакции не последовало. Впрочем, главное – отторжения тоже. Нутром почувствовал. Хороший знак. Нужно действовать.

– Вам интересно? – провокационно попробовал он.

– А вам? – великодушно откликнулась она.

– Чрезвычайно. Так свежо, парадоксально, неожиданно. Высокий класс, филигранная работа. Совершенно новые творческие подходы, заметили?

– Разумеется. Что, у меня глаз нет?

Сергей приободрился, расправил крылья. Поймал перспективу.

– И всё же, на мой взгляд, несколько не хватает лирической дерзости. Что-то смущает. Не эпатирует публику должным образом. Где безумие страстей, фонтан фантазий, разгул фатума? Где жертвенная безоглядность, где неуёмная жажда катарсиса? Умоляю вас, объясните мне, где?

– Я не хочу оставаться глухой к вашим мольбам, но помочь ничем не могу. Всматривайтесь, всматривайтесь. Возможно, вы что-то для себя и откроете. Прозреете такие глубины, о которых и не подозревали.

– Вашими бы устами да мёд пить...

– Как органично мы перешли к реверансам. Это вселяет надежду. Сразу разглядел в вас девушку, которая может дарить надежду.

– Ну вот, видите. Значит, вы ещё способны к открытиям. Так что взирайте на сцену да обрящете.

– Теперь для меня это сложно. Гораздо приятнее смотреть на вас. Вдохновляет.

– Излишняя комплементарность – вещь скользкая. Бог знает, куда соскользнуть рискуете.

– Кто не рискует... Впрочем, я совершенно искренен. Вы любите искренность?

– Кто же её не любит?

– В таком случае абсолютно искренне и, между прочим, совершенно серьёзно предлагаю вам самым решительным образом прервать процесс созерцания творческих достижений учащих. Может пагубно отразиться на пищеварении.

– Вы так считаете? В чём же суть вашего предложения?

– Так как прекратить сие действие по понятным причинам не представляется возможным, остаётся лишь одно – избавить господ актёров от нашего общества.

– Нашего?

– Ну, да. Вашего и моего.

– Вы решительный молодой человек, как я погляжу.

– И вы это одобряете?

Она неопределённо пожалала плечами и встала. Не спеша, чуть приподняв подбородок, направилась к выходу. У дверей обернулась, окинула покойным взглядом зал и вышла. Сергей энергично последовал за ней.

«Во что бы то ни стало снегурочность барышни необходимо растопить, – внушал себе Сергей, – и поскорее. Какое самое быстроедействующее средство? Хи-хи да ха-ха. Вне всякого сомнения. Ну так поспешай, тормоз!»

Благо, маршрут моциона долго выбирать нужды не было. Училище стояло почти на берегу здешнего рукотворного моря, и сам бог велел прошвырнуться вдоль набережной. По склонам громоздились дощатые развалюхи, кочковатые уличные мостовые выкатывались из зарослей к самому парапету. В прибрежных кустах привычно дремали костлявые бродячие псы. Всё вокруг притихло, подёрнулось дрёмой. Нужно было срочно разрушить это сонное царство. Иначе пропитаешься его флюидами, размякнешь, замешкаешься – и всё пропало.

С чего начать? Что их связывало? Разве только дурацкий концерт. А что? И то зацепка... И Сергей превратился в обезьяну. Он принялся копировать молокососов-выступальщиков, топорно потешавших публику. Знал за собой дар лицедейства, чертяка. Ну и врубил зажигание. И давай кривляться, извиваться, пыжиться по полной программе. С куражом, кайфом, прямо-таки себе на удивление. Детская мечта об актёрстве выразительно проступала в каждой ужимке. Вдохновение ведь не приходит. Оно даётся изначально и ждёт своего часа. У иных ни в жизнь не дожидается. А другим фартит время от времени. Сергей Бога не гневил и считал себя в этом плане везунчиком. Конечно, случалось, что внутри и не просыпалось ничто. Как себя ни заводи. Но тогда вдруг извне откуда-то накрывало. Будто кто-то посылал этакий месседж. Ей-богу... Сергей внятно объяснить не умел. Но ловил вибрации безошибочно. Страховали его неизвестно откуда и почему. Сергей знал это почти наверняка.

Он оседлал волну, раскочегарился. Даже Фета для пущей важности процитировал. Одно четверостишие. Больше не помнил. Хорошо, что продолжить не попросила. Конфузы тут совершенно ни к чему. Слава богу, слева по курсу возник вдруг некий НЛЮ. Этакий раздутый до невероятных размеров презерватив. Того и гляди, лопнет вдребезги. Аж зажмуриться захотелось. Чёрт его знает, что это было. Только новая знакомая напряглась слегка, возвращаться заторопилась. И к чему тогда их совместное дефи-

ле? Глупости пресекать нужно. Глаза б на этих жеманниц деланных не смотрели! Кстати, о глазах...

– Остановись и закрой глаза! – неожиданно для себя самого скомандовал Сергей.

И когда спутница послушно смежила веки, вращаясь, как заклинание произнёс собственное имя. Голос звучал низко, властно, пугающе. «То, что надо, – мелькнуло у Сергея, – осядет как следует. Ох, стервец!..»

Потом наступила тишина, но глаз девушка не открывала. Повисла оглушительная неуклюжая пауза. Четвертьминутная, но бесконечно долгая... Сергей косолапо, сбоку обнял новую знакомую, притянул к себе и пружинисто поцеловал. При этом тоже закрыв почему-то глаза. Он тупо осязал напряжённую неподвижную спину и ни о чём не думал. Так лучше...

А потом, когда свет ударил по зрачкам, первое, что увидел, был прозрачный странный шар. Бесцветный, с почти невидимыми стенками, он плыл уже почти прямо над ними. Но от этого понятнее не становился. Они, не сговариваясь, задрали головы, потом легко глянули друг на друга и рассмеялись.

9

Наталья училась на искусствоведа. Она, сколько себя помнила, именно этим и хотела заниматься. В детском саду ещё цветочки да рожицы без особой охоты малевала. Только потому что воспитательница заставляла. А так мёдом не корми дай поглазеть, что другие карапузы на листьях своих нацарапали. Прикинуть, у кого симпатичнее. Да и объявить всей группе. Ох, и галдёж тогда поднимался! Первенство никто уступать не желал. Все визжали, что у них лучше, пихались, плевались друг в друга. Наталью дурой обзывали. Кино и немцы!

Да и потом, чтоб карандашик или кисточку в руку взять, и не помышляла даже. А рассматривать картины любила. В музеи как на работу шастала. Зимой на каникулы в Питер моталась. С утра до ночи по выставкам лазала. Даже несколько дней от третьей четверти прихватывала. Класная тогда заводилась не на шутку, родителям по телефону всякие прелести выкрикивала. Тётка была ещё та – на учёбу забивать не позволяла. Старой закалки кадр.

Это подружки натальины по факультету – с горя, можно сказать, на него попали. В живописцы да ваятели метили. Да на творческом конкурсе обломались. Ну и давай документы бегом перекладывать. Куда народу поменьше. Хорошо, можно было. Что время-то терять? Кто его знает, как оно через год сложится?

Да и мечта – штука скоропортящаяся: коли ведь не сбывается, вянет стремительно.

Что же до Натальи, она оказалась на факультете в родной стихии. В книги с головой зарывалась, педагогов выспрашивая донимала, спорила о всякой всячине взахлёб. Она вовсе не была образцово-показательной студенткой. Ничего от паиньки-отличницы в ней не было. Нрав проступал исправно: делала, что желала. И на вечерушки студиязуские с удовольствием закатывалась, и прогуливалась с подружками за здорово живёшь, и с препами по-чёрному ссорилась. Коготки нет-нет, да и выпускала.

И с мужиками не церемонилась. Как шуры-муры всякие надоедать начинали, обрывала резко. От ворот поворот давала в два счёта. К чему кота-то за хвост тянуть? Чем дальше тянется, тем больше накручивается. Ненужного уже, лишнего, муторного. И по рукам-ногам связывает, и душу травит. Лучше один раз больно, чем потом всю дорогу тяжко.

Даже когда замуж вплотную уж собралась, чуть было не прекратила она всю эту процедуру. Больно светливым, прижимистым показался ей суженый в заботах предпраздничных. С постной меркантильностью до всего касался. Пересчитывал всё тщательно, сравнивал, выгадывал. Таким хватом глянулся, что оторопь взяла. Вроде парень как парень был. А тут такое, оказывается...

Наталья и высказала ему по полной программе. Она это умела. Жених надулся как хомяк, обиделся. Наталья тогда поймала себя на мысли, что он и в самом деле на хомяка похож. Щекастый, со здоровым румянцем. Лезет же в голову чушь всякая не ко времени!

А он между тем и вовсе в каприз обвалился, звонить перестал. Ну и скатертью дорога! Наталья не то чтоб расстроилась, а так, заскучала. Хоть уж и на последнем курсе была, соображала что почём, а потащилась-таки на молокососный вечер дебилный. Чтобы время занять да развеяться. Что кукситься да сомненьями себя изводить?

Тут и Сергей возник как новый пятиалтынный. Попал, стервец, в настроение. А может, настроение такое было, что как ни ткни – всё равно попадёшь... Нет, скорее другое. Завёл-таки Наталью женишок малохолный. Вот пружинка и сработала. Тем более Сергей полной противоположностью натальиному любезному предстал. Внешне, по крайней мере. Лёгкий, костистый, щеголеватый. С лентой напускной в глазах.

И в разговоре Сергей был не промах. Элегантно по ходу дела ориентировался. Выслушивал с мудрой улыбочкой, парировал

с лёту. Не грузил, не занудствовал. Потрепаться – одно удовольствие. Были, конечно, свои задрюги. Любил между делом порассуждать на отвлечённые темы. Да разве это грешно?

– Так странно, – говорил, – всё устроено. Дружим вот, раздруживаемся, новые шашни затеваем. Думаем, что сами и лепим дружбы эти, расставания, треволнения. А время идёт себе да идёт. И весь народ, друживший да разбегавшийся, выбывает в никуда потихоньку. Глядь, уж из прежних и нет никого. Ау!.. А дружбы и вся последующая пурга остаются. Только лица другие. А так всё то же самое. Будто нечто берёт нас в оборот, закручивает, заверчивает, а потом и выкидывает оттуда. Получается, вихрь этот отдельно живёт. И не мы его сами себе устраиваем. Мы лишь под руку ему попадаемся.

Бывает иного прямо на части и разрывает. Так он и существует словно в иных измерениях. Тут одна жизнь идёт, там – другая, где-то – третья. И кто тому причиной? Да просто погода такая у нас всю дорогу бурная. И склеены мы не особо надёжно. До первых взрослых раздраев только. А там – вразнос...

Ходоком Сергей был знатым. Не в привычном – в прямом смысле. По улицам шататься обожал, витийствовать на прогулках. Говорил, настроение от ходьбы улучшается, мысль лучше работает. Эндорфины и энкефалины вырабатываются. Вещества такие кайфотворные, отчего люди улыбаются блаженно, словно их мороженым потчуют. Сергей и Наталью принялся на свои променады вытаскивать, прелесть их разьяснял прилежно. Она как-то с трудом на этот счёт вразумлялась. Но не отказывалась.

Стояло лето. Долгие прозрачные вечера так и подмывали к постоянному обходу окрестностей. Высоко летел медленный пух крайних тополей, прокуренные мужички блаженствовали на уличных пивных посиделках, первые фонари тускло мерцали сквозь матерющую зелень. Дорога то скатывалась с пригорка, то вновь завивалась вверх по склону. Фруктовые сучья из-за заборов дотягивались до лица. Ужинные дымки походя щекотали ноздри.

Однажды, когда, дойдя до центра, они собрались уже расставаться, Наталья вздрогнула и с недоброй искрой посмотрела куда-то за Сергея.

– Что случилось? – насторожился он.

– Ничего, – сухо оборвала Наталья.

Сергей обернулся за её взглядом и наткнулся на массивный бритый затылок, просторную спину, надёжное седалище. Крепко сбитый тип, словно раздумывая, помедлил на перекрёстке и исчез за углом.

- Кто это?
- Так. Один знакомый.
- Видимо, не совсем мимолётный.
- Видимо. Ты проявляешь просто чудеса проницательности.
- Стараюсь. По крайней мере предположить кое-что могу.
- Например?..
- Например, что это мужчина основательный, практичный.

По жизни реалист. Настроен на стабильные отношения. На ногах стоит прочно, но с неба звёзд не хватает. Да они ему и ни к чему. Зачем ладошки-то обжигать? Дамы таких ценят. Но балдеют от других.

– Знаток...

– А что, неправда?

– Да оно, что ни брякни – всё правдой окажется. Если словечки по адресу приложить. Но это уж не твоя забота, верно? Глаголь в пространство, да и не ошибёшься. Всегда найдётся, на что примерить.

– Ну вот. Не желаешь, как я погляжу, признавать моих экстрасенсорных проблесков. А хочешь, скажу, на что западёшь без вариантов?

– А на то, чем будничные мужики обычно не балуют.

– На самые что ни на есть простенькие листики, грифельком исчерканные. Бумажка чуть ли не обёрточная – в руках так и волокнётся. Вся фишка в том, кто исчеркал их по широте душевной.

– Да на это все кто угодно сподабливаются.

– Сподабливаются все, а богу угодны раз-два и обчёлся.

– Ну, кто там у тебя в заглазнике, вываливай.

– А! Зацепило! – восторжествовал Сергей. – Не скажу!

– Ну, скажи, – надула губки Наталья, – пожалуйста.

– А вот не скажу. Как говорил поэт Хармс, главное – это вызвать в женщине любопытство. А оно в тебе ещё не вовсю вызвало.

– Вовсю, вовсю...

– Да? Уж и не знаю... Хорошо, делаю намёк. Помнишь, о ком намедни мы спорили? Ты всё думала, что он жив...

– Ты серьёзно?..

– Вполне.

Наталья замерла и обалдело уставилась на Сергея.

– Что ж ты молчал?

10

Приятеля своего Сергей узнал сразу. Да и мудро было не узнать – редкую неделю не виделись. Он сверхсрочником в ментуре служил, где-то на заочном подвизался. А с Сергеем в какой-то компании схлестнулись – уже и не вспомнить. И прилепились друг к другу непонятно почему. Общего, прямо говоря, мало было. Впрочем, общего ли мы ищем? Короче, скорешились.

Знал Сергей и о некой зазнобе приятеля. Тот сподвигался время от времени порассуждать о пользе жизни степенной, о выгодах уюта семейного. Всерьёз, не по-пацански к перспективе этой примеривался. Сергей даже завидовал такой рассудительности: сам не мог серьёзностью подобной похвастаться. Ветер в башке. Что тут поделаться?

Правда, предмет приятельского обожания был Сергею неведом. Да Сергей, надо сказать, не особенно и вдавался. Ему-то что? Мало ли предметов этаких... И вдруг нежданно-негаданно выскочило. Как всё-таки мир тесен! Сергей посмотрел на Наталью с диковатым каким-то интересом, словно кто-то другой рядом оказался. Вот это пересечение!

Виду Сергей не показал, болтать начал напропалую. Он всегда так делал, когда не знал, как дальше держаться. Чтoб дураком с ходу не выглядеть. А уж потом само собой как-то прояснялось, в какую сторону грести. Вот и в этот раз сперва на рисуночки одного громкого скандалиста переключились, а следом и на желательность их совместного просмотра его творений. На квартире у Сергея, конечно. А как иначе? Не таскать же ценность этакую по улицам! Так что других вариантов не просматривалось. Да никто и не возражал. Чуть поразмыслив, Наталья согласилась, что спешить ей некуда. Сергей даже и не знал, радоваться ли её решению...

Они сидели прямо на ковре. Конечно, в берлоге Сергея пара табуреток уж непременно бы нашлась. Но воссесть на эти утлые драные сооружения значило нарушить всю стилистику вечера. Разве ж человеку искусства такое позволительно?

Между ними лежала тощая стопка изрисованных карандашом листов, местами засаленных и надорванных. Сергей брал их и не спеша по одному передавал Наталье. Она подолгу вглядывалась в каждый, откладывала, возвращалась к прежним. Царила дружинистая тишина. Сергей вполглаза следил за выражением лица гостыи, ловил лёгкие подкожные мышечные подрагивания, пульсирующие острые зрачковые высверки. Она выглядела отрешённой, осунувшейся, нездоровой. От пробирающего ветерка ли вечернего? От негаданного ли прикосновения к легенде подпольной? От

ситуации ли, щекочущей нутро девичье? От дрящегося молчания воздушное силовое поле становилось почти осязаемым, и Сергей не хотел нарушать его никакими словами. Это сделала Наталья.

– Да, это настоящее, – тяжело выдохнула она. Сергей победоносно зыркнул и промолчал. Наталья снова ушла в рассматривание, насупилась, посерьёзнула. Она сравнивала листы, тасовала их, выстраивала какие-то цепочки. Неброское жилище Сергея, его озадаченный хозяин, сомнительный пафос вечера для неё перестали существовать. Вся она обратилась во внимание самовластное, смакование беззастенчивое, трепет креннувший. Превращение её было столь разительным, что во взгляде Сергея мелькнула дурацкая опаска. Не слишком ли серьёзное испытание для впечатлительной барышни устроил он сгоряча?

Сергей нерешительно косился на спутницу, вздыхал, оглядывал углы комнаты. «По его лицу блуждала безобразная улыбка», – вспомнил он вдруг классиков сатиры и юмора. Как выглядела собственная физиономия, оценить он не мог, но подозревал худшее. Сергей скучнел, тупо злился на себя, морщился словно от оскомины.

– Смотри, точь-в-точь как мы видели, – воскликнула, слегка напугав даже, Наталья.

– Что?.. – не понял Сергей.

– Да вот же.

И она ткнула пальцем в едва обозначенную грифелем на шершавой бумаге сферу. Серое на сером едва различалось.

– Ты так считаешь? – странно оглядывая её откуда-то от макушки, усомнился Сергей.

– Это фирменная его линия. Будто дрожью прошитая, ретушь подёрнутая. Но упрямая, верная, живучая...

– А как ты учишься?

– На отлично, – машинально отозвалась Наталья и впервые подняла глаза на собеседника.

– Ну да, конечно, – смешался Сергей и отошёл к окну. В пепелке было черно. Только одинокое такси на углу терпеливо дождалось вызывальщика. Водитель стряхивал папиросный пепел в открытую дверцу, искры стремительно гасли. Тёмным томлением веяло от этой простецкой папироски, неясностью маршрута, ни пользой извозчичьей бессонницы. Сергей живо представил себе мясистоносое лицо с припухшими веками и со судистыми прожилками, сивый бобрлик причёски, бурый киль второго подбородка. Надутый живот над замасленным светелом, вечные трещины у черноватых ногтей, брючные пузыри на отёкших коленях. Вот и вся жизнь...

Вдруг исчезли и переулочек, и машина, и таксист. Тёплая сплошная слепота накрыла зрачки. Сергей даже и испугаться не успел... А потом ощутил сухие огненные ладони – на щеках, подглазьях, надбровьях. Он не оборачивался, чтобы не стряхнуть это тягучее пламя. Чувствовал, как оно забирается под кожу, за нёбо, в кровь. Разворачивается, ширится, обжигает. Всё острее, жёстче, невыносимей...

И сцепленные раскалённые ладони оказались на затылке. Сергей встретился с её взглядом на расстоянии сомкнутых глазниц и отстранился от кареязыких вспышек.

– Ты такая горячая...

– Не пошли. Это не твоё, – язвительно отрезала она.

11

Её кожа коричневым отливом пронизывала мыльную пену. И пена была янтарной, дымчатой, искристой. Она рваными облаками выстилала ванну, холмами накатывалась на стенки, нахально лезла через края. Плыла, отрывалась, взлетала. Оттеняла, мимикрировала, подкрашивала. Сергей никогда не подозревал за химией таких волшебных свойств.

Бедро Натальи предательски скользило, колено Сергея больно ударялось о выступ, вода беспардонно заплёскивалась в рот. Ванна была явно мала для двоих. Наталья пристанывала и смеялась:

– Как безумно трудно, наверно, бумагомараке очередному справляться с эротической сценой. Думаю, просто невыносимо. Представляешь себе что-нибудь вроде...

Своей дрожащей рукой он вцепился вдруг в низ её живота. Она напряглась как струна, до боли прогнула спину, замерла. Он притиснулся небритой щекой к её подбородку так, что ободрал его в кровь. Но она этого не почувствовала. Дразнящее тепло разлилось вдруг у неё под солнечным сплетением. Она непроизвольно придвинулась и обвила его бёдрами. Он настолько не чувствовал своего тела, что сразу даже не понял, что уже в ней. И он начал двигаться. Сначала медленно, с трепетом, диким напряжением в ягодичах. Потом всё быстрее, безудержней, ненасытней. Без слов, с хрипом, с закрытыми глазами. Она сжала его голову, шею с неестественной силой. Казалось, вот-вот и задушит его – своей звериной хватки она не ведала. Она вторила его порывам всё яростней, бесстыдней, животней... И вдруг всё оборвалось, разомкнулось, скатилось на свои орбиты. Они оказались каждый в своём обмороке. Потом медленно выплывали порознь. Потом вновь увиделись...

Сергей не отвечал. Во рту булькал пенный раствор.

– И ведь самое смешное, – говорила Наталья потом, уже без одышки, – что всё это вроде так и есть. Но главное слово в последнем предложении – вроде. Полнокровная реальность ускользает. Как сильная рыба в тухлом пруду банальностей. Описать – не значит сказать. Сколько горячки в описание не закачивай. Тут совсем другое нужно.

– И что же?

– Талант, Серёжа, – пояснила Наталья спокойно и ласково.

12

– Неужели вы и вправду не понимаете, зачем мы вскрыли квартиру? Вы же взрослый человек...

– А неужели не видно, что дверь к порогу прилегает герметично? И ничто протечь не может!

– Нам необходимо всё проверить. Мы не экстрасенсы. И что внутри делается через дверь, не видим. Да и откуда у вас такая уверенность, что всё подогнано герметично?

– Хозяйством надо по-человечески заниматься...

– Похвально, конечно. Но это не аргумент. По крайней мере для нас не аргумент.

– Странные вы люди...

– Не странные, а при исполнении.

– Да исполнять по-разному можно...

– Давайте без хамства. Договорились? Что вы сами по этому поводу думаете? Может, какие персоналии в этой связи на ум приходят?

– Понятия не имею. С какой стати я должен на кого-то грешить? Будто мне больше думать не о чем.

– Теперь, я полагаю, придётся подумать и об этом. Происшествие вовсе не шуточное. И вас касается напрямую.

– Вы так считаете?

– Ну не под соседской же дверью, а именно под вашей весь этот ужас.

– Ужас?..

– Если вы считаете, что море крови – это не ужас, то вашим нервам можно искренне позавидовать.

– А вы не допускаете никакой случайности?

– Случайно кровью подъезды не заливают.

– Я не подъезд имею в виду, именно мою дверь.

– Мы обязаны допускать всё.

– А вообще уверены, что это кровь? Я, конечно, не специалист по физиологическим жидкостям. Но так, навскидку утверждать бы не стал.

- Возьмём на экспертизу.
- Обязательно возьмите. И опросите других жильцов. Что вы заикнулись на этом?...
- Спасибо за совет. Как-нибудь разберёмся, что нам необходимо предпринять.
- Разберитесь, прошу вас. Ей-богу, мне и без этого представления нескучно.
- А развлечений мы вам как раз и не обещаем.

13

Наталья минуты три простояла как вкопанная. Глядела, глядела под дверь и не могла глаз оторвать. В голове вспыхивало дурацкое, ниотсюдошнее. И что за день такой? И на работе, кажется, финиш. Долбаная трясушка экономическая... И врачиха в консультации чёрт знает чего наговорила... И с деньгами полный звездац. И это лыко в строку...

Она вздрогнула, наконец, очнулась. Поёжилась от своих причуд мозговых. Огляделась судорожно.

Что же делать?.. Нет-нет. Так нельзя. Чуть раздумаешься – и всё пропало. Нужно действовать. Немедленно. Она ведь тут ни при чём. В самом деле ни при чём...

Если что-то ведь уже не поможешь. А замараться в момент можно. И не расхлебаться... К тому ж, если вызвать, наверняка её Хомяк прискочит. Поди объясни, какого она здесь нарисовалась.

А может всё-таки поднять тревогу? Так, чтоб без неё. Со стороны. Да нет. Чёрта с два так выгорит. Тем более, что там сейчас внутри? Откуда она знает? Может, она и испортит что? Что? Она ничего не может знать...

«Ничего, – приговаривала Наталья, на полусогнутых сбегая по ступенькам, – ничего». Подъездная дверь долго не поддавалась. Но наконец она нащупала внутреннюю кнопку домофона и оказалась во дворе. Каблук косо обломился о бордюр, и Наталья хромоножкой метнулась в тёмную подворотню. Чуть ли не на ощупь выбралась на загазованный проспект и, едва не загремев под машину, припадая на правую, перетрусила через перекрёсток.

Когда она обернулась с противоположной стороны, в подворотню, с визгом притормозив, нырнул запыхавшийся милицкий газон.

14

За время, пока не виделись, Хомяк сильно изменился. Раздался в поясище, заматерел, ссутулился малость. Короткая, чуть ли не

под ноль, стрижка окончательно округляла его и без того не квадратную физию. Былой щёчный румянец обернулся буровой апоплексической сеткой, крапчато сползавшей на шею. Двигался Хомяк тяжеловато, без спешки, с достоинством, чуть набывчившись и не меняя выражения лица. Восточный божок, да и только!

Он появился из дальней комнаты, когда Сергея вот уже битые полчаса донимали расспросами. При его явлении спрашивальщики прервались и выжидательно переглянулись. Стало понятно, что Хомяк у них главный.

Они не встречались уже лет сто. И Сергей чуть было не пристынул от удивления, увидев знакомого.

– Ну, здорово, – протянул руку Хомяк, будто они расстались лишь вчера, – так-то вот, брат.

Казалось, он был несколько смущён происходящим. По крайней мере хмыкал и вздыхал исправно.

– Как ни крути, а неисповедимы пути господни... То кто-то пятки пощечочет, то нос из ладошек сделает. Ох, уж эти божки проделки! Но всё равно рад свиданыицу. Хоть и в таком идиотском варианте.

– Расчёт варианта, это ты глубоко прав, – только и нашёлся Сергей.

– Ну, что, ребята, всё выяснили? – обратился Хомяк уже к подчинённым. И, не дожидаясь ответа, вытащил из-под ладони одного из них только что исписанные листки.

– Ну, правильно, правильно, – говорил он себе, читая, – здесь вот только полностью фио, адрес. Ну, ты понял...

– Это такая бюрократия! Удавиться, – вернув записи, пожаловался Хомяк Сергею, – хоть прямоком в писари переквалифицирувайся...

Сергею вдруг вспомнилось, как Хомяк жаловался ему по пьянке на бабские экивоки.

– То взбрендит ей на турбазу закатиться, то британку вислосухую прикупить, то бал-маскарад для подружек устроить. Идей в башке – что пчёл в улье. А денег – как мух после потравы. На хрена все эти претензии?

Хомяк вообще любил жаловаться. Это была не жажда сочувствия, а просто манера общения. Прибедняются же не для того, чтоб заставить ужаснуться. А так, на всякий случай, чтоб гусей не дразнить. Так и Хомяк – тень только свою соблюдал.

Но нынче в тени этой Сергею что-то неразличимое мерещилось. Почему Хомяк, дружан старинный, не сразу обозначился? А ждал, пока архаровцы его всю душу из Сергея вытрясут. Он что,

с самого начала не знал, к кому бравую бригаду его занесло? Или по-простецки показать захотелось, кто он теперь такой есть? Или для крутых служивых старые дружбы и не в счёт вовсе? И ему глупо по барабану, кого они там на кухонке обрабатывают?

А может, мелькнуло внезапно, он сам всю эту комедию и организовал? Пронюхал что-то про их с Натальей нежности – и вызвало. Решил дать понять, страшилку устроить. Всякое, дескать, может приключиться, если что...

– Ну тогда всем спасибо. Никого больше не держу, – кинул Хомяк своим, – на базу, конечно. Я там скоро буду.

Мужички дружно встали и порысили вниз по лестнице к машине. Копытца их быстро смолкли.

15

– Серёга, вся эта контора у меня вот тут сидит, – исповедовался Хомяк, когда остались одни, – веришь, было бы куда – убёг без оглядки. Только и знаешь: подзатыльники для профилактики, отчёты липовые, лизание начальственных жоп. Банка с тараканами – все друг другу глотки грызут, срут на голову, пожирают с потрохами.

– Да оно сейчас куда ни плюнь, везде так, – успокаивал Сергей, – шило на мыло менять – только время терять.

– Не знаю, не знаю, – вздыхал Хомяк, – когда каждый день мордой в дерьмо, именно это дерьмо и ненавидишь.

– Да брось ты. Неужели вокруг ничего другого нет подчистую? Помнишь, как мы с тобой всегда находили что-нибудь приятственное, а?

– Его тогда куда поболее, чем нынче было.

– Это ты прекрати. И сейчас, ежели по сусекам поскрести, пустой не останешься. Деревня вон хоть твоя. Ты уж забыл, наверно, когда и был там. А надо почаще – рыбалочка, шашлычок. Нервишки и унимаются. Друзей, опять же, узнавать скоро не будешь. Скажи-ка навскидку, когда последний раз по-взрослому сживали? Нет нам за это прощения. Но я думаю, исправимся. Обещаешь? Семья...

Здесь Сергей осёкся и для приличия закашлялся слегка. Запросто так, с лёту цинизм не давался.

– Да, корешиться нужно. Созвонимся на днях, – угромо согласился Хомяк, – к чему ж дичать за здорово живёшь?

– Может, плеснуть маленько? У меня есть.

– Да ну, ты что? Я при исполнении. В момент стуканякнут...

Когда Сергей возвращался, проведив Хомяка до вызванной машины, под ноги попался сосед Игнатев.

– Это ты затеял всё представление, наблюдатель хренов? – поинтересовался Сергей. – Тебе что, больше всех надо?

– Что ты несёшь?! – взвился Игнатьев. – Вся площадка в кровище, а я молчать в тряпочку должен?

– А меня дожидаться не мог?

– А почём я знаю, может, ты на том свете уже. И ждать тебя, что у моря погоды...

– Типун тебе на язык. Провалился бы ты со своим тем светом.

– Да ты что?! – ужаснулся Игнатьев. – Как же без меня? Один за всем смотрю... А о ремонте хлопоты...

Не дослушав, Сергей захлопнул дверь.

16

Сергей с ненавистью заглянул на кухню, где ещё всюю стоял едкий запах казённых курилок, вернулся и рухнул в продавленное кресло. Прикрыл глаза и несколько минут лежал не двигаясь. Потом вытащил мобильник и набрал Наталью. Пока длилась вся эта милицейская комедия, Сергей не на шутку дёргался. Вдруг Наталья и в самом деле заявится, как было условлено. Не поймёт, что происходит нечто неудобоваримое, и сунется выяснять. Он живо представил встречу гостя с Хомяком и несколько раз крепко потряхнул головой, не желая переживать неслучившееся. И без того переживаний до чёрта!

Но телефон Натальи оказался отключен. Почему, интересно? По домашнему он, понятное дело, звонить не стал.

Что же здесь всё-таки произошло? Вполне могли и подростки нашкодить. Прослышали, что Сергей – какой-никакой фирмач, отловили во дворе приبلудного завшивленного кота – их тут пруд пруди – да и перерезали ему горло на площадке у сергеевой двери. Пусть подёргается, чтоб жизнь мёдом не казалась!

Или какой-нибудь изрядно поддатый тип здесь башку себе раскроил? А запросто. За ступеньку носком зацепился – и будь здоров. Только лужа для такого расклада великовата. Хотя как знать...

Или ещё вариант. Тушку освежёванную – кабанью ли, ягнью – тащили по лестнице наверх куда-нибудь. А у двери Сергея целлофан вдруг и лопнул. И весь сок этого тела немалого оказался в аккурат там, где и был обнаружен бдительной каргой Игнатьевым. Правда, тогда и след капельный дальше потянуться должен... А может, он и был. Сергей что, ходил высматривал?..

Непреодолимая усталость разлилась стремительно по всему телу. Словно и в самом деле лопнул некий пакет, в котором весь её запас терпеливо ждал своей минуты. Безраздельная сла-

бость, желание оуклиться и спать, будто неотвратимые волны, захлестнули с головой. И противиться им не было ни сил, ни смысла. Сергей отключил мобильник, разделся и нырнул под одеяло. Темнота пришла сразу...

...Но ненадолго. Проступили размытые линии – то фокусирующиеся, то расплывающиеся. Их ветвления, слияния, наложения. Они извивались, совпадали, разбегались в стороны. Мерцали, затухали, вновь тускло опалесцировали. Можно было только на мгновение улавливать знакомые очертания, чтоб затем их безвозвратно терять. Невозможно было даже зафиксировать в сознании, что именно возникло внезапно и кратко – только ощутить мгновенно: это являвшееся прежде, оформленное не вдруг, вынырнувшее повторно. Это было, было... Но что это было? Понять времени уже не оставалось. Потому как упрямо обозначались уже иные изгибы, углы, полукружья. Перемещались, уродовались, давая жизнь совсем новой картине, которая изживала себя, ещё не оформившись. Казалось, нечто стремилось к остановке, кристаллизации, окончательности. Но это не удавалось, рушилось, летело в тартарары... До тех пор, пока свежее дунами темноты не смело эти безостановочные и бесплодные стремления.

Потом начало светлеть. Сколько минут или часов прошло до того, Сергей не понимал. Чувство времени потерялось. Он увидел большую длинную комнату с красными полотнищами, плакатами и лозунгами по стенам. За ободранными партами плотно сидели бедно одетые люди. Друг на друга они не смотрели. Глаза их блестели лихорадочным блеском, пальцы сжимались в кулаки, желваки напряжённо ходили. Они пристально глядели на покрытый бордовой материей стол, за которым сидело несколько хмурых, чем-то рассерженных мужчин. Перед ними были разложены бумаги, папки, папиросы. Один из них время от времени что-то записывал, а в паузах нервно вертел в пальцах чернильную ручку. Другие изредка переговаривались – коротко и отрывисто – но больше молчали тяжко, будто на душе был несдвигаемый камень.

Из-за парт к столу подходили тощие нервные юноши, матёрые коренастые службисты, мускулистые энергичные бабы в козынках. Они говорили – увлечённо, горячо, временами срываясь на крик. Иные беспрестанно и проворно жестикулировали, метались между столом и первой партией, апеллировали к лозунгам на стенах. Другие каменели, стеклили глаза, переходили на потусторонние загробные обертоны. Третьи вешали по-товарищески, от души, без околичностей. Выступали дружно, без пауз,

накатисто: едва завершал один, его чуть не плечом оттеснял от стола следующий. Круговорот этот был стремительным, затягивающим, бесконечным.

Вот вышел решительный сутуловатый молодой человек в гимнастёрке. Его чистое лицо, взволнованный голос, внимательный взгляд были неуловимо знакомы. Он начал сдержанно, глухо, медленно. Но по ходу развития темы оживился, вошёл в тембр, воспрял. Он распрямился, поднял подбородок, решительно расположил на плечах голову. Речь стала пульсирующей и звучной, деепричастные обороты разворачивались веско и пламенно, сравнения были зримы и уничтожающи. Воздух сотрясался ритмично, отзывчиво, задорно. Разгорался охотничий азарт, крепла бульдожья хватка, закипало губительное упоение. Оратор вытянул шею, задрожал как натянутая струна, воздел левую руку...

Да это же Игнатьев! Молодой и яростный Игнатьев. В момент всепоглощающего иступления, почти сладострастного экстаза в нём безжалостно проступили резкие черты грядущей старости. Словно будущее отмерялось ему за сказанное. Шейные вены, гусиный кадык, нервные морщины обозначились угрожающе и неотвратимо. Словно в этот момент кто-то отнял у него юность, здоровье, перспективу. Будто шустрый неведомый механик мгновенно перемотал ленту игнатьевского времени на жизнь вперёд, потому как проку в ней никакого нет. Есть огонь, жажда, вера. А смысла не отыскать. Как, впрочем, и в любой другой. Просто одних жалко, а других нет. «Нас не нужно жалеть, ведь и мы никого не жалели...» Кто знает, нужно или не нужно? От призывов сие не зависит.

17

Сергей очнулся, минуту-другую полежал с закрытыми глазами, нехотя выбрался из-под одеяла. Брезжило пасмурное утро. Серый свет робко заполнял комнату. Белоголовые утренние фонари всё хуже различались на дымном небе. Голова была тяжёлой, мутной, несвежей.

Сергей побрёл на пропитанную чужими запахами кухню, поморщился, хлебнул водицы из чайника. Поглазел в окно, помял виски, врубил телевизор. На экране невыразительные полуголые девицы вяло кривлялись под компьютерную песенку. Неутомимая реклама то и дело перебивала мотивчик.

Соображалось туго. Чем грозит день грядущий? На фирме сегодня должно быть совещание. Или его перенесли? В райадми-

нистрации с одним товарищем пару вопросов перетереть надо. А то шеф с живого не слезет. А у секретутки шефа сегодня день рождения. По пути букетиком надо разжиться. Ох, уж эти условности. Но куда деваться? Это ведь хлеб. С каким-никаким слоем масла. Тошнотворный порой. Но Сергей многое научился переваривать... Он как-то заметил, что потихоньку стал воспринимать служебные порядки спокойно и даже естественно. Он не то чтобы принял их, просто перестал обращать внимание. Словно пропитался всем этим насквозь и не выделял больше как постороннее. И иногда даже в дни досуга смутное беспокойство ощущал, словно чего-то недостаёт. Натуральный синдром выходного дня. Вот дожил!

Где этот чёртов мобильник? Всё руки не доходят домашний завести... Пора входить в дебильный свой круговорот вещей и свершений. Ничего не попишешь...

Телефон обнаружился почему-то под подушкой. Чудеса в решете! Сергей тоскливо прикинул, с чего начинать, и нажал клавишу включения. Однако аппарат опередил владельца, ответил разухабистой музычкой. Сергей несколько дней назад под настроение выбрал её для звонков. Теперь она казалась совершенно идиотской.

– Ты жив? Что с тобой? Я звонила всю ночь...

Голос Сергей угадал спросонья не сразу. Или в самом деле узнать было мудрено? Пропавшая душа...

– Я приехала с дачи... На площадке кровь... В прихожей кровь.. В крови – муж. Он умер. Ты понимаешь?..

– Что?! Я сейчас же еду к тебе.

Трубка ответила непрерывным гудком.

18

Когда Сергей к Хомяку заходил в последний раз, он и не помнил. В незапамятные времена. Наталья то ли в отъезде была, то ли где в гостях. В общем, Хомяк пребывал в одиночестве. Приходить, когда семейство дома в полном составе, Сергею самому перед собой было влом. Принуждённость, нагуга, дурная игра. Нужно ли на то досуг драгоценный свой тратить?

Другое дело, когда по-мальчишески потрепаться. От скуки да проблем кровососущих. Болтовня ведь лучшая психотерапия. А душу с первым встречным не отведёшь. Разве по хорошей пьянке только. А так – редкий контакт нужен. Совпадение энергий. У Сергея таких знакомцев было наперечёт. И с годами они не множились.

Принимал Хомяк с деревенским радушием. Доставал мамкины маринованные огурчики, рубал высмотренное на рынке сало, торжественно жарил свойские яйца. Крупно кромсал бородинский, вскрывал овощные консервы из кладовки, вытряхивал в миску подвяленную рыбёшку. Провианта было в избытке. Сервировка отсутствовала. Да она в таких случаях и ни к чему. Не эстетства ради встречались же...

Хомяк лез в потайное место за шкафом и с напускной небрежностью водружал на стол старомодную бутылку с коричневатой жидкостью.

– Двойной перегонки, на перегородках, – со значением пояснял он. – Родственнички мои не промах! Коньяк и рядом не стоял!

И в самом деле снадобье действовало особо. Нутряно, задушевно. Раскрывало не то чтобы тайники, но хранилища заветные. Того, что в текучке повседневной ни за что бы на свет божий не вышло. Ни секреты какие, а безделицы, чёточки, подглядки. И всё в жизни иным боком поворачивалось. Потешало, раззадоривало, завораживало. Увлекательно становилось, вкусно.

– Вот говорят, что простые ребята тонкого общения не понимают. Что, дескать, им нужно? Стаканяку-другую в себя опрокинуть, пузо жратвой до глотки набить да девку грудастую за задницу ухватить. И вся песня! Вся, да не вся. Во-первых, нужно чтобы плескалось в стаканяке не абы что. А то, что по жилам потечёт грамотно. Во-вторых, пожрать, конечно, дело святое. Но в охотку, со смаком и чтоб всё к ряду было. Тут стиль блюсти нужно. Желудок призван сердце радовать. Не свиньи ж мы... И уж что касается третьего вопроса, задница заднице рознь. Сколько ни выпить. Безразборство мужичье – это сказка бытовая. Мужички – чуткачи ещё те. Душа не ляжет – рука не поднимется. А уж что другое – тем более... Разве только что олигофрены клинические...

– А ты думаешь, по всеям рассейским олигофрены в дефиците? Да каждый второй посёлок с утра бухой поголовно, включая грудных младенцев – мамаша-то от мужичков не отстают. Так что об умственных способностях не будем.

– Знаю-знаю. А то к родителям не езжу. Ну, может, молва и перетрезвонивает маленько. Но есть такое дело. Из песни слова не выкинешь.

– Оно и в самом деле не жизнь у нас, а песня.

– Какая есть... Но поём мы, Серёга, порой вовсе и не фальшиво. Иные даже заслушиваются.

- До поры до времени.
- А что не до времени?
- О времени не стоит.
- Согласен. Не та материя.
- Материю пощупать можно...

И Хомяк снова тянулся к бутылки, разливал, хозяйски осматривал стол.

– Наркомовский, – одобрительно отзывался он, разглядывая стаканчик на свету, – дедовский ещё. Прямо-таки к истории прикасаешься. Может, из этого сосуда энкавэдэшный начальник какой пивал. Или райпрокурор. Да наверняка. Дедуля мой, царство ему небесное, в этих кругах кружился. До войны ещё крякнул. Я его только по семейным преданиям знаю. Где там правда, а где ложь – с ходу и не разберёшь. О, я даже в рифму заговорил!

– Что ж тут удивительного? Всё на свете так или иначе рифмуется. А ты не знал?

Хомяк сопел, поднимался, шёл подкладывать закуску. Рифмы были не по его части. Основательность, размеренность, нормальность ему требовались. И чтоб интересно было, не пресно. Мечтатель садовый...

В окне незаметно серело. Внутри ровно разливалось добротное хомяковское тепло. Хотелось видеть звёзды. Но дни попадались как на подбор пасмурные. И ни черта на небе не зажигалось.

19

Хомяк лежал, вытянув руку в сторону и вверх. Будто тянулся к чему-то, да так и не достал. Или что упустил вдруг и поймать рванулся. Но не вышло...

Сергея поначалу не пропускали. Он принялся было объяснять, уговаривать, доказывать. Но долго изгальтаться не пришлось. В дверях показался один из недавних непрошенных его визитёров. Поглядев на Сергея тяжко и испытующе, он молча кивнул оценке, и молодцы расступились.

Наталья стояла в конце коридора и смотрела не отрываясь. Недвижно, бессмысленно, во все глаза. Сергей стал рядом. Службисты фотографировали, что-то измеряли, заполняли бланки. Отходили в соседнюю комнату, вполголоса разговаривали. Возвращались, аккуратно обходили огромное бесформенное бордовое пятно, расплзшееся от стильного светло-серого пиджака. Оно уродливым нимбом окружало обширные плечи, гладко вы бритую бычью шею, крупную голову со слипшимися волосами.

Что выражало лицо? «Нетерпение», – подумалось Сергею. Впрочем, какая разница?

Никогда порывами да резкостями Хомяк не страдал. Ждать умел хорошо. Сполна вынашивал свои победы. Или уж и в самом деле, «когда умирают люди, меняются их портреты»?

– Вы знаете, что это? – спросил один из службистов и указал. Из нагрудного кармана пиджака торчал большой клок испещрённой грифелем бумаги. Обёрточной, дурного качества, мятой. Угадывалась на ней какая-то бегло обозначенная равнина. Чахлые травы, пологобокие пригорки, сонная речка, уходящая в никуда. Вся эта безлюдная и тоскливая земная поверхность дана была эскизно, небрежно, точно фоном. А центра композиции не было. Он располагался где-то выше, за рваным краем, в отсутствующей части листка. Там, где должно быть небо. Если бы не чья-то рука. Что же там в вырванном со всеми потрохами небе?..

И Сергей – словно током ударило – понял. Вернее, вспомнил.

– Что это? – переспросил служивый.

– Не знаю, – зло ответила Наталья.

Сергей кратко заглянул ей в глаза. Они были непроглядны.

20

– Здравствуйте, здравствуйте, Наташенька. Очень, очень рад, – нарапев поприветствовал седой при аккуратной бородке хозяин и по-свойски чмокнул гостью в щёчку. Он был в домашнем отороченном золотом халате и мягких узорчатых тапках с загнутыми по-турецки носами.

– А это твой ухажёр? Очень приятно. Прошу не стесняться и чувствовать себя как дома. Проходите, проходите, пожалуйста.

Хозяин был вовсе не стар. Просто седина его была сплошной, полнокровной, броской. Из-за круглых очков в серебряной оправе ласкающе поглядывали маленькие внимательные глазки.

– К столу я вас пока не пущу. Торопиться нам некуда. Аппетиту поднакопиться надобно. Сначала я позволю себе ознакомить вас с достопримечательными уголками того курьёзного помещения, в котором вам довелось оказаться. Прошу, дорогие мои, следовать за мной.

«Илья Ильич – чудо», – горячо шепнула Наталья на ухо Сергею в коротком коридорчике, пока они вопреки протестам хозяйина разувались.

Стены небольшой комнаты пестрели эстампами, фотографиями, причудливыми фигурками. Сувенирные тарелочки перемежались яркими аппликациями, искусные вышивки – обра-

ботанными минералами, языкастые колокольца – темноватыми иконками. За стеклом выдавшего виды шкафа толпились потрескавшиеся амфоры, стёртые по краям ларцы, кедровые, полные огромных орехов шишки. В углу красовалась громадная, в рост среднего подростка, ваза с изображениями лучников и конников по выпуклым бокам. От множества разнообразных предметов в комнате было тесно. Казалось, что даже дышалось труднее – все трое стояли друг к другу почти вплотную.

– Обратите внимание вот на эту вещицу. Не правда ли очаровательна? – рекомендовал Илья Ильич с улыбкой обладателя, указывая на безглазую бабу из серого камня с несоразмерно крупным шаровидным животом. – Чешские археологи презентовали. При раскопках под Брно нашли. Ещё при советской власти. Замечательные, помнится, были ребята. Сколько вместе выпито!

А вот эта древокрылая птица – из одного северного староверского поселеньица. Забавная публика, эти староверы! Когда приехали туда в экспедицию – нипочём с нами общаться не хотели. Неужели, спрашиваем, вам неинтересно, что в мире делается? Вы же здесь как в пещере. Ни радио, ни телевизора, ни газет. Вы же только про кур в своём курятнике и знаете. А вдруг совсем рядом что-то такое ужасное, что вскорости все курятники и снесёт? Ведать же об этом нужно. Чтоб спастись как-то. Или уж подготовиться по крайней мере. И что же эти чудики отвечают? Да нет там, говорят, ничего. Одни только люди с пёсыими головами. Кругом они только. Пусть и горят в огне всепожирающем.

А денег – если у них штуковину какую купить захочешь – не брали. Дарили иногда. Но с условием. Чтобы людям с пёсыими головами никак не попало. В пепел обратят!

А это с Дальнего Востока. Осколок метеорита. Химики подтверждают. Когда-то ещё в студенчестве на этюды в тайгу сорвались. Горячие да молодые! Вы представляете себе, что такое жить там в палатке в конце октября? Ведром ледок с утра в ручье пробивать, костёр поддерживать круглосуточно, мешок с буханками да тушёнкой десять километров из сельпо тягать. Зато на всю жизнь остаётся. Хотя бы и в виде полиартрита проклятого. Обостряется, сволочь, что весна, что осень. И не уймёшь ничем. За романтику дорого платить приходится!

Илья Ильич живописным жестом стряхивал седую прядь со лба, покровительственно оглядывал гостей и переходил к другому экспонату. Двигался он плавно, бесшумно, грациозно. Золотые ленты его халата шевелились как змеи.

Процесс доставлял Илье Ильичу видимое удовольствие. Пояснения его становились всё детальнее и пространнее, вставные новеллы – красочней и неправдоподобней.

– Вы не ханжи, дорогие мои? Тогда представлю вот этого золочёного мальчика. Он родом из Вены. Много-много лет назад виноделы знаменитого Гринзинга столь мёртво закупоривали бутылки со своим божественным нектаром, что распечатать их зачастую не было никакой возможности. Даже с помощью всяческих изощрённых приспособлений, коллекции которых украшают витрины тамошних гасхофов в наши дни. И когда одним прекрасным вечерком три простачка-ремесленника решили застроиться у одного из них дома, возникла проблема. Как они ни бились, возделенное содержимое сосуда оставалось недоступным. И вдруг младенец, сын владельца гостеприимного крова, выхватил бутылку из рук страждущих и своим восставшим детородным органом легко исполнил обряд освобождения томящегося Бахуса. С тех пор младенец был тысячекратно увековечен в разнообразных скульптурах, предметах роскоши, а также в изделиях прикладного назначения. И так как по глазам видно, что я вас истомил нескончаемыми рассказами, то одним из вышеназванных изделий мы через пару минут и воспользуемся.

Он отодвинул стекло и взял штопор с полки.

– Прошу прощения, – встрял Сергей, – а не могли бы вы рассказать вот об этом. – И он кивнул на сероватый бумажный квадрат, пронизанный нервными дрожащими карандашными линиями. Они расплывались, сходили на нет, исчезали. Но, утрачивая продолжения, всё равно угадывались, витали, присутствовали.

– Об этом и обо всём, что душе угодно – за столом.

Илья Ильич, приобняв гостей за плечи, мягко и уверенно повлёк их в соседнюю комнату. Гордо продемонстрировал мальчика в действии, со значением наполнил фужеры и усадил Наталью с Сергеем за скромное и изысканное угощение.

Закусывал Илья Ильич вкусно. Малюсенькие маринованные огурчики разгрызал с особенным мелодичным хрустом, паштет на тонкий просвечивающийся хлеб мазал идеально ровно, оливки с лососем подцеплял легко, весело.

– Вы просили рассказать? Если заметили, это хорошая фотокопия. Работа одного гениального оборванца. Он рисовал много. Всё больше на каких-то клочках, случайных листках, чуть ли не на манжетах. Семейная его фишка – это линия. Едва обозначенная, колеблющаяся. Вибрирующая, как смычок у скрипача. А

всё равно точная, безошибочная. Мастерство, конечно, было от Бога. Но бомжовская закваска тоже. Фрукт был ещё тот.

Поначалу действительно бедствовал. Никто не покупал ничего. А потом слушок о нём пошёл. Кое-что брать стали. Денежки какие-то появились. Но образ жизни от того не переменялся. Пьянки, ментовки, шалашовки ужасные. Хоть и женился не раз, это ничего не решало. Да он и сам не слишком стремился ни к благолепию, ни к деньгам. Раздаривал свои почеркушки направо и налево. В последнее время – народ понимать стал – иной раз в кабаках рисунками расплачивался.

Кстати, первая его жена из нашего города. Так что он тут иной раз возникал...

– Да что вы, Илья Ильич, всё о нём да о нём? Я хочу, чтобы Сергей знал, что вы, Илья Ильич, редкий колорист и знаток красок вообще. Вплоть до самых тайных тонкостей технологий. Да без него все мои курсы были бы просто детским лепетом. Это такой эрудированный и чуткий руководитель, что мне даже за диплом заранее нестрашно!

– Ох, и лисица ты, Наташенька, – благостно улыбался разомлевший хозяин, признательно глядя её по плечу и заставляя Сергея поджимать губы, – но дай мне досказать. Хоть писал наш герой и много, на пользу ему это ни в какую не шло. В бытовом плане сползал стремительно. Без двухсотки к карандашу не прикасался. Все бабы его побросали. Жил по приятелям, а потом и вовсе по каким-то общим притонам. Хотя писания его в цене росли шустро. Особенно в последнюю пару лет. Такой вот парадокс.

Ну и умер на очередной хате в проходной комнате. Говорят, полдня мимо шлындали, пока не заметили, что не дышит. Кому кто нужен? Теперь его рисуночки за бешеные бабки идут.

Фамилия его была Верев. Хорошая фамилия...

– Самый хороший у нас – Илья Ильич, – кокетливо перебила Наталья, накрыв ладошкой хозяйское предплечье, – а с твоей стороны, Сергей, свинство не сказать тост в честь нашего любезного экскурсовода.

– За Илью Ильича, – ледяно отчеканил Сергей и выпил залпом, забыв чокнуться.

Сергей лежал, глядя в потолок, и не мешал намышлениям своим рождаться, причудливо бродить, уродоваться, растворяться. Он лишь тупо прослеживал неведомые процессы, самостийно проистекающие в недрах его черепной коробки. И не

стремился ни подстёгивать их, ни гасить. Не было ни смысла, ни сил.

Он не понимал, за какую нить ухватиться, дабы хоть как-то связать произошедшее воедино. Мёртвый Хомяк, обрывок рисунка, непроницаемые глаза Натальи. Все эти вещи – словно из разных снов. И наяву лишь по какому-то дурацкому недоразумению оказались рядом. Мерзким холодком тянуло вдоль позвоночника от этой яви. Хотелось согреться.

Что же всё-таки случилось? Разборки ли какие? С его работой без них не обойдётся. И с теми, у кого пальцы веером. И со своими дружками-погонниками. И с честными гражданами по случаю... Да мало ли с кем! Тут гадать – не перегадать. Что пальцем в небо...

А может, и вовсе стечение обстоятельств, оказия невообразимая. Бывают же несуразности жуткие. Никто и не поверит потом, что так сложилось. А что? Позвонил в дверь чмырь какой. А Хомяк по ментовской своей самонадеянности и распахнул ворота. Кто-то кому-то что-то сказал. Слово за слово. А там много ума не надо...

Или воришка квартирный забрался. А тут Хомяк подоспел не ко времени. Садиться кому охота? Ну и пришлось поневоле грех на душу принять...

А может, наблюдальщик дошлый за Хомяком из подъезда увязался. Как Хомяк дверь otvorил, тут же и получил. И квартирка для шмона готова. Но тут тварь эту как раз и спугнул кто-то...

Кто знает... Чем чёрт не шутит? Вдруг Хомяк сам... Не специально. Поскользнулся – и виском о вешалку. И кому в голову такой вариант придёт?

Но рисунок в кармашке тут при чём? И не весь, а убогий огрызок его. Чертовщина, да и только...

Что это может значить? Почему вырвано главное? То, без чего теряется композиция, перспектива, весь смысл вообще. Чьих это рук дело?.. Не иначе того, кто дал понять-напомнить положение вещей в этом мире. А именно – чем чревата потеря этого самого главного. Того, что и объединяет всё остальное.

И вдруг стало ясно, что есть такой человек. Сергей даже поёжился от того, сколь ясно. Только этот человек и мог так страшно обозначить, что произойдёт, если линия отрыва ляжет вовсе не по бумаге... И случится это уже не Хомяком...

Что за бред лезет в башку? Нервишки совсем обнаглели. Вальерьянки захлебнуть нужно.

Щурясь от жидко-серого изоконного света, Сергей обшарил тумбочку, холодильник, шкаф. Но склянки не обнаружил... И

тут вспомнил, что уже выпил всю её до донышка. Два часа тому назад.

22

Если бы она вдруг оказалась в невесомости, то, верно, ощутила бы себя именно так. Тела своего она не чувствовала вовсе. Словно руки, ноги, туловище принадлежали кому-то другому. Невидимому, бессловесному, неосязаемому. Именно ему и полагалось испытывать тяжесть телесную, чуткость кожную, игру сосудистую за Наталью. У неё будто отняли собственный вес, всамделишность, реальность. И это было для неё нисколько не важно. И вообще теперь едва ли что-то имело важность и смысл. Все вещи вокруг расстались со своими значениями, оказались незнакомыми и невесомыми. Станный, ничем не привязанный к земле мир окружал Наталью. Обнаружилось, что предметы его начинены только пустотой и ничем иным. А оболочки предметов хоть и остались прежними, но не могли скрыть неуловимого глазами, но явного и сумрачного свечения этой пустоты.

Наталья заметила, что и тело её тоже стало полым, пустым, изнутри тёмным. Как забытая коробка без содержимого. И совсем не помнилось, в чём же оно состояло. И нипочём не верилось, что оно вообще было прежде.

Казалось, случись какое негаданное дуновение – и сервант, стол, диван без труда снимутся со своих мест, поплывут в податливом воздухе, закружатся неспешно вокруг своих неведомых доселе осей. Всё сдвинется. И движение это будет всеобщим, монотонным, неостановимым. Поделаться с этим ничего станет нельзя. Былая расстановка канет навсегда. И не возникнет никакой иной. Всё будет равнодушно и непрерывно перемещаться, вращаться, уплывать... И казалось, что всё вокруг только и ждёт этого гибельного ветерка, только и жаждет скорого проклятия присными и бессмысленными переменами мест своих в этом равновесном, не способном на притяжение мире.

23

В прихожей изрядно захмелевший Илья Ильич, панибратски приобняв гостей, продолжал с увлечением рассуждать. На щеках густо обозначились капиллярные прожилки, седина лучилась электричеством, оправа очков пылала.

– Переживаю я за вас, дорогие мои. Даже уж и не знаю, как вам прожить случится. Простодушны вы до прозрачности. Не в том смысле, что доверчивы. А в смысле всеприимности, в крови

растворённой. Всего-всего в мире этом каверзном. Равносклонно, без спазмов подложечковых, с пониманием этаким. Не поверить – это вам запросто. А вот не принять – кишка тонка... Потому как всему под солнцем свои оправдания имеются. И как не принять вам оправдания эти? Когда вся жизнь ваша одними оправданиями и клеится. На соплях, правда. Да хоть этак...

А ведь Господом Богом всякому хлебу разная корка пожалована. И принимать на ладони свои всяки хлеба с лёгкостью равной – безумство великое. Ладонь – и глазом не моргнёшь – дотла выгореть может...

– Вообще Илья Ильич много не пьёт. Это он что-то сегодня разошёлся, – скороговоркой шепнула Наталья на ухо.

– Твой опыт разве оспоришь? – зло буркнул Сергей. – Огни и воды с любимым педагогом.

– А некоторым и вовсе подшиться лучше. И совсем об этом деле забыть.

– И почему же?

– Крышняк сносит с пары понюхов.

– А некоторые и напрочь без крышняка обходятся...

– Дорогие мои! А вот браниться без надобности – непозволительная роскошь, – примирительно констатировал Илья Ильич. – Столько вокруг для брани да нервов поводов нешуточных, что, ей-богу, смешно и больно вас слушать. Хоть вы вроде и секретничаете... Мне было с вами радостно!

Илья Ильич облобызал обоих своих гостей. Сергея в щёку, а Наталью – как и следовало ожидать...

24

Этот Верев, странный тип, крутился в мозгу как привязчивая песенка. И чего ему не хватало? Ежели рука такая дана – береги её что зеницу ока и катайся как сыр в масле. Ан нет. Испытывать её на прочность надобно. Оторвут лихие собутельники вместе с остальными конечностями или в очередной раз обойдётся? Послушается ли она вновь башку затуманенную или, наконец, откажется? Задрожит с утраца, скрючится цепкой судорогой, повиснет инсультной плетью... А без испытаний она на фиг ему не сдалась. Цена ей – другая. Он не хранителем её себя полагал. Наоборот – то, что на кончиках пальцев должно выручать его и защищать. И вести, и заводить чёрт знает куда. И выводить оттуда. А как иначе? Пусть себе субстанция эта неведомая работает. От неё не убудет... В даре своём видел он, наивец, индугенцию. И разгонялся без просыпу по всем тяжким... Боже милостивый в курсе: простится...

Впрочем, возможен ли дар без нагрузки этакой? Или ещё какой. Может, это и не нагрузка вовсе, а составная его часть? Невычленимая и обязательная. И без неё рассыплется он в прах, в ничто обратится. Может, ею всё и скрепляется?

А может, это и есть главное? И остальное – лишь премия? За готовность на безумства. Или ещё за что. И не со скрепой это сравнивать надо, а со стержнем. Или шампуром, где словно куски мяса дозревают на огне страстей земных способности дарованные и превращаются в продукт изумительных свойств. Все лакомятся, причмокивают, восторгаются. И невдомёк им, что без спицы закопчённой и на первый взгляд маловажной сгинула бы сырая плоть в недрах пламени, так и не став произведением редким. Вращается шампур рвано, шало, криво. А выдаёт то, от чего язык проглотить. После трапезы откидывают его в сторону небрежно, точно мусор. А между тем все лакомые куски именно с него и стянуты. Именно ему обязаны вкусом своим неподражаемым. Но это никого не интересует.

Интересны аромат манкий, корочка золотистая, блаженство нёбное. А не железяка – страшная, обгоревшая и несъедобная. Банальный инструмент, обычный носитель, самособойное условие. Когда жуёшь – и разглядывать-то орудие это дико даже. За придурка сочтут. «Оцени, как божественно состряпано! И что тебе нержавейка эта грязная далась?!»

Может, склонность с размахом выпить и закусить, шикарно за бабами поволочиться, смачно на условности всякие плюнуть и была для Верева главным? А другое – за горячую голову подарено. За мальчишество, за кураж. Кто знает, чем господа умилишь можно?..

25

Наталья позвонила ближе к вечеру. Говорила ровно, заворожённо, обильно. Сергей смущался в выборе тона, больше молчал, слушал.

– Слава богу, все наконец убралась. У меня тихо совсем стало. Так тихо, что с ума сойти запросто. Да я уже и сошла почти... Там кровь была. Много крови. Меня словно парализовало. А потом убежала...

«О чём это она? – подумал Сергей. – Может, я и сам тронулся? Немудрено».

– ...Да, я испугалась. А как было не испугаться? Сначала от крови оцепенела. А потом дошло вдруг, что тут муж запросто объявиться может...

Сергею подумалось отчего-то, что Наталья впервые назвала Хомяка мужем. Или просто не замечал раньше?

– ...И я побежала. Кубарем – с лестницы. И дальше со всех ног, себя не помня... Я не знаю, как нужно было поступить. Я ничего не знаю...

До Сергея начало доходить, что Наталья совсем не о своей квартире рассказывает. Глупая. Разве теперь это важно?

– ...Понимаешь, это даже не страх был. Это ужас – невыразимый, леденящий. Нельзя его в себя пускать. А я пустила. И за это – кара. Любого ужаса ужаснее...

«Кто ж это может знать, за что кара, – отозвался про себя Сергей. – Это дело не наше».

– ...И что за странный листок в кармане? Бред какой-то...

– А ты и в самом деле не узнала? Неужели не помнишь?..

– Да-да! О, господи! Конечно. Муж, помню, расспрашивал. Я ему рассказывала когда-то. Давно уже... Дремучая судьба, глупая. А у мужа лучше?..

«Муж-муж-муж, – гудело у Сергея в затылке, – му-му-му, у-у-у...» Всё настойчивее, полнее, невыносимее...

Сергей прикрыл глаза и перестал слушать.

26

«Никогда никому ничего не нужно рассказывать, – неотвязчиво рассуждал Сергей. – Трёп опасен как бритва. Чик – и всё. Как ни крути, прощание с тайной – это встреча со смертью (и откуда столько пафоса в подкорке?). Рассказывая – умножаешь. А множественность опошляет даже самое высшее начало. Рассказывая – будто по рукам пускаешь. И поруганное мстит за себя (до каких только умопостроений жизнь эта не доводит!).»

Нужно, не нужно... Чтоб рекомендации себе соорудать, нужно столько ненужного захлебнуть, чтобы из ушей текло. Но ведь объёмом выхлебанного верности пути не заслужишь...»

«Косноязычный, неповоротливый ум! Горе бедному его обладателю!» – пожалел себя Сергей и постановил прекратить это никчёмное внутреннее тяготство. Но через несколько минут вернулся на исходную позицию. В самом деле, чем реже с кем бы то ни было контактируешь, тем меньше раздражности разной в тебя проникает. Это только кажется, что люди «сильны друг другом». Прежде всего, они нитями этими связаны, обезоружены. Потому уязвимы, обнажены перед дуновением обжигающим... Спасение лишь в себе. А всякий путь от себя – успешный...

– И куда что девалось? – риторически вопрошал Илья Ильич, рассеивая сигаретную пыльцу в окрестностях пепельницы. – Вы этого, юные друзья мои, понять не можете. Потому как не застали. И много, увы, потеряли. Это надо было вдыхать, втягивать в себя, впитывать. Нам, дуракам-молокососам, мнилось подспудно, что так будет всегда. А ничто не простирается во всегда, простите за выспренность. Это надо зарубать на носу с первого проблеска сознания. «Всегда» – вообще слово бессмысленное и потому опасное. Вы согласны?..

О чём это я? О наших прежних встречах. С друзьями и недругами, с близкими и дальними, с желанными и ненавидимыми. Но обязательно себе подобными. В сигаретном дыму, за нехитрой снедью, глубокими вечерами. Дышать было нечем, есть было нечего – о выпивке разговор особый – а волна шла. Электрическая прямо-таки волна. Даже воздух потрескивал. Любопытство, негодование, восторг так и высверкивали. Прямо чуть ли физически не опалили. И если ты являлся с чем-то своим – я имею в виду не бутылку – как пить дать, мог рассчитывать на отклик, мнение, живой разнос, в конце концов! Всем было друг до друга дело. Как ни странно, в этих дымных бдениях, расплывающихся очертаниях, полубредовых откровениях ощущалась некая опора. Ведь, как ни крути, вся эта сомнительная вечерняя публика была и средой, и мерилом. Было для кого напрягаться, кого радовать, кому нос утирать. Когда работали, поневоле косились мысленно: как там моя поделка пройдёт... Худсовет, если хотите, импровизированный. Только придиричвей, жёстче, капризней. Всё по гамбургскому счёту норовящий... Так и надо.

О, какие там персонажи нарисовывались! Самобытность из ушей валила! То здоровенный страшнорожий монах при линялой бороде, рясе ношеной и кресте в ладонь. Из богемщиков потухших. Грехи отмаливающий. То пастух-погоняла натуральный. Обветренный, потрескавшийся, сермяжность свою лелеющий. С шутками-прибаутками, частушками да самогонкой. Классика! А то нелюдим записной, отшельник непромытый, звездочёт всклокоченный. Глазища торчком, плечи к загровку, хребет дугой. На всякий чих вздрагивает, от дамочек отодвигается, в тень кутается. Реликт!

Но самое главное: импульс от каждого исходил. Словно избыток энергии у любого за пазухой имелся. И всё выплеснуть её не терпелось: жгло. Может, это оттого, что ничего тогда не давали, по рукам били, пальчиком грозили – сам в себе, дескать, выде-

львайся. Вот и накапливалось. А может, состав крови от препонов обложных другим был. Кто теперь проверит?

Тени по углам юродствовали, дым к потолку лип, винище рекой лилось. Но в этом душном мареве, в безобразном бедламе явственно различался запах перспективы. Мы были инфицированы перспективой. Об этом не суетловили. Это витало. Подразумеваемая элитарность, труднодоступность для посторонних, полуподпольность собраний были пропитаны уверенностью в продолжении. Совсем на другом уровне, в непредсказуемом варианте, в неведомой ипостаси. Но обязательно – продолжении. Мы знали это. И это тайное знание делало нас совершенно неотразимыми. Девочки млели. Они же отлично чувят, когда за душой что-то есть. Пусть выдуманное, сомнительное, несбыточное. Но есть. О, как это преображает!

Романы-то, они и живы обещанием. Что ж это за роман, если он не замешан на предвкушении? А стало быть, нужно искренне обещать. Прежде всего самому себе. Другие и так прочувствуют. В этом не сомневайтесь. И не столь важно, сбудется или нет. Главное, дышать возможностью. Тогда это твой воздух. И без него погибнешь. Ну, как тут не поверить в грядущие фейерверки? Ведь в смерть до конца не верит никто.

28

– А нельзя ли всё-таки объясниться по телефону? – настойчиво переспросил Сергей.

– Вам необходимо явиться в кабинет номер шестьсот шестьдесят шесть, – заученно повторил голос в трубке.

– Ну и номер, – раздражённо вздохнул Сергей и нажал на рычаг...

...Слава богу, ехать было недалеко. На входе Сергея тормознул дежурный – подозрительно спросил, куда и зачем, придирчиво проверил по местному и лишь затем нехотя пропустил. Сергей пружинисто взбежал по лестнице, уточнил у встречного сержанта этаж, поднялся ещё на пару пролётов. В причудливых коридорных закоулках не вдруг отыскал комнату, тщетно подёргал за ручку. «Они на совещании, подождать придётся, – разъяснил проходивший мимо доброхот в форме. – Когда кончится, не знаю». – «Замечательно!» – присвистнул Сергей. Зовут истово, а сами сваливают как ни в чём не бывало. Никому ничего на хрен не нужно. Всем всё до лампочки! Артель что надо!

С полчаса Сергей топтался в тупичке, тоскливо пялился в пыльное окно, присаживался на подоконник, за что бдительная

техничка сделала ему выговор. Сергей злобно фыркнул в ответ, но поднялся. Могли б и скамеечки организовать для таких случаев! Забота, блин, о благах человека безразмерная!

Наконец из-за поворота вынырнул плотный раскрасневшийся мальш. На ходу с удовольствием ослабил галстук, шумно выдохнул и, доставая ключ, поинтересовался:

– Вы ко мне?

В нём Сергей без труда узнал одного из недавних непрошенных визитёров. Лоснящиеся незыблемые глаза, надёжный загривок, немалые щёчки. В тесном, заваленном папками, кабинетике едва помещались шкаф с парой стульев.

– Присаживайтесь.

Сергей небрежно взгромоздился на стул и нагло-вопросительно зыркнул на малого.

– Вот, – показал он вытасченный из папки лист, – должен довести до вашего сведения.

– Что это?

– Акт экспертизы.

– И что?

– Вы прочитайте.

– Лучше вы сами расскажите. По-русски.

– Экспертами установлено, что образцы жидкости, взятой в вашей квартире, представляют собой композицию органических соединений. Результаты химического анализа в акте представлены. Ознакомьтесь, пожалуйста.

– Вы уж, пожалуйста, сами мне объясните, что это значит.

– Это означает, что данная жидкость кровью не является.

– А чем же она является? – тупо переспросил Сергей.

– Краской. Специальной краской.

– Маразм какой-то... И что за козёл это сделал?

– Не знаю. У нас нет возможности заниматься эпизодами без признаков непосредственных угроз безопасности, жизни и здоровью, а также имуществу граждан. Так что извините, но если интересно, выясняйте сами.

– А как же дверь квартирная, коврик придверный? Они запачкались...

– Не паясничайте. Проказы и шутки – не наш профиль.

«Могли б разговаривать по-другому. Знают ведь, что я их покойному начальнику не посторонний. А указ им покойники?»

– Премного благодарен за ценные сведения.

– Всего доброго.

В коридоре Сергей опять столкнулся с техничкой. «Смотри», – веско погрозила она ему пальцем. «Смотрю. Да глаза б мои

не видели...» – пробурчал Сергей себе под нос и прошествовал мимо.

«Ох, и народец присядчивый нынче вылепился!» – проскрежетало вслед. «Тут уж с полотёркой овчаристой не поспоришь», – согласился про себя Сергей.

29

На кладбище густо пахло прелой травой. Сохлые венки горками лежали у обочин, скучные галки отдыхали на голых сучьях, на перекрёстках торчали ржавые мусорные баки. Редкие жилистые бабульки не спеша копошились вокруг облезлых надгробий. Несколько небритых копачей курили на брёвнышке, с любопытством поглядывая на прохожих. Рядом стояла наполовину опорожнённая склянка. Им было хорошо.

Процессия доползла до самого края. Туда, где оставалась ещё не использованная земля. Народу оказалось неожиданно много. Мясистые угрюмые мужики в штатском, деревенские простоволосые тётки с малыми детьми, юркие старички-ветераны при орденах-медалях. Как положено, группа рядовых с оружием. Стояли плотно, внимательно слушали усталого, невыразительного человечка, видимо, начальника. Он правильными словами говорил приличествующие случаю вещи. И все понимали, что самое верное в этой ситуации – терпеливо и подобающе выслушивать.

Наталья глядела на говорящего пристально, отрешённо, спокойно. На лице её не было ни намёка на случившееся. Она словно ускользала в иное измерение. И это Сергея настораживало. Он исподволь искал знаки надвигающейся истерики, не находил их и не очень верил себе. Всё происходило пугающе буднично, угнетающе штатно, невыносимо планомерно.

Сергей думал о том, что неправда, будто история повторяется в виде фарса и тому подобное. Чушь. Фарс как раз предвзает явление главного и непоправимого. И вся эта краска-кровь последнего времени – лучшая к тому картинка. Есть в мире нечто, что предупреждает о худшем. Дурацки, нелепо, невразумительно. И это надо уметь различить. Ох, уж это «надо»!..

Сергей глядел на каменное лицо Натальи и оцепенело понимал, что теперь очень и очень многое изменится. Со смертью Хомяка тайна отношений Сергея с Натальей потеряла смысл. От кого теперь что скрывать? Перед кем делать вид? И только дебил-жизнелюб может с ходу решить, что перемена эта однозначно во благо. Может статься, что вовсе и наоборот. Ведь это было как шов по живому, что и болит, но и держит. А теперь

нить разорвана. Боль ещё есть, а держать уже нечему. И смысл теряют не только тайна, но и сами отношения...

Грянули выстрелы, галки ошалело взметнулись, народ через одного перекрестился. Наталью окружили не знакомые Сергею тётки с обветренными лицами. Наверное, хомяковские родственницы. С его малой родины. Сергей постоял несколько минут и не прощаясь пошёл прочь.

30

– Не знаю, может, это и неправильно. Может, я малодушная. Но я безобразно устало от всего. И ничего не хочу. Понимаешь, ничего.

– Понимаю.

– Ох, едва ли ты можешь понять это на всю катушку... Ладно, не обижайся.

– На что тут обижаться?...

– Этих подонков разыскивать я не буду. Какой смысл? Его этим не вернёшь. Себя рвать только... И что с ними делать, если отъедутся? Прибивать и переселяться в места не столь отдалённые? Не самый лучший вариант проведения остатка дней. Согласен?

– Да.

– Да и если почувют, что начала в этом направлении активничать – саму запросто прихлопнут. Им что одним больше, что одним меньше – без разницы. Они на кровь подсажены.

– Разве тут посоветуешь? Да и как ты их можешь найти?

– Не знаю. Я что, обязана всё знать?!

– Ты устала.

– Наконец до тебя дошло. Всё. Не будем перегружать абонентскую линию.

– Я позвоню попозже.

– Не надо. Я хочу спать. Я имею право отдохнуть?

– Полное.

31

Сергей тысячу раз бросал курить. Он целиком и полностью соглашался с Марком Твенем: проще занятия не придумать. Повторять можно сколько угодно. Затем чтоб через недельку выйти как-нибудь сизым вечером на балкон, вздохнуть безнадежно, поглазеть в дымку густеющую. А потом достать из загашника сигаретку залежавшуюся, чиркнуть спичкой небрежно, затянуться во всю сласть...

Вот и нынче, водрузив локти на перила, Сергей с несказанным удовольствием вбирал в себя сладковатый дым, прислушивался, как ласково растекается он внутри, согревает, оседает, входит в кровь. Вдали было неясно, сумеречно, дымно. Сергей думал о хрупкости, растворимости, улетаемости. Прежде всего – самого, казалось бы, незыблемого, осязаемого, всегдашнего. Неизбывное развеивается, истаивает, исчезает неожиданно, неотвратимо, предательски быстро. Корневое, ствольное, несущее предстаёт иллюзорным, обманчивым, призрачным. А подозревать в каждом устое существования своего эту губительную начинку – значит верно и навсегда отравить себе жизнь...

И напротив, самое зыбкое, эфемерное, невесомое имеет словно благословение какое на преодоление своей временности. Оно готово к смерти прямо здесь и сейчас. Но отчего-то длит и длит своё бессмертие. Будто и не по своей воле.

Сергей хорошо помнил юношеское ощущение здоровья, ровную мышечную радость полнокровного его обладателя, подспудное неверие в его исчерпаемость. Оно казалось безусловно неотделимым от тела, скреплённым с ним врождёнными и вечными скрепами. Оно представлялось таким же непреложным знаком собственного существования, как сознание... А потом здоровье начало вдруг отчаянно выветриваться, а жизнь-жестянка продолжалась своим странным чередом... Оказывается, она возможна и без любого куска самой себя. Нет единого у неё оплота.

Ох, и мыслишки эти по ходу дымоглотания! Никчемушные, клубящиеся, ускользающие. Такие же надёжные, как сам дым. Думается: были – и рассеются моментально. Ан нет. Так оборачивается, что они годы и годы с тобой. И конца-края не видно. И почему всё ненужное, бессмысленное, безделковое так привязчиво? Каким таким лукавым ангелом сулитесь?

Сергей вздыхал и забычковывал сигаретку. Хватит. А то распустил себя курилка!

32

– Не расслышала. В трубке что-то трещит...

– Я тоже не хочу ворошить эту историю. Такое чувство, что не нужно. Много тут непонятого... Да и уйму вещей внутри себя переставлять придётся...

– Ты о чём?

– Да о разном. Сразу в пучок всё и не соберёшь. Давай как-нибудь потом. Я не то чтобы не хочу говорить, просто не знаю, как

подступиться... Тем более рисунки поддельные – в своё время специалистов приглашал.

– Ты хочешь сказать, что веревский рисунок твой... Выходит...

– Да. Выходит. Помнишь старый фильм? Что важнее: дружба или любовь? И герой отвечал: дружба. Она бескорыстнее.

– Помню. Фильм только уж очень старый...

33

– Слушай, а что этот агрегат у тебя без дела валяется? – игриво нахальничала Наталья, разглядывая видеокамеру. – Заржавеет ведь.

Она выскользнула из-под простыни, примостилась на краешке и, нажав на кнопку «Пуск», обвела объективом комнату: шкаф с облезавшей полировкой, голого Сергея, крутящего пальцем у виска, себя – смуглую, узкобедрую – в тусклом боковом зеркале.

– Давай снимем домашнее видео... Ла-ла-ла. А? Как этот в песенке?

– Почему к тебе исключительно идиотские песенки цепляются?

Наталья с упорством любопытного примата понажимала на разные кнопки, сама себе шало поулыбалась и поставила камеру на «автомат». Подчёркнуто покачивая бёдрами, прошлась перед объективом, сделала в камеру ручкой и решительно обняла Сергея за голову.

– Ты что, с ума сошла? – сонно проворчал Сергей, с неспешной готовностью отвечая на объятие. – Натуральная кокотка...

– Между прочим, кое-где за границей есть традиция снимать ролик про свой первый интим, а потом выкладывать всю эту прелесть в Интернете.

– Во-первых, мы не за границей. Во-вторых, о каком таком первом интима речь? И в-третьих, степень нашего морального разложения пока недостаточна...

– Достаточно! – безапелляционно прервала его Наталья требовательным поцелуем.

Мускулистое, напористое неистовство припечатало Сергея к пружинам. Он потворствовал с лёгким удивлением и внезапной бережностью. Осторожно гладил растрёпанную голову, касался губами близкой горячей щеки, безотчётно вторил порывистому дыханию. Он был словно стеснён некоей сдерживающей силой. Чувствовал, что вспыхнешь навстречу – и нечто очень важное, почти ускользающее тогда и вовсе исчезнет в тёмных недрах безумства. Хотелось различать, попадать в резонанс, откликаться. И для этого требовалось, слившись, чуть отстраняться. Не спе-

шить. Вслушиваться в себя, остужая. Чтобы потом выпустить на волю внутренние упругие свои волны. И, почти умерев, следить за стремительным их угасанием, умиротворением, полным штилем. Короткой счастливой пустотой. Забытьём...

– Снято! – звонко объявила Наталья. – Хочешь глянуть?

34

Шар – невидимый почти, а весь в крапинах броских – сверкающий, слепящий. Свет безоболочный, ничем не несомый, ничему не обязанный. Он где-то очень высоко – под самым небосводом. А мнится – рукой подать. Близкий-далёкий, лукавый, приманчивый. А вокруг синева лёгкая, пустота, тишь. Слово фон подгаданный – оберегающий, подчёркивающий, указующий. Чтобы виднее было, острее, памятней. Будто чьей рукой подретушировано вокруг, краски приглушены, тени убраны. Лишь бы свет самостоятельный, переливающийся играл по своей прихоти.

Наталья открывала глаза, и свет исчезал. Стояла постылая темнота. Не крошечная, позволяющая кое-что разглядеть. Но только почти на расстоянии протянутой руки. Не дальше.

35

Она отдёргнула протянутую было руку. Просто стояла и в упор смотрела на дверь. Недвижно, бессмысленно, каменно. Долго, невыносимо долго. Потом встрепенулась, задёргалась на коврике, кинулась было прочь. Но остановилась, закусил губу, сжала ладошку. Чуть не вернулась, но тут же передумала. Застучала каблучками – споро, неровно. У перил ещё мгновение помедлила – и тогда уж понеслась по лестнице бесповоротно.

36

– Сначала я толком не понял, та ли это женщина. – Всё втолковывал, не входя, Игнатьев...

– Вот и я толком сначала не понял... – невольно спопугайничал Сергей.

– Что?

– Ничего?

– Бывает такое, что почтальонша, к примеру, с телеграммой. Не открывают, а он топчется: вдруг кто проснётся? Или там попрошайка какая... Потом смотрю – вроде что-то знакомое...

– И откуда?

– Вот и я подумал. А потом понял: спину видел.

– ?

- Ну ещё тогда...
- А-а-а.
- И узнал. Ей-богу, узнал.
- А говоришь, памяти нету.
- Да какая уж тут память...
- Ох, ты и шельма!..
- Ну вот, опять снова здорово... Я к нему пособить, а он... Индюк форменный!

37

Ночью Сергей курил на балконе. Парк, детсад, частые хрущёвки казались призрачными, будто подрисованными кем-то неосозаемым к неуютному крапчатому пейзажу. Огоньков внизу было немного: шалманы да ночные забегаловки под накатом финансового кризиса дружно сложили ласты и послушно ушли на угрюмое дно провинциальной ночи. Повеяло многое, распалось. От этого Сергею курилось только слаще и вольготнее.

Подумать можно было без помех о всякой всячине. Не для решений генеральных или вердиктов судьбоносных. А так, для внутреннего разговора: с кем ещё никчёмные свои тары-растары потравишь...

Перетираешь мякину жизни, закусываешь удила. Всё вроде как своим чередом. А потом глядь – зубы-то уже и стёрлись. И жрать уже неважно и жевать нечем. Слишком уж незаметно закругляется вся эта комедия...

Звоночки, звоночки – то грудь сдавит, то голову поведёт, то поясницу скрутит. Шутки шутками, а пролетит пятилеточка-другая – и будешь как Игнатъев. Кондыбать себе по песочникам да ворчать в трубочку.

Простагит ещё этот проклятый достал. И ведь что интересно – никогда в жизни не цеплял ничего. Бог миловал. А вот с некоторых пор потянулось как-то исподволь. То больше, то меньше. А совсем не проходит. Извела прямо-таки эта потеха. Урологи-андрологи и во все отверстия заглядывали, и электроды всякие засовывали куда ни попадя, и пальчиками своими безжалостными шерудили усердно. Отпускало, конечно, на недельку-другую. А потом всё по новой...

Да он бы и терпел. Но потом-то что? Известно, что. Взгляды на женщин как на объекты исключительно платонического обожания. Как бы из другого мира, где задержки мочи, ночные скорые помощи, выводные трубки из живота. Полный набор прелестей отставного донжуана.

Поборемся, конечно. Что ж остаётся? Куражу только в борьбе этом негусто...

А может и в отношении с Натальей это какой-то привкус внесло? Что-то по этой колее сдвинулось под откос? С этим, он сам чувствовал, всё было в порядке. Ведь Наталья удивлялась даже... Тут дело в чём-то другом.

Может, когда живёшь в две жизни – это оттого, что одной мало. Не хватает ни полноты, ни соли, ни перца. А потом наедается человек: и одной – в самый раз. Только не умеет он это ни себе объяснить, ни другому. И начинает происходить что-то неуправляемое, но явственное. Точно манёвр осторожной рыбы в тинистом пруду. Она не хочет обнаруживать себя. Но хвостовые всплески то здесь, то там выдают её сумрачную жизнь.

38

– ...Так обидно: и в жизни не найти ничего стоящего, настоящего, и погибнуть из-за фальшивки...

– Конечно, настоящее в папке на шкафу не хранят. Там только туфту и можно найти.

– Что ты имеешь в виду?

– Что настоящее у меня, конечно, не на шкафу.

– Серьёзно?

– Вполне.

– Странный у нас разговор какой-то...

39

Любил Сергей, пробудясь, полежать бездвижно, поглазеть бесцельно в сизую утреннюю дымку, попривыкать не спеша к яви. Шевелиться начинал, только когда момент чувствовал. Чтоб организм не надрывать. Но и спуску ему, коварному, не давал. Напяливал майку, шорты. Брал трёхкилограммовые гантели, часто и порывисто притягивал их к груди. Потом падал на ковёр, упрямо отжимался. Врубал телевизор и под местные новости поочередно поднимал ноги выше головы. Затем шагал на месте, усердно плюща в кулаке кистевой эспандер. Истоиво вращал головой, вздымал над ней руки, ритмично и с хрустом прогибался.

Когда программа самоистязания оказывалась исчерпанной, отправлялся в ванную. Решительно обдавался ледяной водой, следом открывал горячую и на несколько секунд нырял под неё. Повторял всё это раз десять, выскакивал на кафельный пол и, не чувствуя холода, до огня растирался неласковым ребристым полотенцем.

На пике сосудистого блаженства Сергей отправлялся в кухню. Открывал стенной шкаф и внимательно вглядывался в его содержимое. На полках громоздились разнокалиберные разноцветные коробочки. Картонные, металлические, деревянные. С надписями на незнакомых языках, броскими рисунками, голографическими наклейками. Сергей брал в руки то один, то другой коробок. Разглядывал с разных сторон, раздумывал. Выбирал два из них – с чёрным листовым и с зелёным. Чёрный – обязательно крупный лист, зелёный – с лепестками жасмина или ганпаудер. Зажигал газовую плиту. Три конфорки. На одной кипятил воду, другие раскалял под заварочные чайники. Сергей давно где-то вычитал, что в Англии при чаепитии для постоянного подогрева заварки используют спиртовки. До этого Сергей не дошёл, но остывшего чая терпеть не мог. И приспособил для поддержания нужной температуры то, что есть.

Заваривал он тщательно, придирчиво, трепетно. Зелёный и чёрный – в отдельной специальной посуде. Споласкивал её предварительно кипятком, чайной ложечкой отмерял содержимое коробков, добавлял коричневый нерафинированный сахар. Медленно заливал, перемешивал и против часовой накрывал заботливо салфеткой. Чтобы не тратить попусту время, шёл скрестись станком, умащивать раздражённые щёки кремом, сбрызгиваться одеколоном. И после косметических процедур возвращался. В набедренном полотенце, благоухающий, умиротворённый. Извлекал из шкафа фамильный тонкостенный стакан, облупленный, выдавший виды подстаканник, потемневшую серебряную ложку. С полминуты вдыхал лёгкий, дразнящий запах и приступал...

Хорошо, если утро выдавалось ясным, с нежарким солнцем и вежливым ветерком. Сергей благостно расправлял плечи и свободно шагал, стараясь не думать и жить моментом. Предупредительная природа потворствовала его внутреннему равновесию. Сергей стремился идти пешком подольше. Насколько позволяло время. Ровно дышал, слегка прикрывал глаза, свято держал ритм ходьбы. Знал, что по крайней мере в ближайшие сутки таких минут не случится. Впереди мутности, передрыги, проблемы. «Тот случай, когда знание оттеняет прелесть, – думал Сергей, – а надежда её бы обесцветила. Ничего странного. Жизнь».

Сергей словно тешил себя, вспоминая их с Хомяком поделки, пробалтываемые напролёт вечера, какие-то столетние анекдоты из общего воздуха. Видел потные, лоснящиеся щёки,

мясистые, в шпротном паштете губы, наполненные алкогольной мечтательностью глаза. Плечо Сергея побаливало от увесистых похлопываний, веки смаргивали мелкую летучую слюну, нутро першило от мамкиного фирменного напитка. Было жарко, душновато, слегка подташнивало. Хомяк то и дело открывал окно, высовывал голову наружу. Надышавшись, усаживался и со свежими силами пускался в разглагольствования. Двойной подбородок ходил ходуном, жирный затылок подрагивал, пухлые ладони истово резали воздух. Поворачиваясь в профиль, Хомяк превращался в утконоса. «Чудеса зоологии!» – вспыхивало в отъезжающей сергеевой башке...

Сергей вдруг обнаружил, что после Хомяка друзей у него и не осталось. Да их, если оглянуться, никогда, в сущности, и не было. Даже на приятельство мало что тянуло. Так, взаимовынужденные общения по поводу или взаимонеобязательные – без. Пунктирно, изредка, без соскучиваний. Состыкнулись, вопросы свои перетёрли да разбежались. К чему проблемы плодить?

Так выходило, что дружбы у него случались в основном с женщинами. Наверно, из-за того, что в этих случаях всегда изначально и невольно мерцает интрига, светится запретный плод. И оба тянутся его укусить, а вида поначалу не подают. И жажда страшит собственная, и каким вкус окажется, пугает. Дело даже и не во вкусе. Иные плоды практически не перевариваются. Опасно для здоровья. Зато есть вокруг чего дёргаться.

Не сказать, чтобы женщин было много. Они возникали и растворялись где-то на обочине событий, вдали от каждодневной текучки и нервотрепки. И тем запоминались. Каждая была штучкой отдельной, не похожей на другую, со своим фонариком внутри. Случались и длинноногие молоденькие хохотушки, и насмешливые прокуренные цинички, и дамы в теле и возрасте со всепрощающими печальными глазами. Отличие от предыдущей было частью обаяния последующей. Подчёркивало её особенную, фамильную привлекательность. Может быть, вне контекста они и казались бы Сергеем более ординарными. Но чистота эксперимента была в этом плане недостижимой.

Комплекса параллельности (если иметь в виду Наталью) Сергей не испытывал. Истории эти существовали в разных измерениях. Они были несопоставимы по происхождению. Наталья никогда не спрашивала. А Сергей, разумеется, не распротраивался.

Сергей иногда вспоминал неопределённолетнего мальчишкового типа седоватую домоседку в неизменных брюках и рубаше

навыпуск. Она угощала нестерпимо крепким чаем, забиралась с ногами на диван, молчала. Говорили, что в юности она была любовницей одного ошеломительного художника. Но Сергею и в голову не приходило уточнять. А она к откровениям о прежнем была не склонна.

Сергей помнил, что смеркалось рано. Над тонкостенным в подстаканнике стаканом тонко вился вкусный дымок, негромко играла музыка из итальянского неореализма, мягко горел торшер. Разговаривали о странных совпадениях, об опасности загадываний, о прелестях легкомыслия. Было уютно и почему-то весело. Со стены за ними следил блик глазка проигрывателя. По мере того, как темнело, он становился всё ярче, напряжённей, выпуклей. А потом и вовсе отделялся от неразличимой чёрной стены и повисал в неподвижном комнатном воздухе. И было совершенно неясно, какая сила удерживала его под потолком.

41

«А откуда, собственно, такая уверенность, что причиной всему Хомяк? Да, листков нет. Да, обрывок одного торчал из его кармана. Ну а дальше-то что?.. Это, казённо говоря, факты, а не доказательства. Разве кто покойника за руку поймал?»

Сергей подумал, что убеждение сие сложилось у него само собой и утвердилось в мозгу как дважды два. А произведение это, как известно, иногда равняется пяти. Или другим числом.

Сергей вдруг понял, что всегда воспринимал Наталью отдельно от Хомяка. А каковы были они (и каково было им) вместе, оставалось за кадром. Почему Сергей раз и навсегда уверовал, что Наталья настоящая именно с ним? Откуда такое непомерное самомнение? Они ведь справно и прочно жили с Хомяком под одной крышей и не собирались расставаться. Разумеется, у них были планы на будущее. Разумеется, для их воплощения нужны были деньги... Могла ли Наталья не думать о будущем семьи?

А может, всё-таки Хомяк? Прознал что-то. Или паче того ролик, по дури отснятый, под руку попался. В самом деле... Что-то последнее время это чудо кинематографии в доме не обнаруживалось...

А может, всё было просчитано давно. Все плотно знали свои роли, и только Сергей пребывал в благостности идиотской. Правда, потом и в их системе произошёл сбой. Или кто-то просто позабыл, что роль свою до конца очень внимательно прочитывать нужно? За отсебятину режиссёр отстраняет сразу...

42

После нешуточной зарядки и яростных водных процедур Сергей чувствовал себя молодо и напористо. Он с удовольствием чаёвничал, смотрел по разным каналам новости, прикидывал, как построить день. Потом неспешно оделся, придиричиво выбрал галстук, отдраил губкой башмаки. Это принесло умиротворение и ровную радость. Словно в соблюдении непреложного распорядка был залог того, что всё будет как надо.

Он ещё раз проверил, все ли окна закрыты, крутанул дверной замок... И обомлел...

Пол на площадке был бордовым. Сергей глазам своим не поверил. Может быть, что со зрением? Не дай бог!.. Сергей непроизвольно прикрыл веки. Снова поднял их. Наваждение какое-то...

И вдруг он различил на полу узкие дощечки, чтобы пройти, и листик у кнопки лифта. «Ходите по фанере! Вокруг окрашено!»

О, господи! Так ведь и инфаркт хапнуть может! Нервы лечить надо...

Дверь напротив приоткрылась. Из-за неё возникло благостное лицо Игнатьева.

– Ну как? Добился-таки какого-никакого ремонта. Принимай работу!

43

«Отравление общением». Термин этот Сергей ввёл для пользования внутри себя. Разжёвывать кому-то радости он не видел. Снова улыбочки неопределённые, вежливые переспрашивания, сочувственные кивания. Рассуждения ответные, воспоминания по теме, смешки над собой прежним. Заверения, что всё устанется. Пожелания держать нос торчком. Обещания вскоре схлестнуться... Всё это Сергей уже проходил. От этого как раз и тошнило...

Совсем не потому, что этот или тот был мерзавцем, тайным супостатом или стукачом. Собеседники могли быть вполне моральными и заслуживающими внимания. Но безотносительно их достоинств – слов, контактов, реакций было под завязку. И новое оказывалось вне того, что измотанный мозг мог усвоить без протеста и отторжения. И дело не только в запредельном объёме всех вышеозначенных радостей, но и в стиле бесчисленных диалогов. Ведь во времена первого работодателя своего, старичка-коллекционера, всё обстояло иначе. Сергей с удовольствием и заранее выстраивал сценарии встреч, предвосхищал варианты, смаковал неожиданные повороты. Увлекательность этих действий

шла на пользу и боевой форме, и делу. Конечно, можно свалить на то, что происходило это энное количество лет тому. А потому, дескать, Сергей был куда восторженней и свежее. Но важно ведь и то, как все эти перетирания случались. В кухонках, без галстуков, чуть ли не между прочим. Трепотня не смолкала, байки, подкобочки. Хоть это и для заговаривания зубов чаще – а работало. Проблемы не висели камнями над темечком, а крошились в песок рукопожатьями. Совсем не обязательно дружескими, но порывистыми и крепкими. Если уж по рукам – то с душой... А у кого уж насколько её хватало – вопрос отдельный.

В офисе же процесс коммуникации заменял сплошь и рядом её результат, то есть последний зачастую никем и не предполагался. Потому как главное содержание деятельности было именно в процессе. И вне его бесплодного течения вся конструкция рушилась. А так как Сергей подрядился быть её компонентом, то полномасштабное участие подразумевалось само собой. Однако бестолковщина обладает свойством быстро надоедать. И Сергей давал сослуживцам понять, что для словесного пинг-понга нужна какая-то причина, действительная новость или хотя бы внятный повод. Но это воспринималось как каприз или плохое настроение. Прощалось, забывалось, стиралось. И всё начиналось по новой, как ни в чём не бывало. Белой же вороной становиться было никак нельзя, и Сергей заставлял себя кисло следовать привившемуся порядку вещей. На энтузиастов этого порядка взирал с завистью и неприязнью. И проникнуться их философией не мог по природному устройству.

Прежние старичковские комбинаторы были Сергею куда симпатичнее. Крови в них больше было. Азарта, изюма, романтики. Тревожные живые глаза, торчащие вкось сивые бороды, отполированные временем лысины. Излётная по возрасту братия. А искорка не погасла, зубки не стёрлись, идейки не перевелись. Когда интерес на озорстве замешан, отчаянности, дружбе с бесенятами – ему и цена другая. Это уже песня, нервы щекочущая – а не расчёт-перерасчёт. Может, на них так предмет интереса действовал. Творчество через плоды свои облучает всякого, с ним соприкасающегося. И не заболеть этой особой болезнью лучевой разве что самым окукленным удаётся. Но такие и не спешат прикасаться. Им-то к чему?

Офисные же молодцы совсем в ином море плавают. В бумажном, экранном, цифровом. По нему они перемещаются из общего рабочего зальчика в отдельный кабинет, из одного офиса в другой, из провинциальной полудрёмы в столичную бессонницу.

Физически ни с какими предметами – за исключением авторучки, компьютера и телефона – напрямую они не контактируют. А порой и весьма смутно представляют себе, чем именно изо дня в день оперируют. Грузить себя лишним – не в их правилах. Лучше глядеть, куда грести. Плановмерно, без нажима и глупостей. Беспшибашные ой как скоро все силы свои вытряхивают. И уж не заглядывают никуда – едва на плаву и держатся. А потом и вовсе с поверхности исчезают.

А когда полагают себя плавающими и путешествующими – отвлекаться на разговоры негоже. То есть нужно, чтоб невзначай с курса не сбили, плавники не поранили или ко дну не утянули. Но только в той степени, которая обеспечивает штатный режим. Импульс следует хранить для движения. А здесь – издержки, вынужденность, погодные условия – неотъемлемое, увы, и постоянное сопровождение. Без него никуда. И потому им надо заниматься.

Непрерывно, без перепадов и с минимальными затратами. Это тебе и мониторинг ситуации, и климат в команде, и репутация доброхота. Удобно и правильно. И никому не во вред.

«Только токсично. Со временем, – добавлял про себя Сергей, – всё вроде ничего. А поднакопится – и признаки отравления налицо. Мутит, душит, давит. Так и подмывает резануть трёхэтажным или врезать без присказок...»

Сергей поднимался и шёл просить отгул.

– Что-то мне нездоровится, – объяснял он шефу. И не лукавил.

44

– Если честно, – глухо шептала Наталья, отстраняясь, – мне так лучше всего. Да, это совсем обычно. Как почти у всех, наверное. Но так я чувствую тебя всего. Твоё дыхание, грудь, бёдра. Всю твою напряжённую тяжесть, зашкаливающее сердце, каждую пульсирующую прожилку. Мы почти срастаемся с тобой в эти минуты. Щеками, животами, ногами. Когда это бывает по-другому, ничего подобного не происходит. Тоже, тоже хорошо. Но по-другому хорошо. А для меня всю кровь твою ощутить очень важно. Тебе это, наверно, не очень понятно?

А ещё, когда ты надо мной – я словно под защитой, под живым кровом. Словно этим от чего-то плохого спастись можно. Может быть, ото всего-всего плохого на свете. Дура я, да? А за чем мне таяться?

А ещё, если хочешь знать, самая большая сладость для меня – впитывать твоё семя. Следить, как оно проникает, растворяется, начинает жить во мне. Это ни с чем не сравнимо. И главное тут

– знать, что это именно ты. Иначе даже противно будет. Я хорошо понимаю женщин, которые после траханья кидаются подмываться как ошпаренные. Их не только беременность страшит. Их гонит неосознанная самими необходимость очиститься, освободиться, вернуться к самой себе. Тот, кто рядом, им больше пока не нужен. А чаще всего и вообще не нужен. Мне жалко их. В самом деле. У меня, слава богу, всё совсем наоборот.

А тебе жалко женщин? Да, они лживые, глупые, самовлюбленные. Но такие несчастные. Ты и представить себе не можешь, насколько несчастна женщина по определению. Это даётся изначально. Как дар божий. И ничего с этим не поделаешь.

Наверно, поэтому им многое прощительно. Не всё, конечно. Далеко не всё. Но ведь не прощается ничего совсем. Скажи, почему так?

45

Мастерская по комбайнам, сельпо на центральном пяточке, обдуленный Ленин с протянутой рукой. Щербатокирпичная, с остатками побелки школа, пивной ларёк с солёными сушками, вечноезелёная лужа у администрации. Замасленные механизаторские спецовки, цветастые бабьи платки, индийский раскрас местных красоток. Пахота с рассвета, самогонка под вечер, кривлянье танцульковое в сарайном клубе. Приземистый чумазый посёлок, тридцать км до райцентра, глубинка голимая...

Мать, затемно приходящая со второй работы (по случаю устроилась прибирать в администрации), письма от отца с приветами и небогатыми переводами, пацаньи гонки на великах по окрестным буеракам. Костерки по-над речкой, сало на веточке, купанье до одуренья. Нескончаемые прополки картошки, привозы угля, починки крыши. Куры, коза, кошачья семейка...

Что Хомяк видел сизмальства? Каким воздухом дышать ему приходилось? Сергей живо припоминал хомяковские рассказы и представлял себе их воочию. Углый такой мирок, пыльный, безвылазный. С концами затянуть мог. А Хомяк страшно этого не хотел: перспектива вырисовывалась глухая. Смекал, что годика через три-четыре превратится он в унылоглазого простачка-работяжку с вечно чёрными от мазута ладонями, с утра прикидывающего, где поправить здоровье, а в конце месяца – где перехватить до полочки. Что ему делать, как не перед пухлой женой каяться, здешнюю пыль глотать да судьбу-злодейку на чём свет стоит костерить. После ужина на лавочке с соседями козла забивать, воскресный улов обсуждать, правительство чехвостить без

устали. Махрой насквозь провонять, подспиться изрядно, забыть к чёртовой матери, что где-то там иная жизнь разворачивается...

Дрожь крупная от таких картинок умственных по коже шла. Оторопь душила. Зачем тогда всё?..

Отъезд был шагом решительным. Мать долго отговаривала. Иди, мол, в районный техникум. И человеком будешь, и учиться под боком. Но Хомяку нужно было именно подальше... Чтобы пыль тамошнюю отряхнуть раз и навсегда. И всё-всё заново!

Пришлось привыкать, обживаться, укореняться. И учёба не запросто давалась: ахти какими талантами Хомяк не блистал. И не только учёба... Всё с трудом, со скрипом, измором. Горбатился, не разгибаясь, корпел над книжками до первого солнца, тыркался как заведённый в двери разные... Не дай бог никому!

Уяснил для себя Хомяк по жизни такой, что за любую возможность двумя руками хвататься надо. А потребуются – и зубами. Цепляться изо всех сил, несмотря ни на что. Иначе так и останешься не пришлей... Или вообще медным тазом накроешься от такого режима труда и отдыха. А что? Запросто!

А когда речь идёт о том, жить тебе или нет – детские байки про «что такое хорошо и что такое плохо» полезно запоминать. Подальше до поры задвинуть – глядишь, на склоне лет и понадобятся. А будешь при себе их держать – до этого склона, может статься, и не дотянешь. Хочешь жестянку свою убогую выправить – все силы свои на то и употреби. Это только с виду она такая: может туда выгнуться, может сюда... А на самом деле – неуступчивая, сволочь... И начнёшь на соблюдение политесов разных распляться – ни черта у тебя не выгорит.

И когда Хомяк разглядел шанс из круга своего, печёнку проевшего, выскочить – то грех было сплеховать. Что здесь непонятного? Или даже стыдного? Если б его даже и за руку поймали да повоспитывали – он назавтра же точно также себя повёл. Деваться ему из своего коридора больше было некуда. Только так!

46

– Это куда ж ты, милый, лыжи навострил? – осведомился через приоткрытую дверь Игнатьев. – Ишь каким франтом вырядился!

– Да на собрание в контору свою, будь она неладна, – добродушно объяснил Сергей.

– И о чём же разговоры разговаривать будете?

– Вестимо о чём. О сокращениях. Кризис, денег нету и всё такое... Стало быть, тебя, тебя и тебя придётся гнать в шею. Не обессудьте. Представляю, сколько истерик и соплей будет...

– А когда ж их не было? Оно всю дорогу так. Раньше и покруче заворачивалось... Ох, и мероприятия бывали! Как вспомню, дух захватывает...

– Это какие же?

– Да вот хоть съезд местного РАППа. Знатное зрелище!

– Что это ещё такое?

– Рабочая ассоциация пролетарских писателей. Как сейчас помню...

– Постой... Это когда было? Ты ж ещё пешком под стол ходил.

– Милый, а ты интересовался когда-нибудь, который годок мне тикает?

– Ну, ты, Игнатьев, даёшь! Молоток!..

– Помню, совсем ещё молоко на губах не обсохло – двинул меня комсомол на подъём культуры в регионе. На этом направлении полный завал был. Кто в лес, кто по дрова... Ну, я засучил рукава и начал всё это хозяйство в порядок приводить. Людишки были, прямо говоря, швах. Недобитки, приспособленцы, мутняки... Сброд, короче. Возиться с ними – с души воротило. А без возни нельзя было. Культура!..

Так вот, в первоочередном порядке взялся я областную литературную жизнь активизировать. А то сидели все по норам – носа не казали. Даром, что многие – рабочая косточка. А организованности – ни на грош... Хотя бы изредка собирались обсудить текущий момент, оргвопросы порешать, с курсом партии свериться. А они, знай себе, пёрышками скребут... Короче, вышел я с предложением в областной комитет собрать здоровые литкадры, поставить задачи, вдохнуть новый импульс. Инициативую мою одобрили, дали команду действовать...

Собрал я письменников наших в Доме политпросвета. В большом зале, всё как положено. С полсотни их было всего по списку. А народу набилось – весь зал. Событие для интеллигентов!

Распорядился я агитплакаты развесить, в фойе хор из музшколы построить, чтоб при входе большевистскими песнями встречал. А как же? Всё торжественно должно быть и идейно выдержано. На должный лад публику малохольную настраивать. Это ж тебе не танцульки нэповские...

Сел я в президиуме. Рядом ответственные товарищи, рабкоры, сотрудники местного литальманаха. Были, правда, и сомнительные личности – в пенсне, из попутчиков – по недоразумению просочились. Но оно, может, и к лучшему: политика есть политика.

Поначалу всё шло, как согласовывали. Открыл собрание секретарь обкома. Обозначил ориентиры, подчеркнул значение,

оценил потенциал. Всё по уму. А без стержневого начала никак. Вообще эту братию сразу надо регламентировать. И не шутейно. Это я потом понял...

Ну, вот. Похлопали вежливо, головами покивали. Следом товарищ из Москвы сказал. Подтвердил, что центр культурную работу на местах планирует усилить, и мы в русле веяний. Если потребуется – и моральную поддержку окажут, и кадрово укрепят. Словом, задачи поняты верно.

Тут и мой черёд говорить настал. Я чётко и доходчиво сформулировал. Нужно определить первоочередные рубежи, убедиться в чистоте рядов, выбрать боеспособное правление и сплотиться вокруг руководства. Возражений против такой повестки не было. И, не мудрствуя лукаво, первый вопрос я взял на себя. Сказал, что только оскандалившиеся подкулачники могут сказать, что «лицом к лицу лица не увидать». События нужно уметь поднимать из их недр и горнила. Понимать и влиять на их ход. Творческий товарищ – единица активная. И то, что нынешние свершения преступно недостаточно представлены в литпроцессе – на совести присутствующих. Поэтому необходимо взять обязательство. Каждому. Не сию минуту. А подумать и через неделю представить. Со сроками, количеством страниц, читательской прослойкой. Не болтовня ведь нужна, а реальный вклад. Верно?.. Приняли единогласно.

А со вторым вопросом комедия вышла. Слово я их председателю предоставил. Потрёпанный уже был хрыч, с дореволюционными ещё корешками. Сначала он выдал четвертьчасовую тираду об их художественных достижениях. Поведал, как инженеры душ человеческих растут на местной почве идейно. Особо своевременные сочинения перечислил. Перспективы обрисовал обнадеживающие. А потом, видно, сообразил, что перебор. Вспомнил, зачем его на трибуну выдернули. Опечалился вдруг, что в члены ассоциации пролезли некоторые непролетарские и даже буржуазные элементы. И по происхождению, и, что самое опасное, по генеральным установкам. В том, что так произошло, была и его, дескать, вина. Но и другие здоровые силы организации тоже непонятно куда глядели. Близорукость, ротозейство, утрата бдительности. Возможно, постыдное благодушие и непростительное попустительство были связаны с эфемерной надеждой на возможное перевоспитание – это тема отдельного разбирательства. Но стало совершенно ясно, куда ведёт подобная мягкотелость. Терпеть такое положение вещей больше нельзя. Необходимо срочно принимать меры. В отношении кого? При-

мерный список он, сидя на сцене, уже набросал. Какие? Понятно, какие. Не по пути строителям новой культуры с погрязшими в пережитках и отклонениях. И тут же списочек этот скороговоркой и зачитал...

Что тут началось! Первый из списка тут же на трибуну выскочил, кричать начал, слюной брызгаться. Отец, дескать, у председателя поп. Бабка – из польской шляхты. А он, тварь такая, сыновей батраков жить учить вздумал. А вспомните, избирали его как. Как голоса считали. Полная умора!.. И с какой стати возможность потявкать ему тут предоставили? Молчал бы в тряпочку...

Председатель побагровел, раскрыл было рот... Но тут на трибуну вскарабкался следующий обиженный. Да вы знаете, говорит, во что превратился, с позволения сказать, передовой отряд культурного строительства за время председательского бесчинства этого типа? В ничто. Нет никакого отряда. Есть группки, компании, шайки. Ненавидят друг друга лютой ненавистью. Пишут в инстанции, гадости подстраивают. А он и рад тому: в таком котле верховодить сподручнее... Вокруг него сбилась вообще какая-то тёмная клика. Никому не ведомые раньше личности, пройдохи, лизоблюды. Как они в ассоциацию пролезли? Они ж сроду ничего не писали... А мат помощь, творческие командировки, санаторские путёвки – всё им. А ты хоть обпросись...

А тут уж и следующий из-за спины вынырнул. Читали вы, спрашивает, писания этого проходимца? Нет? И правильно. И не читайте. Только время убивать да голову забивать. Чушь полная. Стыд и позор для пролетарской культуры. Надо разобраться, кто позволил. Башку оторвать редакторам этим хреновым следует...

Белинского новоявленного чуть не пинками другой правдолюбец отогнал. Ты лучше орал, вирши свои буржуйские народу продемонстрируй. Шакал, оборотень, приспособленец! На очернительстве вздумал выплыть, сука! Да как ты смеешь про меня хоть что-то языком поганым своим вякать? Сколько раз я тебя от компетентных органов отмазывал по доброте душевной? Ой, как зря!..

Тут полная рукопашная началась... Короче, к третьему вопросу они в тот день так и не перешли. Гниль их нутряная воздух так портила, что как нос ни затыкал – травился до печёнок. Чу-яли, куда ветерок задувает. Хоть времена были ещё не те, а палёным уже тянуло. Но тогда речь о шкуре своей шла. Потому и вопли, выворот наизнанку, пресмыкательство. А сейчас что? Ну, уволят в крайнем случае со службы. Ну и что в конце концов? Свет белый померкнет?

– Не скажи. Когда жрать нечего будет, никакой свет не спасёт. На свету ли, во тьме – нутро равно хавки требует... А что с этими деятелями потом стало?

– Да разное. Кого пятилетки через полторы в расход пустили. Кто перековался и правильную линию воспринял. Кто на дно лёд до тех пор, пока устои не дрогнули... А всё одно тухлятина загрузинная ни у кого никуда не улетучилась.

Одному из чудаков этих доверили городским издательством управлять. Быть, так сказать, в авангарде борьбы за нового человека. И что ты думаешь? Едва только в Отечественную фрицы к нашей округе придвинулись, бросил он хозяйство своё со всеми потрохами и подчинёнными. Подрапал куда глаза глядят. Где уж он отсиживался, один Бог ведает. Но потом, после перелома уже, явился, каялся. И надо сказать, как-то вывернулся. Из партии исключили, на исправработы направили. Ещё чего-то. Но не шлёпнули сучка. Он после всего заслуженным ветераном стал. Перед детишками по школам выступал. По телевизору мемуарничал. Некрологи во всех газетах были. Комедия очередная...

– Пойду я, сосед, свою комедию глядеть.

– Иди, посмейся. Меня-то уж ничем не рассмешишь...

47

Отчего нельзя просто жить? Не участвовать ни в каких кознях, комбинациях, сделках? Принимать то, что тебе даётся, не роптать и по мере возможности радоваться обрётённому? Тому, что тебе дано, а не вырвано тобой у кого бы то ни было. Отчего не ставить согласие с собой превыше всего? Чураться состязаний всяческих, турниров дурацких, кроссов на выносливость. «Мы ещё поглядим, кто быстрее умрёт...» Почему непременно нужно вносить свою лепту во всеобщий идиотизм, мериться, считаться? Подчинять всё на свете азарту опережения, расчёту на выигрыш, дотягиванью до приза. Зачем обязательно нужно толкаться, удерживать, знать реакцию? Предполагать ответ, не терять настороженности, быть готовым...

Почему нужно видеть в любом контакте инструмент? Может быть, именно из-за этого каждый шаг навстречу, невольное оттаивание, намечающаяся связь чреватые непониманием, размолвкой, драмой. И за приветствием следует навет, за рукопожатием – удар, за объятием – расплата. Всякая вовлечённость оборачивается пагубой и лишь непричастность – благом...

Сергей вспоминал времена, когда жил сам по себе. Прислушивался к настроениям своим, сиюминутным предпочтениям.

Увлекался, пробовал, разочаровывался. Втемяшилось, к примеру, что художничество – это то самое. Да ради бога! Кисть тебе в руку! Знай изводи себе холсты да картонки. Дерзай до чёртиков на поприще облюбленном... А гонор выдохся, кровь поухля, голова остыла – в сторонку отойди, перекури. Кто тебя попрекнёт? С какой стати? Никто тебе не указ. Как и ты – никому.

А там, в сторонке, в тени желанной вновь лови, к чему душа клонится. Различай свежее. После того, как превращение в живописца не состоялось, Сергей стал к бормотанию своему невольному прислушиваться, рифмы негаданные примечать. Тетрадку общую себе завёл. За вечер листок-другой исписывал. Выходило неуклюже, в меру мило и вполне в духе тогдашних молодёжных журналов. Сергея это расстраивало, но он довольно долго продолжал свои опыты. Ждал другого дыхания, что ли... Зато теперь, хоть и нечасто, но с любопытством и почти что радостью извлекал из залежей затёртую «толстущку» и листал с улыбочкой доброго снисхождения.

Переплетенье ветра и волос,
В улыбке затаившийся вопрос.
Лукавый вызов сомкнутого рта,
В иронию одетая мечта.

Послушай, друг, давай притормозим,
Ведь этот взгляд загадкою отмечен.
В угрюмой хляби среднерусских зим
Никак нельзя вот так транжирить встречи.

Ты сколько раз проскакивал, задев, –
Попробуй skinь свой маятный хомут.
А может, нет у нас насущней дел?
«Простите, девушка. Как вас зовут?»



Отшатнулись деревья от стен,
Выбираясь из сумрачной тени,
Оставляя в её темноте
Тех, что ствол искривить не хотели.

...И, спрятав в карманы ладони,
Мимо ржавых деревьев пройду,
Что стволы изогнули в поклоне
Для того, чтобы быть на виду.



Девочка с истфака универа.
Свет фонарный нервный и неверный.
Неприменно необыкновенный
Разговор. И острый взгляд мгновенный.
Ты сама как древнее сказанье –
Всё о том, а в общем-то об этом.
Что с того, что был обманом занят
Город, обессмерченный поэтом?
Я ж тебе ворота не открою
В издавна наученную Трюю.
Будет чудиться внутри пустое
Тело деревянного подарка...
Воздух на неведение настоен.
Поворот. Твой дом. Ворота. Арка.
Вот подъезд. Фонарь закрыт листвою.
Серых глаз недоумённый глянец...
Ну а в них – застывший пред тобою,
Плюнувший на рассказы троянец.



Свисают с веток палицы каштанов
В сугубо штатском городе степном.
И как огни татарских дымных станов
Костры вдали – оранжевым пятном.

Там жгут листву под осень год за годом.
И как в лихие гневные века
К полымени под строгим небосводом
Обугленной земле не привыкать.

Сквозь времена кроваво, языкато,
С языческой упрямой слепотой
Оно прорвалось к этому закату
Из ветреной предсмертной ночи той.

◆ ◆ ◆
Было? Не было? Чёрт его знает.
Правда сквозь времена не видна.
Только сказка волшебна как знамя,
Коль забыли, что сказка она.
Если грозен клинок из металла,
Что рудую под пашней лежит.
Если ложь бескорыстно восстала
Против неубывающей лжи.

◆ ◆ ◆
Проводи меня. Простучи
Каблучками прямой перрон.
В мире строгих простых причин
Беспричинно скрипит перо.
Беспричинно горит звезда
Над бессонным вокзалом, где
Беспричинные поезда
И огни в дождевой воде.
Тем бессильней знакомый взгляд
Сквозь случившуюся тьму,
Тем бессмысленнее звучат
Покаянные «почему».

◆ ◆ ◆
Свершая круг, прошли за годом год.
Немалый срок.
И не напрасный срок.
Приход к началу – вовсе не отход,
Исход вовсю исхоженных дорог.
И дорог, как реликтовая ветвь,
Средь пития и присного битья
Весь прежний мир, похожий на ответ,
На горькие вопросы бытия.
Ведь это возвращенье означало,
Что было чистым давнее начало.



Сухих тротуаров и сумерек первых тепло.
Вечерних огней не вполне различимые тени.
Упрям календарь – утверждает, что время пришло,
Что пышно и пошло назвали порою цветенья.
Но ветви пусты. Недоверчивым выдался год.
Природа неспешна в своих сокровенных наградах.
И почки черны. И всё кажется, словно вот-вот...
Но без новостей – ни порыва, ни ливня, ни града.
Ни кипельной замяти, мстительной сладкой беды.
Фонарных огней над брусчаткой всё чётче цепочки...
Но слишком похожи на мелкие в пепле плоды
Уродливо крупные перегоревшие почки.



По чёрным подъездам, где лампочки робко горят
И моют ступеньки по средам на счётной неделе,
Живут, укрываясь от нудных дождей октября,
Коты, что хозяевам прежним своим надоели.

Капризной походкой, в опальности чувствуя толк,
Проходят они, задевая друг друга усами.
Задумчиво-важно, зевая, глядят в потолок
И лезут на трубы при встрече с домашними псами.

А после горит раскалённая красная медь
Несомкнутых глаз на брезентовом коврикe тесном.
Вы их обойдите, чтоб часом носком не задеть
Тревожную гордость живущих по тёмным подъездам.



Солнце непричёсанное, злое
В узловатых пальцах белых скал.
И отмечен мёртвой метой зноя
Раскалённый голый перевал.

За плечами – сочный лес долины
И вдали – студёная вода.
Пыльный путь, а не полёт орлиный
По камням привёл меня сюда.

Чтобы здесь отчётливо и здраво
 У стены застывшего огня
 Получить томительное право
 Пить прохладу завтрашнего дня.



Тут не увидеть плодоносный пласт,
 И скудная неживотворна влага.
 И всё-таки из трещин проросла
 Трава, которой чужды эти блага.

Она на скалах выросла, вдали
 От жирной почвы – там, где только камень...
 Теперь уже и вправду не могли
 Топтать её тупыми башмаками.



Живу с оглядкою на жизнь.
 Твердят, что надо без оглядки.
 Но кем придуманы порядки,
 Учреждены все рубежи?

Кто наречёт моей виной
 Тот знак успеха-неуспеха,
 Что неотступен, точно эхо,
 И вечно будет надо мной?

Душа, к невидимому рвись,
 Не дай от брэнного согнуться,
 Но всё ж позволь мне оглянуться,
 Чтоб ясно видеть даль и высь.



Раз срываются – значит, подходит трамвай
 К остановке, что рядом у нас за углом.
 Так гуляешь себе, но, бегущих завидев едва,
 Вдруг кидаешься следом, как будто иначе – облом.

На ходу понимаешь – уехать сто лет как хотел...
Но чуть за угол – и безнадежно застыл...
Впереди – только граждане в их записной колготе,
А трамвай по инерции сам себе выдумал ты.



Идти и слушать звук своих шагов,
И тушеваться, сомневаясь в ритме,
И побеждать сомненья как врагов,
И погибать как гладиатор в Риме.

...Как бравый марш – спокойный громкий шаг.
Походка ли, дорога ль виновата,
Что этот звук для стольких заглушал
И ропот крон, и страшный гул набата?



Мне скулы обожжёт калёный ветер,
Ступни обступит жёсткая трава.
В тугую ночь вонзившейся комете
Отсалютует вежливый трамвай.

И от дуги, хвостатые и злые,
Вопьются искры в гулкий небосвод.
Тут на конечной заросли полыни
Который год.

Но, может быть, от этого трамвая,
Что в темноту сейчас меня завёз,
Окажется вдруг искра дуговая
Моей одной из падающих звёзд.

Бог мой! Какие трамваи? Они уж сто лет как в металлоломе...

Порой на Сергея находило. Он принимался всерьёз рассуждать, как жить дальше. Вечно так продолжаться не может, пора быт свой упорядочить. Жениться, по всей видимости. Осёдлость некую обрести. Какой-то скелет в планах своих обозначить, колею ощутить. Не то, чтоб как у людей, хотел. Просто иные возможности мрачноватыми представлялись.

Конечно, и этот вариант лучезарным отнюдь не казался. Сергей закрывал глаза и ясно видел тяжелотелую, большелицую матрону в махровом халате с полотенцем на голове. На щеках и подглазьях её лежал щедрый слой какой-то косметической болтушки, в глазах хозяйствовало тоска и недовольство. Украшенные увесистыми серьгами мочки едва не доставали до воротника. Она глядела на себя в зеркало, вздыхала, подкрашивала губы. От неё исходила смутная волна чего-то несбывшегося, царапающего душу.

Сергей видел, как она вставала, нехотя шла на кухню. Сдобные бёдра лениво колыхались под вяло разъезжающимся халатом. Им вторили арбузовидные груди, пышные бока, добрая подбородочная складка...

Будущая жена всегда грезилась в кустодиевском варианте. Не было только той безмятежности, радостной избыточности, света. Почему-то возникали картины излёта супружества. А может быть, и жизни. Вообще, если женщина у большинства традиционно связывалась очевидными ассоциативными нитями с рождением, то у Сергея всё обстояло с точностью до наоборот. Грузное, мохнаторукавое, медлительное существо сразу напоминало ему об окончании тернистого пути земного. Именно в таком облики небытие напоминало ему о своём ожидании. И спешить оправдывать его Сергей резона не находил...

Словно кто-то специально подсовывал Сергею выдержки из поздних, если не финальных, этапов гипотетического его брака. Фрагменты медового месяца отсутствовали упорно. Клокочущие на морском ветру волосы, юный южный загар, острые, в бисере морских брызг, плечи. Всё это оставалось за кадром его иногдашних наваждений. И поделаться с этим Сергей ничего не мог. Он здраво осознал всю карикатурность этого примитивного видеоряда. Но не умел стряхнуть впечатления, отделаться от осадка, выветрить пыльцу грядущего неуютя. И, прекрасно отдавая себе отчёт в непростительной детскости незваных своих комиксов, он всё же не желал жить с ощущением этой совсем не обязательной, но вполне возможной перспективы. Конечно, это было вовсе не единственным мотивом сохранения существующего положения вещей. Но образ крупногабаритной, готовой к истерике климактерички, из-за плеча которой подмигивала бездна, неизменно холодил сердце. Сергей даже полагал порой, что это чьё-то ему предупреждение. Тот случай, когда причины не объясняют, но дают понять. И следует поверить. Так будет лучше.

Отчего иные воспоминания обретают даже не власть, а способность жить своей жизнью? Независимой, причудливой, внезапной. Существовая в неких параллельных мирах, они наслаиваются порой на реальность, свидетельствуют о себе вскользь, сопутствуют без упрека и смысла. То ли эти фантомы прошлого невольно связывают времена, то ли сигнализируют об их равноправии. Они странно успокаивают, отодвигают тошнотворную текучку, гипнотизируют. И это вовсе не обязательно самые неизгладимые моменты, не жуткие катаклизмы, не мгновенья триумфа. А чаще ни к чему не обязывающие встречи, проходные деньки, пустые пейзажики. Самое что ни на есть обычное и не заслуживающее увековечивания. Но, по всей видимости, мы не уполномочены решать, что какой участи заслуживает...

Мирный склон летнего дня, речная зеленоватая рябь, послевоенные прибрежные развалюхи. Солнечный свет: мягкий, излётный, ласкающий. Головокружительная синева, редкое безветрие, тишь. Ощущение неведомо кем объявленного моратория на всяческие атмосферные капризы и прочие фортели небесной канцелярии. Подарочная пауза в ожиданиях, настороженностях, боевых готовностях. Краткая возможность подышать так, как желается, тем более когда на тебя глядят весело, недоверчиво, с подначкой. Тогда и желается куда как смелее...

Лёгкие шаги рядом, летучие приступы короткого смеха, остановки для показа в лицах. Поддразнивание неизвестности, запах приключения, шанс обретения. Игра интонациями, щедрость на загадывания, необязательность продолжения. Июнь, ранний вечер, безлюдье...

Ничего вехового, знакового, примечательного. Случайность, стечение, совпадение. Однако в случае не только сила непроявленная таится, но и жизнь будущая дремлет. Она потом пробуждается в тебе, и уже непонятно: где твои нынешние поползновения, а где его приснопамятные хмельящие соки...

Сергей несколько дней уже не звонил. Её звонков тоже не было.

Сергей ждал. Рассеянно копался в бумагах, машинально отвечал на вопросы, то и дело проверял пропущенные на мобильнике. Поминутно морщился от ощущения дыма внутри, нежелания взять со стола авторучку или повернуться на оклик. Ватные руки и ноги, ватная голова. Словно от недосыпа. А может, и от него тоже.

Зачем он её так дурачки и ребячески провоцировал? Впрочем, может ли быть правда провокацией? Наталья ничем не заслужила проверки на вшивость. Свинья он. Фома неверующий. Тварь...

А вдруг она среагирует? А что если заглочит крючок? А если позвонит, значит ли это, что она заинтересована в рисунках? А как он это поймёт?..

Нет, всё-таки редкостная ты скотина. У женщины муж погиб, прежняя жизнь рухнула. Она в ауте, помрачении, тихой истерике. А ты со своими идиотскими подозрениями, прикидками, измышлениями. Крыша твоя и в самом деле на отлёте. Отвык Бога стыдиться...

Ох, и идеалист ты! Кому все эти внутренние поёживания нынче интересны? Нет человека – нет проблемы. И всё. Нужно уже думать о другом. Неужели другое – это?..

Нет, нельзя так раскачивать себя изнутри. Запросто горя черпанёшь. А там и ко дну недолго... И будет вовсе не до того. Если вообще что-то будет.

51

Мартовская жижа фатально зачерпывалась ботинком. Без вариантов – как ни старайся. В ежедневном порядке – что училкина взбучка. Правда, никто особо и не старался. Яростная перестрелка колючими снежками, трусца вдоль проталин вслед за уплывающими спичками, обманчивый тонкий ледок на лужицах. Да мало ли причин и обстоятельств! И потому домой Сергей добирался мокрый и грязный по колено.

– Ну, где можно так угваздаться?! – в очередной раз выдыхала мама, молча брала ранец и прямиком отправляла Сергея в ванну. Он долго чистился, отогревался в тёплой воде, растирался махровым полотенцем. Потом нырял в свою комнату, переодевался и бочком выходил к гостям.

– Вот, наконец, и подрастающее поколение подросло, – громко и объявлял отец, – усаживайся, покрепись. Гранит науки калорий требует. Что так поздно?

– Да шесть уроков...

Гости у родителей собирались часто. Особенно много их набивалось по межсезонному ненастью. Было душно, шумно, весело. Народ приходил после работы голодный, слегка взвинченный, охочий до чудачеств. На стол выставлялись циклопическая миска с винегретом, сковородка с дюжинноглазой яичницей, консервная килька в томате. Бутылки приносили с собой – по

своему вкусу и карману. Усаживались без церемоний – к плечу плечом: иначе не поместиться.

После второй кто-нибудь из бородачей в свитерах заводил разговор о свежих зарубежных публикациях, теперешнем авангардизме. Кто-то рассказывал о том, как удалось побывать на квартирной выставке, положим, в Питере. Знаете чьей?.. И все, услышав фамилию, раскрывали рты...

Спорили о колорите, линии, перспективе. Что являлось камнем преткновения, объяснить было затруднительно. Но говорили обильно, срывались на повышенные тона. Изредка даже вскакивали, покрикивали, по-итальянски жестикулировали. Недоумевали искренне, возмущались по-детски, обижались по-взрослому. Сергею смотреть на эти баталии было по приходу страшно интересно, а по мере накала страстей как-то и неудобно: не для его глазёнок этакое коллизии. И он отворачивался к окну. В нём грязноснежные, изрытые проталинами улицы спускались к реке. Сама она за россыпью невысоких в дождевых потёках строений была не видна. Но Сергей знал, что лёд её ещё сплошной. И самое интересное время ещё впереди.

– Все эти интеллигентские заморочки – как телеге пятое колесо. У нас, по крайней мере, – сокрушался очередной очкарик, глядя в тарелку. – Вот я, к примеру, электронщик. Оттарабанил как попка в своём КБ девять часов с перерывом, с домочадцами погавкался, на зуб что бог послал кинул – и твори свои теории да нетленки хоть до самого утра. «Землю попашет, попишет стихи». Принцип что надо! Сам вскорости попригаснешь: здоровье подсядет. А не попригаснешь – сделают вид, что ничего такого ты и не сотворил. Не заметят. А заметят, так тобой органы соответствующие заинтересуются. Самодеятельных творцов у нас замечать не положено. А бросишь своё КБ, чтоб в самодеятельные не записывали – по миру отправишься. На какие шиши оглоедов домашних кормить?

Всё к тому, чтоб претензии уничтожить как класс. К чему нам претензия? Нам надобна функция! А всё остальное от лукавого и во вред...

Нужно вовремя изжить в себе функцию. Иначе функция похоронит тебя самого...

– А работать кто будет? – спрашивал вдруг некий прагматик.

Очкарик в сердцах махал рукой и доставал гитару. Пел о си-них озёрах, заснеженных сопках, туманных долинах. Сергей си-вно воочью видел бледные холодные рассветы, редкие таёжные просеки, огромные спасительные костры. Изменчивое солнце

переливалось в ледяной воде, смолистый дым навсегда уходил в сиреневое небо, настороженный зверь грозно таился в тёмном подлеске... Всё это представляло искушающе зримо, притягивало первобытной суровостью, упрямо звало самому приобщиться к этому властному миру иных красок и законов.

Может быть, именно поэтому Сергей по первости и кисточку в руку взял, и в худшколу стал похаживать, и в училище потом перебрался. А там стал всё больше ощущать, что живёт он совсем в другом мире. И впредь жить ему придётся именно здесь. И нельзя всю эту жизнь провести в заворожённости детской. Оттого работалось ему всё больше через силу. Не писалось. А потом он и вовсе все свои художнические причиндалы засунул куда-то на антресоли. К чему себя изводить? Путного из этого ничего не выйдет. А на площади втирать свои поделки зевакам – это не про него. Жизнь должна быть жизнью...

Когда гитара откладывалась в сторону, шли рассказы о том, кто эти песни сочинил. Как пересекались, выпивали, планы обещали строили. Как он курил, улыбался, матерился. Какой человек! Царствие ему небесное... Да вы сами в курсе!

Народ благоговейно кивал головами, вздыхал, тянулся к бутылкам. Говорил, что встречи такие дорогого стоят. Словно токками какими подпитываешься. А от чего ещё нынче подпитываться? Днём с огнём...

52

– Я со знаменитыми фамилиями не яхшался. И во флёр их не кутался, – вместо здоровканья сообщил Игнатьев, – мне их пена нутряная ни к чему. Мне народные соки питанием были. Народ блестяком ведь обольщается только. А соки у него свои. Тёмные такие соки. А с чего им светлыми быть? Насколько вглубь ни глянь – всё горбатился, бедный, до смертного одра. Веками одна песня. Положа руку на сердце, ни черта хорошего в жизни у него испокон не было. Нищета с колыбели, грязь непролазная, мерзость неотступная. Я на то и молодость свою незабвенную, и силы все положил, чтоб хребет несправедливости этой переломить. А она и нынче живее всех живых. И куда как пуще прежнего. А народ всё вовсе не вымирает, телепается как умеет, шебуршится по мере здоровья. А персоны блестящие ему для отвлечения надобны. В очаровании себя превозмочь легче. Но сами личности эти к трудовому слою отношения не имеют. Некоторые – по происхождению только. Но как масть попёрла, они родство своё засунули знаешь куда... Подальше, подальше стать норовили. Чтоб

жизнь иную не упустить, чтоб забыть истоки свои к чёртовой матери. Умиляться ведь ими только в дурдоме можно... Отдельность дорого иным обошлась. Это уж как кому повезло...

Нет, напоказ связь свою подчёркивать любили. Хоть до войны, хоть после. Отец – батрак, мать – уборщица и так далее... Всё равно, что теперь инженер-учительница. Только подчёркивание это сразу истинную пропасть очерчивало. Отец у тебя батрак, а сам-то ты вспомни, кто. Ежели рядом вас поставить – только две руки-две ноги похожим окажется... Молчали б лучше, легенду свою без представлений соблюдали.

– Это редкий дар – легенду свою соблюдать, – вставил, наконец, Сергей, – много ты от деятелей наших хочешь.

– Точно. Потому и культура у нас такая. Что тогда рапповские недоумки. Догрызлись, развалили всё к ядре фене. Что теперь патриоты-либералы. Морды друг другу бить уж и сил нема. Все от усердия на дерьмо изошли. А дела всё не прибавляется. А всё потому, что идеей до глубины сердца проникаться надо. А не приплясывать вокруг да правильности выкрикивать...

– Да ты, Игнатьев, знатный государственный. Широко на вещи смотреть научился. Теперь бы ты попёр...

– Прёт тот, кому прёт. А не кто понимает... Не так разве?.. Я не дюже жалею, что зреньце ни к чёрту. Смотреть нынче не на что. Так что к нашей медицине претензий нет.

53

– Ты меня правда по-настоящему любишь?

В первое мгновенье Сергей не узнал её голоса. Он звучал сдавленно, глухо, отстранённо. Когда она волновалась – говорила ровно, почти бесстрастно. Но нынче тембр был другим, искусственным, предательским. Или Сергей настолько отвык за дни её молчания?

– Да, – подумав, ответил он.

Наталья говорила о том, что видеть никого не хотела. Думала, что правильным будет побыть одной. Но это полной чушью оказалось. Просто невыносимо сидеть и тупо смотреть в стену. И знать, что и завтра она сядет на этот же стул, уставится на ту стенку. И также часами не сможет пошевелиться. А зачем? Никакого ответа не видится. Это ужас полный. Так больше нельзя. Это кончится катастрофой.

Обязательно нужно увидеться. О многом-многом поговорить. Посмотреть друг другу в глаза. Не всё же на стену пялиться...

Сергей отвечал, что непременно нужно. Ему непонятно, что

происходит. Этого быть не должно. Это нонсенс, абсурд, безумие. Увидимся, конечно. Вот только чуть-чуть с делами подрастутся...

А что у него за дела такие неотложные? Сергей и себе внятно объяснить не мог. Он и в самом деле обрадовался звонку. Хотел выпалить в трубку кучу глупостей. Но почему-то не смог. Бог его знает, что остановило...

Клял себя потом на чём свет стоит. Человеческая вообще эта выходка? Да со всех ног бежать нужно...

А куда бежать? Не на капкан ли звериный? На него загоняют грамотно...

Но разве не было у них случайной встречи, июньского неба, видения общего? Не было их друг у друга всё это время? Долго-долго – если оглянуться. Разве таким поступаются?..

Он должен сделать свой шаг навстречу. Должен же хоть кто-то оставаться в своём уме. Пусть и потрёпанном по полной программе.

54

Выгнутая спина, напряжённые ягодицы, узкое бедро. Она поворачивается, и возникают оформленная мишень левой груди, плоский тренированный живот, чёрный треугольник лобка. Тупоугольный, массивный, рельефный. Бросалось в глаза несоответствие его всей фигуре – лёгкой, поджарой, подростковой. Диспропорция эта делала лежащую незнакомой, тревожно новой, почти чужой.

Сергей в туманной юности ещё заметил, что женщина в мирской одежде – нечто совсем иное, нежели без оной. Взору являются совсем не только пленительные выпуклости, манящие выемки или досадные избытки. Открывается некая прежде недоступная сущность, доселе в буквальном смысле скрытая под покровами. И словосочетание «обнажённая натура» куда более многозначно, чем считается. Совсем не только в угоду сексуальным порывам, культовым канонам или религиозным установкам с незапамятных времён ваятели и живописцы тянулись к этому объекту вдохновения. В обнажении они улавливали преображение. Оно предвосхищало преображение творческое. И само являлось творчеством.

Раздеваясь, женщина не понимает, что это значит. Точнее – неверно понимает. В последнюю очередь она думает о своей новой ипостаси как о произведении. А между тем, энергия творчества – уже в ней. Тёмное, влажное лоно, первобытная шерсть подмышек, родовая воронка пупка. Это уже вовсе не рутинная

обыденность. Это не сиюминутное. Это обладает редким свойством врезаться в память. Нетленка этакая.

Почему все эти пышноформные красавицы на кушетках или стыдливые купальщицы у разного рода водоёмов так притягивают глазающих? Дело не только в похотливом любопытстве. Сюда заложен импульс двойного преобразования. Претворение в художественный продукт уже преображённого чревата много более сильным эффектом в сравнении с замыслом. Если только не понимать всё заранее. А кому дано понять?..

Потом её обняла рука невидимого спутника. Она встрепенулась, вытянулась как струна. Рот приоткрылся, дыхание стало частым, веки сомкнулись. Она задрожала, прильнула к подушке...

Неужели этот ролик пустился в самовольное плавание по не предполагаемым зрителям? И попал как нарочно по самому ненужному адресу. Или и вправду нарочно? Зачем? При желании объяснить можно. А чего нельзя объяснить при желании?

55

Сергей даже в ладоши захлопал. Вот это новость! В коридорах давно уже про это трепались, но всерьёз не верил никто. Слишком уж экзотической затея представлялась. Но замыслы свои администрация воплощала с завидным упорством. И это мероприятие исключением не стало. Bravo, да и только!

Речь шла о поездке на этюды. Не просто о поездке, а о настоящем путешествии, хождении за сотни вёрст, бог знает куда. В края болотистые и неласковые. Когда ещё туда попадёшь? Разве только по путёвке нарсуда...

Сокурсники восприняли это известие вяло. Некоторые даже морщились. Если бы практика была в городе, отлынить от неё можно запросто. Справку где-нибудь раздобыть, что здоровье пошатнулось не на шутку. Причину экстренного отъезда к родственникам сочинить. Взрыв бытового газа в квартире описать красочно... Воображение надо иметь. А всё остальное приложится.

Сергей их не понимал. Сидеть по норам да квасить и во время учебного года можно. Воплощать задумки свои, если таковые имелись – тоже. А если вообще влом от дивана задницу отрывать – зачем тогда и в училище таскаться? Сопи себе брюхом кверху да провиантом по часам заправляйся.

Впрочем, особо никого и не уговаривали. Поездка – мероприятие затратное. А лишних денег в училище не было. Удивительно, что и это наскребли!

Трое суток в поезде промелькнули на одном дыхании. Ни дня

ни ночи не различали. Засыпали, когда уже не было сил, а когда просыпались – всё шло по новой. Хрип под раздолбанную гитару, смехуёчки нескончаемые, водочка невзначай. В плацкартную клетушку набивалось человек по пятнадцать. С верхних полок свешивались взъерошенные головы, от одного бутерброда откусывали разные рты, несколько ступней одновременно пытались проникнуть в один ботинок. Было тесно, потно и бездумно. Не хотелось давать разыгрываться тревожному ветерку предвкушения. Незвестность – она всегда не только влечёт, но и страшит. Какой бы радостной перспектива не предполагалась...

Местность оказалась лесистой, сумрачной, болотистой. Коренастые тёмнобокие избы беспорядочно разбредались по округе. В узких лесных прогалах тускло поблёскивали озера. Редкие просёлки лениво извивались в подлеске. Жизненным пространством местных жителей никто не стеснял, и потому строения располагались на немыслимом расстоянии друг от друга. Жили обособленно, но не отгораживаясь. Ездили на тяжёлых мотоциклетах с люльками, здоровкались исправно, силло перекрикивая мотор. В основном занимались всякой всячиной вокруг жилища. Копали, прибывали, чинили. Встречались нос к носу чаще в селпо, в центре посёлка, если можно так именовать сию обитаемую территорию. Разговаривали скупно, сетуя на то и на сё, не гоготали и голоса не повышали. Излишества в общении не приветствовались. Да и длилось оно недолго, минутами. Потом расходились по хозяйственным своим делам, чтоб снова увидеться бог весть когда.

Практикантов поселили в барачного типа помещении с худой крышей. Постройка вросла в землю. В комнатах было сыро, по углам проступала плесень. По всему виделось, что последние обитатели ушли из-под этого крова давным-давно. И сооружение это годами уже не числилось жилым. Вновь прибывшие явно рисковали подхватить в лучшем случае простуду, но временным бытом не смущались и держались бодрячком. Влажный стылый воздух только обострял путешественнические настроения. Сходил за непременный атрибут, за форму испытания, за весть из страшноватого прошлого. Что было в бараке этом десятилетний несколько тому?

С утра под чутким руководством препов проводили рекогносцировку на местности. Распределяли, кто какую позицию для работы займёт. Многим нравилось одно и то же. И тогда поругивались, спорили, устанавливали очерёдность на последующие дни. Все окрестные пригорки до обеда оккупировались волосатиками с карандашами и красками, худолицыми кашляю-

щими девицами, вдохновенными надзирателями в мэтровских беретах. Округа меняла своё настроение, делалась неожиданно пёстрой, странноватой, чуть ли не праздничной. Словно участвовала в ежедневном, неизвестно кем объявленном карнавале. И, сама себе удивляясь, исподволь яснала, добрела, веселела.

Сергей всегда работал один. В этом плане компаньонов не любил. Разговорчики дурацкие, перекуры, подглядывания. К чему токи свои на мутату тратить? Их и так негусто. Сергей придирчиво оглядывался. Менял ракурсы, перемещался от дерева к дереву. Ловил, наконец, стоп-кадр, раскладывал немудрёные свои причиндалы, без суеты приступал. На листе появлялись почти бескрайняя, до неузнаваемости расширенная воображением озёрная поверхность, не произрастающие в этих местах кедр, придуманные дымы мнимых костров. Сергею слышалось дребезжанье расстроенной геологической шестиструнки, чудились заросшие бородачи в потёртых штормовках, грезился запах солярки их вездеходов. Лес преображался, горизонт отодвигался, небо делалось выше. Оживали родительские тесные застолья, разомлевшие до мечтательности гости, манящие пронзительные песенки... Снежные шапки сопок, долгожданные снижающиеся вертолёты, ледяные малиновые рассветы. Существовали они когда-нибудь наяву? Или тоже срисовывались в незамысловатые куплеты с чего-то совсем иного?.. Впрочем, какая разница? То иное давно поистёрлось, забылось, исчезло. А нарисованное живёт себе да глупые души смущает...

А препы хвалили. За поиск, за фантазию, за неформальный подход. Отмечали композиционную смелость, лирическую дерзость, желание привнести. Сергей благодарно улыбался, но насколько не обольщался. Перед самим собой-то к чему лукавить?..

После спартанской полуденной трапезы Сергей брал старый фотик-мыльницу и отправлялся бродить по окрестностям. Пути-дороги не намечал, следовал своей прихоти да внезапным капризам полузаросших тропок. Сплошь и рядом они вели в никуда, гасли в кустарнике, растворялись в ложбинах. Но порой выныривали вдруг к просторным разнотравным полянам, озёрным берегам, живописным кручам. Сергей останавливался, любовался, щёлкал на память. Дикие мрачноватые пейзажи так и просились на плёнку. Жестокая их первозданность, глухая самостоятельность, угрожающая молчаливость очаровывали, пугали, врезались в память. Сергей фиксировал в себе эти новые ощущения заворожённо, методично, с леденящим азартом. Происходило с ним что-то не слишком явное, но ранее не бывалое и

бог вещь отчего важное. Словно кровь по непонятной причине слегка меняла свою температуру и, остывшая, озадачивала, тяжелила, цепенила. И оттого незнойные эти места становились очевидней, ощутимей, родней. Будто они вовсе и не были новостью, а лишь проявлялись исподволь в тёмных недрах кем-то переданной по наследству памяти. Именно эти дальние лесные углы, а не выделенные в соответствии с учебным планом утренние пленэрные позиции, куда – как ни дичись – доплёскивались суета, словесная бестолковщина, вынужденность откликаться. Где так и влекло в чужие мечтания назло собственным сиюминутным впечатлениям. И на листе к полудню неизбежно оформлялось бог знает что...

Однако иной раз послеобеденные хождения преподносили неожиданности. Однажды вышел напрямик на медведя и, не успев испугаться, запечатлел его невозмутимую морду. Пофартило, что топтыгин пребывал в благостном настроении! А то практика, глядишь, и досрочно бы завершилась...

Буквально на следующий день Сергей заплутал на болоте. Петляла тропка, пряталась в зарослях, а потом и вовсе исчезла. Сергей оглянулся – а её и не угадывается вовсе. Будто и не было. Вот и следуй путям-дорогам! Побрёл Сергей обратно наугад. И куда не тыркнется – всюду ступня в топь уходит. Ни в сторону не свернёшь, ни прямо не двинёшься – того и гляди, по уши увязнешь навеки. Пот холодный так и выстрелил... Если б до дерева рухнувшего не дотянулся – поминай как звали...

Был ещё один случай. Шёл он как-то не глядя, думал себе про всякое разное. Зарассуждался сам с собою о том о сём. Замечтался, забылся. И занесло его, ясное дело, непонятно куда. Блуждал он по буеракам заросшим чуть не до сумерек, пока не узрел поблизости десятка два небольших домиков. Из потемневших досок, типового кроя, они беспорядочно, под углом друг к другу грудились на тесной поляне. Сергей нерешительно направился к ним. Подойдя ближе, он рассмотрел, что строеница эти совсем квёлые, летние, покосившиеся от ненастья и от времени. Иссохшие доски топырились, выгибались, вытягивали за собой ржавые гвозди. В пыльных оконцах было черно, убогие выселки эти казались необитаемыми. Сергей несколько минут ходил меж домишками, пытаясь разглядеть сквозь многомесячную грязь их недра. Но различить так ничего и не мог. Заматеревшие травяные стебли едва не дотягивались до крыш, накренившиеся дверные косяки глубоко увязали в древесной трухе, обширные лужи сонно отдавали зеленью. Пахло сыростью, полынью, гни-

лю. Какие-то невидимые птицы глухо переговаривались в кронах. Сергей обошёл вокруг, походил по собственным следам, поозирался... И совсем было собрался двигаться дальше, как вдруг увидел у крайнего строения нескольких смурных мужичков. Худые, с черноватыми лицами, они были похожи друг на друга и даже почти одинаково одеты. В тёмные, выдавшие виды спецовки и кепки. Они сидели на корточках и молча курили. Сергея они заметили, но, казалось, не обратили на него никакого внимания. На его вежливое здоровканье не ответили. Сергей чуть помолчал и осведомился:

– А к посёлку – это куда? Не подскажите?

– Это смотря к какому... – нехотя процедил один из мужичков.

– Да он тут в округе вроде один...

– Ну, не скажи. В один приходи – не хочу, а в другой – не хочу, а приходи. Лет на несколько. Тебя, правда, туда не пустят, хоть обстучись. Даром, что тут рукой подать. Но туда – только по приглашению...

– Да нет, мне не туда.

– Ну и слава богу.

– А куда ж тогда?...

– А туда, откуда пришёл.

– Да если б я помнил, откуда...

– Ладно, – сжалился другой из сидевших, – ты вон из-за того угла вывернулся? Так вот: также и обратно, потом до леса и влево. Там стёжку найдёшь. И по ней. Через часок ходу сообразишь, что к чему.

– Спасибо... – отозвался Сергей, раздумывая. И решил: – А можно с вами сфотографироваться? На память. Я издалека приехал. Хочу здешний колорит запечатлеть.

– Да, колорита тут хоть отбавляй. Только ты, пацан, не по адресу обращаешься. Ни к чему это.

– Почему?

– Не люблю, – коротко пояснил корточник. И, распахнув на груди спецовку, добавил: – Он тоже не любил.

На желтоватой, поросшей сивой растительностью коже красовался фиолетовый Ленин в кепке. Он, хитро прищурясь, улыбался.

– Почему?

– Ну, не любит наш брат на память физии свои раздаривать. Боком подарочек такой выйти может. Дарителю. Щедрость, она удавкой запросто оборачивается... Понял?

– Если честно, не совсем...

– Значит, потом поймёшь. Но запомни, двойники фоточные или киношные до добра не доводят. Ежели тебя умножили, значит, из тебя же потом и вычтут. Всё ведь равновеситься должно. В школе, небось, проходил? А коли вычесть из тебя нечего, сам в расход пойдёшь. С мозгами своими куриными и мерихлюндиями сопливыми. Так что не играйся за здорово живёшь. Глядишь, тогда и проживёшь здорово...

– Ну, как хотите.

– Я своё отхотел. Я знаю.

– Я пошёл?

– Иди-иди. Только тропку не потеряй. А то никто больше не подскажет. Ёлки да сосёнки давненько языки прикусили. Места у нас тут молчаливые.

56

– Алло. Добрый день, Сергей. Позвольте по старой памяти вас так именовать? Без церемоний.

Вас беспокоит Илья Ильич. Помните такого? В самом деле? Замечательно. Хочу сообщить, что вы мне со времени нашего личного общения симпатичны. Хоть подтверждать это встречами не получалось, но сие чистая правда. Да и может ли у такой головокружительной девушки как Наталья – я её старинный платонический воздыхатель – ближайший друг быть несимпатичным? Это немислимо.

Нет, я теперь не в училище. Зарплата, сами знаете... Да и поколение наше подрастающее, прямо говоря, давно радовать перестало. Почему? А потому что у поколения этого нет чувства цели. И оттого оно концентрируется на средствах. Хаты, тачки, дачки. Прикиды, тусовки, заграники. В результате средства и становятся целью. Эффект этакого броского цветка, которому заказано воплотиться в плод. Будь я сочинителем, непременно написал бы об этом. Легко, демократично, с юморком. А что? Востребованная нынче манера. Можно надеяться на разумный гонорарец в каком-нибудь заштатном издательстве. В соавторы не пойдёте? Вы ведь человек не без способностей. Так что подумайте...

Где я на сегодняшний день? В одной очень достойной структуре. Вы же понимаете, что в нашей стране единственный способ выжить – не спиться или по-иному как-то с катушек не сойти – это отказываться от жизни. В пользу работы. Вот я и работаю. По профилю. Красками? И ими тоже занимаюсь. На разных направлениях тружусь. И, честно говоря, весьма заинтересован в результатах своего труда... Если хотите, нашёл себя.

Да что мы всё обо мне? Вы-то как? Впрочем, долго можете и не рассказывать. Признаюсь, так складывается, что я и сам немало о вас знаю. Знаю даже, что у вас есть подлинники Верева. И не отпирайтесь, я знаю наверняка. У вас губа не дура. В нашей структуре уважают истинных ценителей. И потому мы готовы дать настоящую цену. Понимаете, настоящую...

– Понимаю, – ответил Сергей и положил трубку.

57

– Ну, не дуйтесь, молодой человек, – примирительно растянул Илья Ильич, когда Наталья отправилась на кухню ставить чайник, – вы не курите? Вот и чудесно. Тогда прошу на балкон никотинчиком заправиться.

Они расположились в плетёных креслах, покрытых циновками. Илья Ильич извлёк из шкафчика портсигар с инкрустацией, торжественно предложил неведомые Сергею тонкие сигареты с длинным фильтром, щёлкнул зажигалкой, неотличимой от колты времён освоения дикого Запада.

– Я вижу, что невольно задеваю ваши чувства. Но, ей-богу, не взыщите. Я ведь человек эмпиреев. Мне простительно. Таким – ох, как нелегко в определённых нам рамках. А ещё я сибарит. Так что – гремучая смесь...

Восхищаться прекрасным для меня совершенно естественно. Свежая краска, невиданная картина, ошеломляющая женщина... Почему я должен гасить свою сердечную искру от всего этого? В мире не так много предметов, достойных неподдельного восторга. И ваша обворожительная спутница, а моя чрезвычайно способная ученица, конечно, из их числа. И этому, дорогой мой, можно только радоваться. А подлинная радость – чувство внекорыстное. И претензии мои на иное существуют только в вашем слегка помрачённом от близости такой девушки сознании. Притом угрюмство и кровожадность делают вас смешным... Не будьте ребёнком.

Конечно, я склонен к некоторым экстравагантностям. Но они жизнь прежде всего мне самому осложняют. Несоответствие стандартам, сами понимаете, не прощается. К тому же необычность и широта интересов требуют известных финансовых затрат... В общем, все мои чудачества – это крест, а не прихоть. Так что прошу постараться сочувствовать. Кстати, вы не замечали, что это для себя же продуктивнее? Да, я безнадёжный идеалист...

Тем не менее небо коптит начал пораньше вашего. А потому хорошо знаю, что делать большие перерывы в еде крайне

вредно. Аппетит пропадёт. А его не купишь. В этой связи позвольте дать пару советов. Отчасти гастрономических. Ешьте всё подряд. Не вертите носом и не кривитесь. Научитесь всё переваривать – дольше проживёте. И второе. Руки перед едой не мойте. Иммунитет к мерзости разной тренируйте. А болеть не будете – веселее проживёте. А ежели долго и весело – чего ещё и желать.

Но кто у нас советы слушает? Признайтесь, вы ведь тоже только вид делаете. Впрочем, воспитание – это уже немало. Вы мне и в самом деле всё более нравитесь. С вами не утомительно беседовать. А потому – к столу...

58

Обычно это происходило по воскресеньям. Сергей не торопясь складывал в огромную спортивную сумку всё необходимое. Простыню, полотенце, вьетнамки. Войлочную шапку и войлочную подстилку. Гель для душа, станки для бритвы, кремы на все случаи жизни. Всякий раз он стремился ничего не упустить. Но что-то обязательно забывал. И всерьёз радовался потом, если забытая штука оказывалась не ахти какой важной. И неизменный ритуал оттого не слишком страдал.

Из дому он выходил не спеша и чапал по утренним улицам с удовольствием и предвкушением. Заворачивал в продуктовые магазинчики. Смотрел на соки, квас, минералку. Но брал редко. В процессе обычно не пил ничего. Лучше перетерпеть. Лучше потом.

Веники он тоже не брал. Хотя чуть ли не за квартал уже попадались вертлявые пенсионеры с берёзовыми и дубовыми иссохшими ветками, туго скрученными бечёвкой. Пожилые коммерсанты бодро высказывали навстречу, настырно нахваливали свой товар, хватали за рукав. Сергей сочувственно кивал, но руку отдёргивал и решительно шёл дальше. Невольно думалось о старости. Денег не будет ни черта – придётся тоже примерно так где-нибудь приплясывать и за ради бога копейки вытягивать. На краю могилы весело пляшется. Пламя адское пятки прижигает. Потому хочешь – не хочешь – выкидывай коленца. Прыгай, не ленись, чтоб земли поменьше касаться. А то затянет...

Вообще страшно трудно одновременно и помнить о том, что будет, и жить тем, что есть. Почти невозможно в себе соединять. Редкий дар нужен. А так – либо пофигистом алкашествоющим влачиться, либо кутёнком слепым шуршать. Пока среднее выведи! А жизнь заставляет. И не денешься никуда.

Сергей вспоминал о том, что его ждёт через четверть часа, сладко вдыхал ласковый ветерок и убыстрял шаг. Нужно, нужно себе самому время от времени призы организовывать. За беготню, дёрганья, будни муторные. Иначе организм забастует. Ведь не будет, скажем, медведь на цирковой арене выёживаться, если его сахарком за это не побалуют. В лучшем случае пошлёт дрессировщика. А в худшем... Вот сердчишко твоё или башка тоже не поймут, если их на голодном пайке оставишь. Им сладкое через два дня на третий по природе самой причитается. И если в этом плане жаться будешь – получишь по полной программе. На аптеку как нанятый работать станешь. Таких пруд пруди. Далеко ходить без надобности.

Вот сегодня – и есть такой адресованный себе подарочек. Сосуды да нервы задабривающий, чтоб не бунтовали. Для того ничего лучше и не придумать.

Сергей радостно толкал тяжёлую дверь, дружески здоровкался с кассиршей, с наслаждением втягивал в себя влажный, пахнувший прелой листвой воздух. Завсегдатаи хлопали его по плечу, выспрашивали про жизнь, бестолково похихивали. Договаривались, чтоб вместе просушить, проветрили. Чтoб не в поту чужом сживать, а свежим паром лакомиться. Это, конечно, времени требует. Не все понимают. Возмущаются, что ждать приходится. Но потом первые же спасибо говорят.

Метёлка уборщицкая, тряпка из мешковины, швабра. Шутки-прибаутки, препиранья дурацкие, подколки. Форточка настежь, простыня над головой вертолётom – и уже ноздри щекочет весело, кожу воспаляет ровно, лёгкие расправляет жарко. Теперь главное – поддать правильно. Черпачком по чуть-чуть зачерпывать да кидать почаще. Но с умом, прицельно, по углам печки. Там каленья больше. Потом выждать ещё чуток. А тогда уж и всю братву запускать можно. Пусть рассаживаются рядком и замирают послушно. Тогда мяту с эвкалиптом – на веничек. И зажмурьте гляделки, ребята! Желанный островатый запах взлетает на горячих каплях под потолок, дотягивается до страждущих тел, проникает в раскрывающиеся поры. Посидите пару минут тихо. Подышите. Прелесть растительную раскушайте. Блаженство ведь редкостное!.. А уж потом хлестайтесь сколько влезет. Не жалейте чресла свои бранные. Им, натруженным, только во благо выйdet.

Сладко потом сидеть на лавочке в простыне, калякать со знакомцами шапочными про житьё-бытьё. Что-то этого давно не видно, и тот долго носа не кажет. Кто неделю-другую, а кто и год

почти что. Дисциплина, мужики, хромает на обе. Кнута на вас нет. Совсем нюх, олухи царя небесного, потеряли.

«Это который зверобой с малиной и вишнёвыми листьями заваривал? – спрашивал кто-то рядом. – Да помер он. Уже, дай бог, сколько времечка тому...»; «И который безбашенной поддачей своей весь народ на пол укладывал – кажись, тоже...»; «Правда, что ль? Ни фига себе...»; «Да долго ли...».

Сергей очухивался от неги, глядел осоловело на сообщавшего и не спрашивал ничего. Огорошивающее несоответствие занимало его в те минуты. Несравнимая значимость такого события как смерть и будничное, будто умышленно приземлённое её явление. С мокротой, испражнениями под себя, вонью неистребимой. И следом – слабая о том весть. Случайно, дуриком залетающая в гыгыкающий предбанник. Отзвук, ветерок гортанный, краткое колебание воздуха. А потом и ничего вовсе. Неужели смерть неотвратимо заслуживает забвения? Или успение – всего лишь один из его инструментов? И прекращение жизни теряет всякий смысл вне разрушения памяти о ней. И потому в таком варианте в природе не существует.

Сергей одёргивал себя, задумчиво брёл к посадочному месту, скидывал простынку. Он не любил длинных пауз между заходами. Организм нагрузочки требует, чтоб потом расслабиться во всю сласть. А если темп не блюсти, то и сласти той не получишь. Тело своё глупое трудить нужно. По трудам, как водится, и воздастся. Сергей смазывал физиономию, плечи, бока припасённым кефиром (кожа после парной как бархат – сам изобрёл). Нахлобучивал колпак, шумно выдыхал и устремлялся в сырой накалённый сумрак.

А после самоистязания снова сидел, умиротворённый, в раздевалке и неторопливо беседовал о здоровье с соседями. «Мне болеть нельзя, – разглагольствовал кто-нибудь в пространство, – у меня дети, на ноги не поставленные (или внуки неразумные, или жена молодая, или ещё что-либо безвыходное)». И кивал головой, потакая себе и утверждаясь во мнении.

«Все так говорят, – думал Сергей, – а потом болеют и как миленькие помирают». Затем Сергей вспоминал, что здесь не место тяготить себя думами, и пытался наслаждаться моментом. Вытягивал ноги, зажмурился, свешивал голову. Мысленно переносился прочь. К положим дюнам, холодному морю, дымным харчевням. Бог весть куда.

Не всегда это получалось. Не катили как-то перелёты мысленные. Не шли путешествия мнимые. Не вырисовывались

побережья желанные. «Ежели не в жилу, то и нечего себя изводить, – заключал Сергей, – заниматься надо тем, что катит. Если душа не соглашается, толку не будет. А если против неё идти, столько сил на достижение согласия этого потратишь, что для самой задумки и не останется ничего. Так что зорко ловить движения душевные нужно да подыгрывать ей вовремя. А то износишь себя на переговорах внутренних, да так ни до чего и не дотянешься».

Сергей шёл в душевую, тщательно намыливался, нещадно наждачил кожу мочалкой. Тело отзывалось, оживало, пылало. Мыльные пузыри, радужно переливаясь, парили вокруг. Подымались к потолку, медлили, исчезали. Они были неисчислимы, похожи друг на друга, завораживающи. Всё новые и новые появлялись, отдалялись, лопались. Сергей думал о том, что настоящее столь же полномочно, как и прошлое. И на теперешнее тоже можно и нужно порой полагаться. Только минувшее вооружено. Внезапным ножом ностальгии, избирательным фильтром времени, норовом памяти лукавой. Да мало ли ещё чем? А настоящее безоружно. Голо, натурально, само себе равно. Как смурной человек под общим душем. С остатками пены, краткими гримасками, анатомическими подробностями. Без одёжки, парфюма, причёски. А потому, как и он, уязвимо. Неприятно взгляду, отталкивающе. Но единственно. И потому право.

59

– Ну ты, Игнатьев, возникаешь просто как чёрт из табакерки. Чуть я за дверь, а ты – вот он.

– А ты думаешь, у меня есть поговорить с кем? Все давно поперемерзли как мухи, с кем можно было. Так что ты уж не взыщи...

– Да что с тебя взять? Валяй.

– Я так, вообще, без острой надобности... Фильм тут один смотрел. Про прежние времена. Как было многое тогда понятнее! И честнее. Что бы потом ни гавкали... Ох, не всё лая заслуживает. Тот стержень до сих пор нас держит.

– Это всё мнилось тебе, Игнатьев, будто ты осознавал, видел цель, проникался. И сейчас мнится, что всему цену определить можно. Цены у нас каждый день меняются...

– А она, вся жизнь наша – во мнении. И мнения этого никому у меня не отнять.

– А ты думаешь, кому-то нужно? Да всем до фонаря. Все при своих.

– Вижу, хоть и слепой. Грустно только.

– А что грустить? Ты жизнь свою в вере собственной прожил. И не разуверился на излёте. О чём тебе печалиться?

– Грустно оттого, что глядишь ты, к примеру, кино про меня тогдашнего. И дико тебе, и странно, и неудобно. А следом и я сомнению поддаюсь. А оно ни к чему, кроме разъедания себя изнутри, не ведёт. А внутри – и так жизни на понюх табака осталось.

– Это ты брось, Игнатьев. Поскрипишь ещё...

– Нет, не нужно запечатлевать себя для памяти, мгновения у времени красть. Чтоб дивиться потом да маяться. Оно за то мстит. Намышлениями разными изводит, сожалениями, соблазнами переиначить задним числом. Всему своё время. Всё и оставаться должно в своём времени навсегда.

– Да ладно, не горюй. Что-то ты сегодня какой-то навовсе потерянный.

– Из-за того, видать, что это сегодня настало. И ни черта не попишешь.

60

Прислонившись плечом к узловатому древесному стволу, Сергей набрасывал поблёскивающее озерцо, заболоченный берег, край тёмного леса. Нерадостно удивлялся производимому, морщился, прерывался. Перекуривал и с тяжким вздохом возобновлял труды свои, невесело замечая, как стремительно иссякают последние сиротские капли многострадальной силы воли.

Вдруг Сергей почувствовал, что на него смотрят. Он ощутил это затылком. Как правило, затылок его не подводил... Минуту-другую Сергей дразнил себя и не оборачивался. Силился угадать. Может, кто из оболдуев-однокашников решил пошутить сообразно умственному развитию своему? Подкрался беззвучно, а через мгновение как гаркнет что-нибудь на ухо... Или препу вздумалось глянуть на полуфабрикат вдохновенных усилий? А может, кто из местных выбрел на него случайно...

Но Сергей не угадал. В двух шагах от него стояла худенькая, коротко стриженная женщина. В густом ёжике пробивалась первая седина. Она смотрела то на Сергея, то на его наброски. Внимательно, спокойно, без кокетства. Потом, кивнув в сторону озерца, мягко улынувшись, заключила:

– Не очень похоже.

– Сам вижу. Но ничего поделать не могу.

– Тогда и не следует, – уже без улыбки ответила она.

На местную жительницу собеседница не походила. Она была в брюках, модной клетчатой рубашке, с небольшой дорожной сумкой через плечо. Платок на шее отливал бирюзой.

– Откуда вы здесь?

– Приехала. Издалека.

И она назвала город, где Сергей родился, крестился и через силу к тому времени обучался.

– Зачем? Простите, если секрет...

– Да нет, не секрет. Просто рассказывать долго. Если в двух словах – то помочь одному человеку. Другу. Точнее сказать, другу моего друга. И человек этот находится в здешних местах. Где-то тут неподалёку.

– И что он здесь делает?

– Сидит.

– Как же вы ему поможете? И нужно ли ему помогать?

– Всем нужно помогать. А как? Для начала необходимо выяснить, где именно он содержится: письма то из одного, то из другого учреждения приходили. Потом – с администрацией встретиться. Узнать, в каких он условиях бытует. Выяснить, что ему передать желательно. Свидание получить. Просто хоть поговорить. Ведь чуть не с советских времён, бедняга, мается...

– С советских времён?! Столько времени прошло...

– А времени, наверное, уже не существует. По крайней мере – здесь. «Ангел в Апокалипсисе клялся, что исчезнет время навсегда». Кажется, сбывается.

– Это кто?

– Один поэт. Советский. То есть советского периода. Когда друга друга приговорили, он ещё жив был...

– А почему же ваш друг сам не приехал?

– Он не может.

– А что, он очень занят? Время не позволяет?

– Его время лопнуло, как воздушный шар. И внутри ничего не оказалось. Он сейчас в одной психушке от алкоголизма лечивается. Давно и упорно.

– Извините.

– Да это вы меня извините. Я что-то вдруг ни к селу на время осерчала. Конечно, движемся мы не только в пространстве. Мы вот с вами только парой слов и перекинулись, а четверти часа как не бывало. Стало быть, что-то тикает, шустрит, накручивается. Только это уже не совсем время. А нечто похожее. По принятым меркам. Как клюквенный сок Пьеро – на кровь. Вы, должно быть, не совсем меня понимаете. А яснее я сказать не умею.

– Я стараюсь понять.

– Ну, как тутошние озеро и лес похожи на ваше творение, так же временное – на временное. И время нынче временное,

бутафорское... А относительно вашего творчества – мой друг, думаю, меня бы поддержал.

– В чём?

– В том, что не следует умножать природу...

Если б Сергей знал, сколько им предстоит ещё подобных странных бесед!.. Но к чему оно, знание? Разве что-нибудь сбилось бы по-иному?

61

Округу Сергей не узнавал. Правду сказать, и не помнил, когда бывал здесь последний раз. Строительные компании развернулись тут не на шутку. Несколько десятков архитектурных монстров нестройно высились по склонам. Там, где кутались в сады послевоенные домики, зияли свежеврытые котлованы. Последние представители советского частного сектора доживали свой век с выбитыми окнами и проломленными крышами. В грандиозные курганы были собраны обломки заборов, спиленные деревья, какое-то тряпье. Там и сям торчали клювастые краны, драные вагончики, бетономешалки. Чумазые рабочие кисло обретались среди штабелей кирпича и плит. Жевали пирожки, перекидывались шуточками, курили без спешки. Издали за их неторопливыми трапезами следили стайки облезлых, с проступающими рёбрами, псов. Глаза их были полны тоски и безнадёжности.

Сергей бесцельно шёл по набережной. Ограда её кое-где была повреждена строительными работами. То гранитная плита на бок завалена, то решётка искорёжена, то асфальт у самого края проломлен. Местами новострой подступал к воде почти вплотную, и Сергею приходилось обходить огороженные участки. Он снова возвращался к перилам, останавливался, следил за медленным течением. По чёрной ряби уплывали прочь изуродованные причудливыми крышами и блестящими шпилями склоны, скелеты нависших над непроглядной водой строительных лесов, пугающие своей подоблачностью кабинки крановщиков...

«Нужно что-то обязательно получить, что-то серьёзное обрести в качестве компенсации за твоё уплывающее время». Это Наталья когда-то невзначай сформулировала. Нелепая меркантильность. Что это за материя такая, которая хоть чуть-чуть время твоё развешное компенсировать сможет? Что это вообще за постановка вопроса? Что тебя утешить способно, если времени уже нет? Все возможные и невозможные расклады – уже без тебя. И забота – иметь или не иметь – сама собой отпадает. А если численник твой ещё не долистан, то жалко и глупо платить

оставшимися листками за сомнительное счастье добычи утешительного приза. Особенно если нужно вырвать его из чужих рук. И тем более, ежели не из чужих...

Сергей загляделся на речных чаек и чуть не по колено провалился в едва присыпанную чернозёмом траншею. В ботинке смачно зачавкала земляная жижа. Рефлекторно аукнулись весенние возвращения из школы, ледяные ноги в промокших башмаках, долгие вечерние отогревания за столом с родителями и гостями. «Так вот нежданно-негаданно и впадаешь в детство», – сказал в пространство Сергей и уксусно улыбнулся вымученному каламбуру.

Бензиновые разводы на поверхности змеино извивались по мелкой волне, окурки дружно сбивались во флотилии, плавучие сучья безуспешно норовили зацепиться пальцами за парашют. Рядом бранились чернявые гастарбайтеры, дымилась смола, разгружался самосвал. Не самое подходящее место для прогулок. И стоило ли пилить в изрядную даль, чтоб хлебнуть грязи и дурного настроения? А впрочем, ужели расчёты имелись? Когда не ведаешь, что ищешь – получаешь то, что дают.

62

– Прошу, ради бога, прощения за повторное беспокойство. Просто вы мне не безразличны. А в прошлый раз мы о многом не успели поговорить. О чём именно? Да хоть об уродливости ситуации, когда высокохудожественные предметы искусства мёртвым грузом лежат в запертом чулане пусть и во всех отношениях достойного человека. Когда они недоступны ценителям, почитателям, специалистам. Вы же, дорогой мой, соответствующее образование имеете. И ежели не кривить душой, не можете со мной не согласиться. А душа у вас, без всякого сомнения, здравая и отзывчивая. Память мне, уверен, не изменяет. И вкус у вас отменный... А люди интеллекта и вкуса в нашем дремучем и прямо-таки за горло хватающем социуме должны вести себя правильно. Дабы он им это самое горло не пережал навовсе. Что делать интеллигентному человеку? Либо продать нечто общественно значимое. Для всеобщего блага. И тем самым от представителей нашего назойливого общества надёжно откупиться... Что? Нет, рассуждаю без относительно текущего момента... Либо продаться, пардон, самому. И стать одной из мрачных составляющих этой агрессивной среды в эфемерной надежде на самосохранение. При чём здесь я? Не вижу смысла переходить на личности. Я рассуждаю о положении вещей вообще. Хотя,

разумеется, и мы с вами своим присутствием здесь расстановку формируем. Так что если смотреть под таким углом – это и о нас. О вас и обо мне.

Ну что вы! Я ни на чём не настаиваю. Просто взываю к вашему радио. Обозначаю оптимальный выход из ситуации... Вы имеете в виду вовлечение в наши переговоры третьей стороны? Это нецелесообразно. Тем более сослуживцев вашего друга, царствие ему небесное. Откуда я его знаю? Вы забыли, что я тоже являюсь поклонником несравненной Натальи. Очень дальним и совершенно безуспешным. Чудной души был человек. Но к чему его поминать всеу? Зачем тени тревожить? У нас вопрос сейчасочный, острокровный... Крови, говорите, и без того многовато? А без крови ничего не бывает. Разве вы это ещё не поняли?..

Я считаю, что вам нужно подумать ещё. Это вовсе не означает, что безмерно долгое раздумье пойдёт вам на пользу. Скорее наоборот...

63

Он чувствовал себя неожиданно легко и непривычно свободно. Быть может, явление и сила ощущения этого зависят от степени прояснения происходящего вокруг? Пусть на свет божий вылезает и не самое любезное сердцу. А может, и опасное ему. Но когда рвутся нити – исчезает то, что так или иначе связывало. Оттого словно заново окунаешься в неприкаянную молодость. Холодок под ложечкой, неизвестность, ночные бдения...

О Наталье не думалось. И не было по этому поводу никаких дёрганий внутренних, скрежетаний зубами, спазмов горловых. Словно она сама отказалась от претензий на место в его умствованиях, и телепатически это было принято на все сто. А какие могут быть претензии? Каждый живёт как умеет. А коли не понял ты сызначала чью-то манеру жизни – это твоя проблема. Если котелок не варит – его запросто и не сносить можно.

Казалось, что если лопается что-то огромное, радужное, безотчётно важное – то это обвально, оглушающе, неизгладимо. И следом пустота страшная, соскакивание с круга, болезнь долгая. Этакий рубеж повреждающий. А вот тебе – беззвучно, глухо, неощутимо почти. Молчание – и всё.

И осень неглубокая хороша. Роскошны дни, распахнуты, величавы. Сладко в эти дни дышится. Не тянет ни оборачиваться без толку, ни в грядущее заглядывать опасно. Сесть где-нибудь в лесопарке на лавку, ногу на ногу закинуть и слушать, слушать шум лиственный. Что душе пожелается, то и различай в нём. Оконча-

ние сезона безумий, посул покоя желанного, обещание света мягкого. А лучше и не различать ничего вовсе. Ведь речь древесная обща и нечленораздельна. В исконном смысле этого слова. К чему ж её разъятьем на мотивы беднить? Как в белом – все цвета заключены, так и в ней всё на свете переплетено и слито. Потому она всякому слышна и целебна. Стоит только глаза прикрыть... и опускаешься на дно морское, где ни шума, ни ветра, ни волнений. Только дикие сухопутной душе созданья, насупленные неподвижные рыбы, светящиеся воздушные пузыри. Они уходят вверх, в сумрачную толщу, к недоступному взору небу. И следишь за ними зачарованно. И не понимаешь, откуда здесь воздух... И вообще ничего не понимаешь. Потому что ты уже давно утонул.

64

– А тебе никогда не хотелось никуда улететь? – слегка приподнявшись на локте, игриво вопрошала Наталья.

– А за бугром, ты думаешь, и уксус слаще?

– Я не про бугры, а про небеса. Ты забыл, что ещё и такая категория существует?

– Разве это категория?

– Угу, – убеждённо кивнула Наталья, – или, по-твоему, просто то, что выше башки. Ты меня, дорогой, всерьёз разочаровываешь.

– Выше башки всё одно не прыгнешь.

– Это вопрос спорный. Другое дело, что прыгать надо без оглядки на то, как падать придётся. Не бери в голову – а то и вправду отшибёшь её начисто.

– Попрыгунья ты моя луковая... – обнял было её Сергей.

– Ходун несчастный, – раздражённо вывернулась она.

– Не ходун, а ходок. Правильно я тебя понял? Ну, какой из меня ходок? Я всё больше на тачке...

– Неправильно ты меня понял. И дальше – больше. Всё неправильней и неправильней понимаешь... Понимание-то не привьёшь – реакция сразу...

– Непонятые, обиженные, несчастные – не мой профиль. А потому как ты у меня есть, значит ты и понятая, и счастливая. Так что не прикидывайся. Поняла?

– Поняла. Что демагогия – это твоя естественная среда обитания. Я это и прежде понимала. Да глаза закрывала. Дура.

– А ты и теперь закрой.

– Да закрою. Я только это и умею. Другому всё не обучусь. А давным-давно, как пора.

- Летать или прыгать?
- Не зажмуриваться. А глаза отводить. В нужную сторону.
- И кому, интересно, эта комедия нужна?
- Кому интересна – тому и нужна. Я же, не забывая, женщина. Разве по-другому бывает?
- А угрожать – это свойство всех женщин?
- О! Ещё какое!.. Женщина – сама по себе угроза. Это синонимы.
- Возразить тут нечего.
- Так что бойся. Это полезно.
- Бога бояться полезно.
- Бога бояться невыносимо. Жизнь пропустишь...
- А её и так за хвост не удержишь...
- Да разве ж у неё есть хвост? Это тебе не комета. Никакого хвоста она не оставит. Вжик – и всё. А прочее – фантазии.
- Ты тоже фантазия?
- Я как раз реальность. А потому думай. Я того заслуживаю.
- Знаешь, наступает момент, когда всё уже передумано и жить надо помимо мыслей. Ты право это, верно, бессонницей свою уже отработал. У тебя бывало так?
- У меня всю дорогу так. Хотя на сон не жалуюсь. За меня, может, это уже кем-то раньше отработано. Не знаю. Есть вещи, до которых не докопаешься – только себя изведёшь. А значит – не нужно. Это, стало быть, дело не наше. А все, как известно, должны заниматься своим делом.
- А я то тем занимаюсь, то этим. И всё кажется, что моё. А потом оказывается, что это я – его. И себе уже не принадлежу. Крутишься, втягиваешься, растворяешься. И заради чего нужно себя тратить? За кусок хлеба? За медали? За возможности? Разве это того стоит?
- Если б не стоило, не крутился. Рассуждать мы все горазды. А взять и отрезать – чёрта с два.
- Ну и останешься с обрезком своим куцом...
- Зато нож – твой...

Сергей поморщился и заказал ещё коньяка. Клопомор клопомором. Как «Три бочки» незабвенные. Ну, да бог с ним...

Разливальщик тщательно и даже церемонно протирал залезалую бутылку, извлекал из-под прилавка тонкостенную посудину, отмерял мензуркой жёлто-коричневую, с нагловатым запахом, жидкость. Труженик общепита прекрасно знал, чего она стоит, но достойной подачей стремился сгладить её вкусовые

свойства. Он был приветлив, но сдержан. Контактен, но немногословен. Сергей усмехнулся про себя его профессиональному такту и в очередной раз выпил...

...О, как это напоминало игнатъевский рассказ! То же подчёркнутое и поголовное понимание ситуации, то же всеобщее по-нурое послушание, те же выдохи облегчения после оглашения списка. Выступления вроде как напрямую, реплики одобрения – со стеснением и сожалением, неглядения друг на друга – и без смущения обоюдного тошно. Расширенная планёрка, собрание коллектива, профсоюзная конференция?.. Чёрт его знает, что это такое было. Какие подземные страсти, скрытые от верхогляда упования, невидимые, но испепеляющие страдания! Премакивания взопревших лбов комкаными носовыми платками, непрерывные нервные поигрывания шариковыми ручками, тоидельные непроизвольные спазматические покашливания. Редкой прелести обстановочка!

Конечно, к этому шло! Нынче это в порядке вещей. Просто чересчур сильно уж не желалось. А если чего пуще пламени адского избежать захочешь – оно как пить дать, тебя и подстержёт...

Сергей чокнулся с салфетницей, шумно выдохнул и сам с бою выпил за своё сокращение. Будем учиться жить с чистого листа! Кризис – это стимул для обновления, как заявляют с экран упитанные серьёзные дяди в неплохих импортных костюмах и триколором на лацканах. Отчего же не поверить? Так веселее с ним сосуществовать. Всё равно ж никуда не денешься!

А вообще пора отдохнуть ото всего. Разбодяжиться, отвянуть пузом кверху. Ну их на хрен, эти работы, вымучивания бабок, авралы с языком на плече! Живём снова... Потом и не ответишь, какого это было тебе надобно. Конечно, оно ясно какого... Но будет корячиться. И пошло оно по этому самому уяснённому адресу!

Бабки – для человека, а не человек – для бабок. Звякнуть хоть козлу этому – экс-воспитателю молодых талантов. Задвинуть к восторгу его телячьему вожделенное. Да и горя не мыкать. Закачаться куда-нибудь на море. Рыбкой на углях чрево ублажать, с хохотливыми девками по ночам плескаться. О вечном с похмелья думать... Сколько вкалывать можно?... Ты своё уже отгорбати. Довольно. А то горб надломится. Трудиться чистосердечно от зари до зари – и перебиваться при этом с воды на хлеб в стране нашей до гробовой доски можно. И прежнего обольщения воспитанники с тем на погост и отправляются...

Необходимо как воздух, чтобы что-то задницу твою натруженную прикрывало. Нужно иметь штуку такую, что работала

бы на тебя вместо тебя. Иначе ты вскорости без остатка в дым и уработаешься...

Прав ведь козёл этот. Залежи чуланьи в счёт банковский обрабатывать должны. Чтоб крутилось и капало. На черта их под спудом держать? Чтоб истлели вместе с тобой в пыль?.. Нынче что не счёт – то не в счёт. Про это и талдычет педагог хренов. От лица ещё более хреновой публики. И что за доблесть воевать с ней? Чего ради опять же?..

Жить нужно. Любой ценой. И Бога благодарить, что дают тебе цену хорошую...

Мысли толпились и отпихивали друг друга. Едва обращался к одной – уже другая вскакивала на её место. Все они были правильными, непротиворечивыми, вытекающими из предыдущих. Но нетерпеливыми, навалистыми, кучными. Этакое движение броуновское по нейронам и синапсам. Кайф явно был на коньячном. Заряжал на идеи. Но без солнца, лада и покоя. Ей-богу, пора, блин, госмонополию на это дело вводить. Совсем, дармоеды, нюх потеряли...

– Эй, любезный! Плесни-ка ещё чуток...

66

Она смотрела пристально, полусерьёзно, насмешливо. Слово видела что-то недоступное прочим, знала об этом и гордилась своим превосходством. Она умела и любила так смотреть. И Сергею нравился этот взгляд.

– Понимаешь, ничего не надо искать. Поиски – это время, кровь, силы. Поиски – это лучшие куски себя самой, отданные на съедение собственной детскости. Безумная ловля солнечных зайцев. Увлекательная, изнуряющая, самозабвенная. И что самое смешное, они иногда ловятся. Только это уже не греет: отмеренный тебе за всё про всё запасец пыли внутреннего уже и вышел...

– Брать в оборот нужно не то, чего отсюда не увидеть. Но достичь якобы можно. А то, до чего глаз и рука без лишнего напряжения дотянутся. Оно, поверь, само по себе не лучше и не хуже того, что где-то. Но от импульса твоего нерастратченного засветится куда ярче дальнего. И тогда всё в жизни видней станет. Смысл ведь не в поисках, а в свете вышнем...

Сергей обнимал её и послушно понимал, как она права. И чем дольше смотрел он ей в глаза, тем отчётливей различал в них себя. Ёрнистого, влюблённого, мудроглазого. «Друг друга отражают зеркала...» Не будь отражения – ничего бы и не было. И иначе и не узнать, что ты и вправду жив...

– И в кого ты у меня такая рассудительная? Предки, говоришь, этим не страдали? И почему ты пошла учиться картинки разглядывать, а не книжки писать? Я бы тебя с соседом своим свёл. Он с нашими перьемучителями ещё до Второй мировой воевал. Воспитывал в духе, упреждал уклоны, формулировал цели. Там под его приглядом подслеповатым ты бы и в знатную человеческую инженершу оформилась... Что значит какую? Душ, вестимо. Борьбу с безграмотностью начинать с высказываний классиков нужно...

Одежда розно летела по углам, веки властно напозлали на отражения, кожа мгновенно плавилась. Кровь билась резко, безжалостно, слепо. И никакого света не брезжило.

67

Хорошо, в холодильнике кипятки всегда холодили. Сергей прямо под морозилку банку ставил. Чтоб зубы ломило. Терпеть не мог комнатной водицы.

Полбанки сразу и приговорил. Сушняк, колотун, затылок отваливается. Весь комплекс удовольствий. Поразборчивей с напитками нужно, дорогой товарищ. С возрастом ошибаться всё накладней. С возрастом... Организм бастует, кумпол набекрень сворачивается. Чёрт-те что в голову лезет... Это ж надо до чего додуматься! С бандюганами решил снюхаться. Да, надрался по полной программе! Лечиться надо, лечиться...

Сергей снова открыл дверцу, извлёк запотевшую склянку с чем-то молочным, выдернул пробку. Пахнуло острым, кисло-солёным, пробирающим. Ох, Игнатъев, тёртая развалина! И по этой части дока... Во люди были – на все руки.

За грудиной загорелось, потом улеглось, стихло. Осело холдоком под рёбрами, разошлось по сосудам, тронуло мозжечок. Вроде чуть отпустило, смазало, полегчало... Спасибо соколу зоркому за презент. Как в воду старый глядел...

А что, собственно, такого вчера себе намыслил? Заняться только нужно вплотную. А то тобой займутся...

Это у скифов обычай был сначала по пьянке что-то решать, а потом на трезвую башку всё то же самое обсасывать. Если вердикты совпадут – так тому и быть. И ты туда же... «Да, скифы мы! Да, азиаты мы!» Из песни слова не выкинешь.

Противно, правда... А может, затеяться с показательным задержанием шантажиста? С сюжетом для местных теленовостей. Хотя что это за шантаж? В твоём воспалённом мозгу только... Да и зубы на полке держать – перспективка неласковая. А ведь при

сегодняшнем раскладе придётся. Да ещё и с головной болью за собственное здоровье. Очень даже пострадать может...

Ладно, поглядим-увидим. Разве от чего нынче зарекается можно? Это вот Игнатьев, счастливцев, знал всё время наперёд. Когда сеять, когда убирать, когда коммунизм будет. А сейчас всё меняется поминутно. Пока рот откроешь, эти гады в ревнителёй национальной культуры превратятся. А что? Хапуг от искусства вразумляют. Возвращают народу лучшие образцы. Народ аплодирует. А против народа не попрёшь. Куда ж деваться, если такие аплодисменты?

68

И почему такое свечение случилось? Ведь оболочка совсем не просматривалась. Даже и линия разве что угадывалась. Лопаться, разрываться, схлопываться как будто было и нечему. Что-то такое само по себе светилось по неизвестной причине. И слилось с окружающим тоже по своему капризу. Одному этому анекдоту божьему и ведомому.

Игра ли это водяных испарений от водохранилища? Нечаянное скрещение дальних световых потоков? Или облако такое прозрачное до невероятности? И тогда было не понять. И тем паче теперь...

А какая великолепная стояла погода! Невесомый июнь, косое предзакатное солнце, ясная просторная тишина. Сергею, казалось, что слышно, как дышат рыбы. Прибрежные кривые улочки, полные свежей зелени, лёгкий кухонный дымок, игривые блики по оконцам деревянных домишек. Какое головокружительное обещалось лето!

А разве оно не сбылось? Со всеми своими волшебными ночными прогулками, взахлёбными пёстрыми разговорами, острыми судорогами плотского счастья. Сплошная бессонница, простодушный блеск глаз, круглосуточные звонки-переговорчики безо всякого резона. Пульсирующая радость, желанное помешательство, лёгкий озноб.

В чём же тогда печаль? В том, что всё это закончилось? Так ведь всё всегда кончается. В том, что закончилось не так? А кто знает, что такое «так». Это всегда происходит чёрт знает как. Нервно, безобразно, убийственно. Даже когда кажется, что пристойно и чуть ли не благодно. Всё это чушь, потому как в природе инструментов для того нет. Видимость одна, вывеска для прастаков, хорошая мина. Впрочем, и окончание – тоже одна лишь видимость. На самом деле по-настоящему ничто не заканчивается. Всё продолжает быть. Только по-другому. Непонятно

какими молитвами и в каком измерении, но – быть. Просто оказывается вне возможностей нашего заскорузлого зрения, приблизительного осязания, загромождённого всяческим хламом воображения. Нас обескураживает исчезновение и не выручает недоверчивость. Оказываясь в плену впечатления, мы жестоко обкрадываем себя. Не силится выйти за пределы, ищем утешения здесь. И задыхаемся-таки в скорлупе безысходности.

Скорлупа! Кажется – только ткни её... Но кругом черным-черно. И куда бить – непонятно.

69

«Этот с живого не слезет», – огрызнулся про себя Сергей. Но звонил не Илья Ильич. Это была одна его давнишняя знакомая. Коротко стриженная сидящая женщина без возраста. Похожая на худенького подростка-скептика, насмешливого и незащитного. Она не любила дамских побрякушек и мазилок, носила брюки и клетчатые рубахи навывпуск. Терпеть не могла истерик, экзальтации, театральных жестов. Была ровна, спокойна, подчёркнуто смиренна. И покой этот странным образом распространялся на всё, что окружало её. Разливался, окутывал, проникал. Её аура вселялась в предметы. И двери в квартире её были неторопливы и бесшумны, диваны молчаливы и податливы, шторы – неподвижны и непроницаемы. Даже кот двигался мягко, медленно, не меняя темпа. Умиротворяющий ритм здешнего существования заражал, властвовал, преображал её вполне заурядное жилище. И оно превращалось в некое инопланетное пространство.

А какой умопомрачительный чай она заваривала! Великая была мастерица. Фирменные смеси, алогичные пропорции, вдохновенные подливания кипятка по секундам. Сергей и сам знал в этом толк, но его заварочные таланты безоговорочно меркли в присутствии волшебницы. Квартира наполнялась лёгким и дерзким травяным ароматом. В нём угадывались запахи невиданных цветов с дальних и прекрасных побережий, дымки капитанских трубок из детских морских книжек, терпкость канатной смолы давно исчезнувших за горизонтом парусников. Веяло пацанскими снами, дошкольными мечтаниями, юношескими миражами. Над чайником вились добрые и забытые тени – улыбались, поддразнивали, печалили. Обволакивали, захватывали, уносили с собой...

Хозяйка говорила о том, как важно быть легкомысленным. Не следовать предначертаниям, не опираться на проекты, не уповать на расчёты. Не впадать в мёртвую зависимость от загаданного. Какими пропастями это чревато! Какими потерями без-

возвратными! Легкомыслие – это и талант праздничный, и расчёт высшего пошиба, и защита живая. Это умение быть самой тканью жизни, а не наблюдать её со стороны. Не оценивать её расцветку и рисунок, составлять их собой. А потому и не страдать от их изъянов. «Что знает о воле вода?..»

Сергей слушал внимательно, благодарно, околдованно. Её вдохновенное лицо размывалось тёплым, плывущим от чашки воздухом, глаза обретали уверенный блеск, скулы подёргивались кофейновым румянцем. Неразрешимости и боли оставались где-то за пределами светового торшерного конуса, в густеющих сумерках, в накатывающей темноте...

– Здравствуй, – сказала она приветливо, – как твои дела? Рассказывай. Наверное, новостей много – давно увидеться не получилось...

Легко сказать «давно»... Да тысячу лет! Столько этой самой воды утекло с разводами кровавыми, что дух захватывает. Если окурками своими ночными землю окольцевать, в аккурат на полный экватор наберётся. А ежели выдать на руки все часы недосыпа, месяцами напролёт дрыхнуть можно. Бредовое времечко, несказанное. Липкое, забористое, непроглядное. Охренеть, какое вместительное! Столько всего в кучу свалено...

– Да всё в порядке. Потом как-нибудь расскажу. Не по телефону, – мирно ответил Сергей, и ему отчего-то стало весело.

70

Ожидание нагло заполняет всё незанятое время, как газ предоставленный ему объём. Особенно когда времени навалом. А Сергей теперь на цейтнот никак жаловаться не мог. И потому тупо поддавался этому паралитическому газу. Перестаёшь мышцей ловить – уходишь в ожидание по самую макушку.

Сначала он ждал, чтобы объясниться категорично, холодно, с презрительной лаконичностью. Чтобы веско дать понять и себе относительно себя доказать. Сергей хотел, чтобы объяснение это произошло побыстрее. Чтобы непреклонный настрой его не поулёгся, а сработал на всю катушку. И тогда не то чтобы гора с плеч, но смотреться можно без дёрганий и неясностей. При любом раскладе. Виднее будет, что предпринять.

Но звонка не было. И боевые его устремления неудержимо остывали и выветривались. Накатывались усталость, сонливость, разобранность. Он подолгу валялся на диване, не торопясь чаёвничал, вёл обстоятельные беседы с Игнатьевым.

– Знаешь, почему я так сохранился сносно? Из-за отсидки. Первыми страдать – участь авангарда. По полной лагерей хлеб-

нул. Великий, надо сказать, консервант. И не я один, кстати, это заметил. Попадает человек в зону, и ни слуху ни духу. Годков, этак, десятка полтора. А потом возникает вдруг таким же в точности, как исчез. Ну, почти таким. Как огурец. Седин да морщины куда поменее, чем у ровесников вольных. Хотя жилось ему там не сахарно вовсе. Годами песня одна и та же. Подъём затемно, баланда остывшая, наряд бригадиров. Базары барачные, клопы сытые, нары родные. Не санаторий. А действие такое странное на организм было. Не у всех, конечно. Но встречались. Может, потому как нутро мобилизовывалось, зэчара в кучку собирался, установку не скулить себе давал. Кто ж его знает? Поди проверь домыслы досужие. Только явление такое отмечалось. Факт налицо.

Я как раз из таковых и буду. Может, ещё и то, что принципами не поступился, верности идеалам не утратил – тоже свою лепту внесло. А как иначе? Стержень держит.

Некоторые, правду сказать, из-за колючки выйдя молодцами, стали вдруг стариться стремительно, кукожиться безбожно, разваливаться на составные. Словно за всё время отсутствия добивали распада телесного с пятикратным перевыполнением плана. И сгорали вскорости без остатка. Точно воздух тут стал другим – огнеопасным. А воздух и на самом деле другим стал...

Но меня природа от стремительности такой уберегла. А годы мытарств добавила. Да ещё сверху – за то, что правильно всё понял...

Сергею расхотелось подстёгивать события. Ему даже отчасти стало нравиться ждать. Ощущать при себе набор возможностей, тешить душу перспективой, оправдываться вынужденной паузой.

Нет, проходили не недели и месяцы – часы и дни. Но отсутствие изменений непривычно удлиняло их, перекрашивало, меняло саму временную материю. И Сергей уже подумывал о том, что едва ли стоит отказываться от игры. Тем более, что никакие другие игры и не наклёвывались. Если единственно возможная интрига выглядит именно так, то к чему обрезать себя отказом на пустоту? Утонуть в ней проще простого. Она всегда наготове.

В какой-то момент сделалось даже страшновато. А вдруг звонка и не будет вовсе? Такой сценарий уже смущал. Во-первых, покупка – далеко не единственный способ перехода собственности из рук в руки. А во-вторых, ну и подавись ты своей собственностью... Если на орбиту не вернёшься – она тебе без надобности. Всё одно сгоришь в плотных слоях... А тут она за топливо сойдёт. Глядишь, и вывезет...

...Этим аэрокосмические познания Сергея исчерпывались. Сквозь сигаретный дым он осматривал с балкона звёздное небо,

усмехался, чесал затылок. Казалось, время тяжелело, густело, каменело. Оно виделось Сергею чёрным, непроходимым, с пронзительными, металлического блеска крапинами. Его можно было потрогать рукой, но невозможно преодолеть, миновать, вынырнуть с другой стороны. И немигающие глаза его цвета кладбищенской серебрянки безучастно наблюдали за этой поздней досадой. Впрочем, участия Сергей и не искал. Цена этим поискам известна. А бесценное приходит само.

71

Сергей видел Верева лишь однажды. Во времена безумной своей юности. Вевев был страшен. Малого роста, беззубый, с пегими патлами, он что-то настойчиво разъяснял случайному собеседнику. Жестукилировал, морщился, внезапно и оглушительно хохотал. Крупная слюна густо разлеталась по сторонам. Из-под обтёрханной курточки выбивалась красная, выдавшая виды, рубаха. Морщинистые башмаки карикатурно дыбили свои вытертые носы. На зелёном кашне красовались остатки томатной закуски. Глядел Вевев испытующе, подозрительно и в то же время злорадно. Настроение его менялось стремительно. И виделось, что сам он в этом не властен.

Отчаявшись что-либо внушить слушателю, Вевев отвернулся и сплюнул. Мрачно глянул на Сергея, вытащил из-за пазухи склянку без опознавательных знаков и смачно отхлебнул. Блаженно зажмурился и добрую минуту, слегка раскачиваясь, простоял с закрытыми глазами. Шумно выдохнул и, не поднимая век, спросил:

– Спичек нет?

Сергей протянул зажигалку. Вевев на ощупь взял её, прикурнул, сунул себе в карман. Через ноздри выпустил дым и с удивлением уставился на Сергея. Глаза его были жёлтыми, с частыми кривыми прожилками, неестественно выпуклыми.

– Я ведь прав, верно? – утвердительно спросил Вевев. – Да ты и сам всё понимаешь.

Вевев безнадежно махнул рукой и панибратски постучал Сергея по плечу. Сергей не знал, о чём шла речь, но понял, что уточнять бессмысленно. Это грозило лишь новым приступом глухого раздражения и косноязычия.

– Эти суки кабинетные из союза малевателей жизни меня учить вздумали! Мораль читать! Что мне пить, с кем мне спать. Какой горшок для своих нужд выбирать. Да я им этот горшок на голову надену и глазом не моргну. Он им к лицу.

Круче того. Они начали мне указывать, как я работать должен. Скоро за меня вещицы мои будут стирать. Да хрен чего

у них выйдет. Знаешь, почему? А потому что в вещичках моих тонкость одна есть. Вещицы мои вещи. Они сбываются. Это не я с мира божьего срисовываю, это он по подсказке моей творится. Так что это не только бумажки с графитом. Имей в виду...

Да шучу, шучу. А ведь некоторые всерьёз шарахаются от них, что чёрт от ладана. Будто они беду накликают. А они дорогого стоят. Очень дорогого.

Смотреть на Верева было неприятно. Он был самодоволен, грязен, презрителен. От него несло спиртом и мочёй.

– Бери, – хрипло повторял он, – ты не ведаешь, чего они стоят.

И совал листки, зажатые в кулаке, Сергею в лицо. Жидкая их пачка от движения руки раздувалась, словно жабры, требушилась, мочалилась. Обдавала чем-то кислым, дымным, вокзальным. Казалось, в руке у Верева живое существо – бесформенное, одышливое, немое.

Сергей помедлил, отвёл глаза и взял.

72

Поспать у нас нипочём не дадут. Телефон, как водится, ни свет ни заря разрывался на части. Сергей хотел было прихлопнуть его подушкой, да жалко стало из-под себя тёплое вытаскивать. Решил дать аппарату утомиться: у звонилки этой чёртовой терпенья от силы минуты на две хватает... Но куда там! На сей раз бесцеремонная истошногосая тварь нацелилась трезвонить до победного. До Сергея это не вдруг, но дошло.

Сергей поначалу даже не понял, кто это. Потом тупо буркнул «Согласен», подержал ещё по инерции трубку у щеки и медленно вернул её, говорящую, на рычаг. За окном сизовели тучи, висел мелкий дождь, остывали только что выключенные фонари. Сергей бездумно следил за потёками на оконном стекле, расплывающимися деревьями, тающими домами... «Тем бессильней знакомый взгляд сквозь случившуюся тьму, тем бессмысленнее звучат покаянные «почему», – ни к селу пробормотал он себе под нос и, запамятавав, как дальше, отправился в клозет.

Утро выдавалось тягучим, долгим, непроходимым. Вода в трубах урчала как гиблое болото. Первая сигарета душила как ревнивица. Слабосильное желтоватое электричество ело глаза. Тянуло вновь занырнуть в недра своего логова, упаковаться по макушку в одеяло, забыться по-младенчески... Но надо было воскресать и добывать хлеб насущный.

ЗЕМЛЯ И ОЛЯ

Из жизни неосторожного прохожего

*Шагаю тихо взад, вперёд,
Гляжу на светлый луч заката.
Мне улыбается Эрот
С фарфорового циферблата.*

Г. Иванов



Я очень консервативен и оттого возвращаюсь со службы всегда одним и тем же путём: с площади пролетарского вождя ныряю в недра крытого рынка и следую небыстрым шагом вдоль мясных лотков, искоса поглядывая на мясистые лица продавцов. Они утомлённо покрикивают, призывая покупать оставшиеся лежалые куски и суля умопомрачительные скидки. Но я смотрю вовсе не на товар, а в глаза продавцов. И вижу в них осатанелость от рыночной жизни и предвкушение скорой выпивки. И это меня успокаивает, потому как совпадает с собственными ощущениями. Ведь что может быть утешительней, чем узнавание себя в других?

Главное наше отличие состоит в том, что у них рабочий день ещё не окончен. И они вынуждены существовать в другой сфере, отделённые невидимым стеклом от бредущих вдоль торговых рядов сограждан, чьи служебные обязанности на недолгие часы отступили. И это обстоятельство подмешивает во взгляды работников прилавка хорошо различимую толику презрения к проплывающим мимо.

Я заметил, что взгляды их одинаковы. Простоять весь день рядом – всё равно, что прожить бок о бок целую жизнь. Это примиряет с данностью и беспросветно единит. И наверное, помогает выстоять. Не знаю – подобного опыта не имею...

А может быть, общий дух свежей разделанной плоти отравляет животными флюидами каждого, кто им наддышался? И потом стоящие за каменными столами излучают только их? Дух свежей плоти паразителен.

Путь по рынку долог: сооружение выстроили в расчёте на оживление торговых страстей. Но всё обернулось иначе. А потому здесь пустовато и скучновато. Крыша хоть и прозрачна, но помещение напоминает освещённое жидким светом дневных

ламп подземелье – холодноватое, гулкое, неуютное. И оттого покидаешь его с лёгким сердцем. Лёгкое сердце, где оно?..



– Друзья мои, прошу вас ещё раз. Давайте не афишировать наши встречи. В них, разумеется, нет ничего тайного. Но всё ценное и важное должно вызревать вне постороннего внимания. Мы должны сосредоточиться на себе, иначе перестанем быть самими собой. Нам предстоит формироваться, развиваться, уточнять акценты своих усилий. Пока мы не имеем права на публичность. Она не только нам сейчас не нужна, но и губительна. Росток на солнцепёке быстро погибает. Он питается земляными соками и храним почвой. Поэтому следует укорениться, сродниться с чернозёмом, всеми фибрами ощутить его историко-культурный контекст. И он защитит нас. А мы его.

Нынче – когда агрессия сделалась всеобщей доминантой – настало время защиты. Кто не защищён – тот обречён. Сколь бы верными и благородными ни были бы его посылы. И меры нужно принимать вовремя. Не стоит ждать ливня, следует заранее спрятаться от него. И как можно лучше, верней, надёжней. Чтобы потом воспользоваться его благотворными последствиями. В противном случае – расти будет уже просто нечему. Какой бы плодородный пласт ни сформировался...

Итак, друзья, прошу относиться со всей серьёзностью к нашим поручениям, какими бы малозначительными они вам ни показались. Из малого складывается великое. Впрочем, пафос нам ни к чему. Важна самоотверженная, планомерная, поддерживаемая уверенностью в своей правоте работа. Работа на результат. Как говорят, мысли глобально, но действуй локально. Монотонно, поступательно, упёрто. У себя дома, во дворе, на соседней улице. Только тогда на сегодняшний день возможен эффект. Наверное, раньше возможностей было больше. Но теперь – только так. Нравится сие или нет – это нужно принять. И впитать в себя. И превзойти в этом других. Времена не выбирают... Удач!



С некоторых пор в нашем городе стали происходить странные вещи. Ни с того ни с сего в самом центре вырастали вдруг громоздкие торговые центры, долговязые жилые дома, стильные ресторанчики с парковками. Происходило это мгновенно, и вздумавшие отправиться на работу новым маршрутом рисковали уже не обнаружить знакомых с детства строений. Такая стремительность подвигала граждан на всевозможные выяснения

во властных коридорах, где демонстрировались всяческие акты, справки, разрешения. Выражалось сочувствие оскорблённому эстетическому вкусу. Давались обещания пристально отслеживать подобные ситуации и не допускать нарушений установленных правил, которые, впрочем, и ранее не нарушались. А что касается возведённого – тут уж ничего поделать было нельзя. Раньше надо было думать...

Вы скажете, что ничего странного в этом нет. Если бы не одно обстоятельство. Площади в торговых центрах почти никто не арендовал, на новые квартиры претенденты исчислялись единицами, рестораны по большей части так и не открывались. Хотя никто всему этому официально не препятствовал. Сумрачные новостройки-призраки бессмысленно висели над городом, придавая ему нездешний и зловещий облик. Низкие облака цеплялись за плоские крыши, гнездились на балконах, заползали в окна верхних этажей. Снизу казалось, что это дым невидимого пламени окутывал верхи.

На родные улицы выходили как на экскурсию по неизведанным местам. Озирались, останавливались, рассматривали. Порой указывали пальцем, невесело похохатывали, обескураженно крутили головой. Но глаз не отводили. Что-то в этой визуальной какофонии завораживало, обезоруживало, парализовывало. И некоторые замирали надолго и не могли выговорить привычные ругательства.



Как всегда под вечер я неспешно шёл по рынку и поглядывал на продавцов мясного ряда. Они казались мне оживлённее больше обычного. Может быть, оттого, что я припозднился, и, следовательно, поспел ко времени, когда до прелестей жизни им оставалось уже совсем немного. А может, они не были столь пунктуальными и загодя решили не противиться своим желаниям. Сама торговля шла своим обычным чередом – то есть никак: близился час закрытия.

Уже у выхода по правую руку за стеклянной перегородкой оказалось небольшое кафе, где почти никого не было. Почти. Потому что один человек всё же был. Вернее, была. Худенькая настороженная девушка, сидевшая за большим неприбранным столом и яростно поглощавшая чебурек. Она подняла глаза от бумажной тарелки и посмотрела на меня таким глущим, исполненным неизъяснимой тоски взглядом, что я невольно притормозил и шагнул к стеклу. Девушка вдруг встала и тоже подошла к стеклу. Глаза её были полны какого-то невыразимого сиротства.

Наверное, правильной было идти своим путём. Это всегда правильной. Но в этот раз что-то, не поддающееся формулированию, оставило меня торчать перед полубезумной девчонкой, за которой грудились объедки, грязная одноразовая посуда и мятые салфетки. И мы смотрели какое-то время друг на друга сквозь стекло.



– Наверное, наши подходы непривычны. Они разрушают здешние стереотипы. А кого-то они, возможно, и шокируют. Но простите меня, а наша действительность вас не шокирует? Подобное лечится подобным. А как иначе?

Вас это смущать не должно. И, надеюсь, не смущает. Пусть смущаются те, кто организовал нам подобный социум. Собственно, это и есть наша миссия – заставлять их смущаться. И это вполне выполнимо. Каким бы иллюзорным поначалу не казалось...

При этом важны два момента. С одной стороны, максимально раскрепоститься, несмотря ни на что ощутить себя хозяином положения, безо всякой насады воспринять, что вокруг творится. А с другой – максимально сконцентрироваться, ни под каким соусом не терять собранности, быть готовыми к разному. Скажете, взаимоисключающие вещи? Весь мир только из них и состоит.



После не столь давнего назначения нового городского главы темпы роста архитектурных монстров явно замедлились. Они хоть и взрастали в самых неожиданных местах, но безо всякой спешки. Стихия была обуздана и помещена под отеческий контроль. В местных газетах замелькали словечки «регламент», «сроки», «подрядчик». Они сообщали совершенно любому сочинению толику благопристойности. И читатель нехотя кивал головой.

Трудно сказать, что именно утешало читателя. Наверное, догадки о природе небесного дыма на последних этажах высоток. Читателю казалось, что он понимает порядок вещей. А это возвышало его в собственных глазах.

Можно смириться с высоченными сооружениями вокруг, но нельзя – со своей незначительностью перед ними. Нужно по крайней мере стать вровень. Иначе проснётся желание разрушить. Или их. Или себя.



Я вовсе не склонен к уличным знакомствам. В большинстве своём они чреватые либо потерей времени, либо непрошёнными

последствиями. И потому получаешь вовсе не то, на что рассчитываешь. Да и можно ли на что-то рассчитывать в подобных случаях? Это либо бесприсветно самонадеянно, либо откровенно глупо, что одно и то же. Зачем же лишний раз расписываться в слабосильности своих умственных способностей? Это не новость... Подкреплять остатки уважения к собственной персоне сподручнее иными способами коммуникации с противоположным полом. Например, изменением качества отношений. А что? Перспективное направление...

Рассуждая во сне подобным образом, я обнаружил себя лежащим в тесной комнатке на диване, который занимал львиную долю её пространства. Линялые обои, облупленный подоконник, сиротская тумбочка в углу. На обоях угадывались разлапистые цветы, и я невольно пытался определить их сорт. Хотя ботаника меня никогда не влекла...

Нужно отметить, что благолепно рассуждать о богоугодности правильного поведения я мог только во сне. Наяву же вполне невозмутимо принимал и весьма неординарные обстоятельства, которые сам порой и провоцировал. Так что, когда я обнаружил спящее рядом длинноволосое малогрудое создание, сердце у меня не остановилось. Тем более не приходилось сомневаться, кто это. Но что же дальше? Долго ли будет длиться эта нечаянная пауза?.. И чем разрешится? И тут она протянула ко мне руку и открыла глаза.



– Поймите, мы не андеграунд. Мы не под землёй. Мы сами и есть земля. Между прочим, именно в нашем досточтимом городе, в одном сохранившемся ещё чудом домике на речном склоне и проходил почти полторы сотни лет тому съезд приснопамятной «Земли и воли». Организация тогда смогла сохранить единство – даром, что Плеханов свалил. И мы должны и сможем... У нас плехановых нет?

Но зато, слава богу, желябовы и морозовы имеются. Я говорю не о методах, избавь бог... Пули – это не наше! Речь об убеждённости, решимости, энергичности. Но при этом следует не просто демонстрировать свою пассионарность, а добиваться результата. В первую очередь мы призваны сделать дело, а не застрять любой ценой в памяти трусоватых сограждан.

Однако не нужно никого ни в чём упрекать. Это бессмысленно. От упреков никто ещё не перевоспитывался. Только озверевал. А человеческого и так на понюшку табаку в народе осталось... Поэтому подчёркиваю, корректность – дельный способ

не умножать беспредел. Это не абстракция, это практика. И это всюду работает. К чему нам отказываться от исправного?

◆ ◆ ◆

Один человек в социальной сети кинул как-то мне сообщение о том, что город наш пахнет черёмухой и добрым простецким табакком. И девушки в нём самые красивые. Он и сам в детстве жил тут на Базарной горе. И помнит, что это лучшее место в мире.

Я хотел ответить, что пахнет город нынче исключительно выхлопными газами, к девушкам мы привыкли, а на Базарной горе я не был сто лет. Но потом передумал. Зачем это ему? У него своя песня. И куда мелодичней...

Конечно, я не могу не помнить заросшие кривые улочки к прежней реке, млеющих мужичков в исподнем на призаборных скамейках, дикие косогоры, гибло поросшие амброзией... Но всё это из таких далей, что уже и не дотянуться. Только картинки являются. А ветер давно стих.

◆ ◆ ◆

– Что же мы будем теперь делать?

Вопрос её можно было понять всяко. А на все вопросы разом я отвечать не умею. Разве что молчанием. Иногда это в точку. Но отмалчиваться после первой совместной ночёвки – откровенный моветон. Поэтому после некоторого над собой усилия я промышчал что-то неопределённо-воодушевлённое. Этот нечленораздельный отклик произвёл на мою спутницу странное впечатление.

– Правильно, будем действовать, – резюмировала она.

Какие действия нам предстоят, я уточнять не стал. Сразу после это не к лицу. Как человек, не лишённый претензий на благородство, я должен был соглашаться на любой каприз.

– Тогда в семь вечера у рынка.

◆ ◆ ◆

– Это только кажется, что на определённом этапе высота служит и смыслом, и оправданием, и потенциалом. Безнаказанно увеличивать высотность не получится. Всё равно наступает предел – внезапно, моментально, неотвратимо. Конструкция рушится и под обломками хоронит своих строителей. Помнят ли они об этом? Не желают помнить. Потому как из игры всё одно не выскочить. Коллеги-зодчие не позволят...

Скажете, по-любому впереди руины? Руины руинам рознь. Иные почитают, а на иные плюют. А ведь руины – грядущая стройплощадка. И на заплёванном пяточке негоже что-то сызна нова громоздить: скользит...

И зачем через бессмысленные преобразования родины приближать распад? Нужно хранить её от распада. Пока хватит сил... А сил у нас хватит.

◆ ◆ ◆

Почему я не уехал отсюда? Привык, наверное. Привык видеть то, чего давно нет. Обшарпанные разудалые пельменные, поржавевшие телефоны-автоматы с вырванными трубками, незатейливые пивные ларьки в окраинных кустарниках. Визгливые раздолбаные трамваи, сирые общественные бани, мужичков, распалённых доминошными баталиями. Не то чтобы это меня слишком умиляло... Просто цыплёнок, вылупившийся из яйца, первое увиденное существо воспринимает как свою мать. А ребёнок, впервые осознавший окружающее, усваивает, что это – родина. А её не оценивают, её принимают. И с тем живут, пока живётся... Пусть она и сохраняется со временем лишь в воображении. Понимание, что её уже нет, но тем не менее она с тобой, греет и примиряет с действительностью.

Можно предположить, что, впервые увидев новые места, ты обретёшь другую родину. Но возраст уже далеко не младенческий, и каким взглядом получится поглядеть – бог весть. Всё может сложиться ровно до наоборот. А я не настолько экстремален, чтобы быть готовым к любому повороту событий. Оно и на отчей почве в крови адреналина хватает...

А может, это один из тех вопросов, которые лучше просто передоверить течению событий. Не пытаюсь ни грести против, ни ускоряться по. Что-то такое опасное происходит, когда усилие внешнее привносится. Сбиваются потоки, забраживают, водоворот гиблый вдруг образуется. И почему, каким таким образом, по чьей оплошности – поди потом разбери. Есть вещи, куда нельзя вмешиваться. Знать бы список этих вещей!

◆ ◆ ◆

– Почему я живу одна? Так вышло. Нет, замужем я не была. Я прямо от матери в нынешнюю свою конуру перебралась. Повезло, что было куда... Единственное, наверное, везение в жизни. Но по-крупному! Иначе я бы тронулась.

Мать как поддаст, начинала жаловаться мне на то, что аборт по дурости в своё время не сделала. Осложнений побоялась. А то бы не распиналась тут перед унылым дитём давешнего малодушья. Тактичная у меня матушка... На стройке работала. Крановщицей. Мужиков через день водила. Ох, и наслушалась я тогда стонов и криков страсти! Фанерная перегородка – чего там...

Мы прошли от рынка к площади вождя пролетариата. Это совсем рядом.

– Кстати, рассказывала, что все эти пьяные соития не доставляли ей ни удовольствия, ни радости. Просто считала, что без этого жизнь неполная... Я уж не знала, что и ответить. Интересная семейка, да?..

За площадью улица спускалась к водохранилищу, и если бы не новострой – открывался чудный вид на прибрежные холмы. Для этого нужно было прийти сюда десятью годами раньше.

– А ты думаешь, другие лучше? Может, и красивше фасадом. А ты поди внутрь загляни. Ежели пустят по случаю – двери-то кругом железные...



– Друзья мои, мы давным-давно живём в разных измерениях. Я бы не назвал их параллельными мирами. Векторы их страстей сплошь и рядом под разными углами пересекаются. Углы эти опасны и могут разрезать по живому. И разрезают. И ничего с этим не поделаешь.

Говорят, что всё срастётся. А оно не нужно, чтоб срасталось. Нужно, чтоб росло в нужном направлении. Кому именно нужно? Исконной природе, естественному развитию всего и вся, заповедному жизненному началу. Утрата направления – смерть. И её несут не ведающие того. А мы не имеем права быть пособниками смерти.

Наше измерение – главное. И вовсе не оттого, что оно наше. А оттого, что именно в нём произрастает то, чему и мы, и все они обязаны своим существованием. Наше дело – хранить это растение, потому как именно на его ветвях распустятся завтрашние цветы. На каменных стеблях цветов не бывает.



Я настолько консервативен, что никоим образом не могу изменить своим привычкам. Я издавна повадился вязываться в разного рода авантюры с непроглядным финалом. И это решительно удерживает от соблазна примкнуть к задорной братии атеистов. Только так жизнь приобретает ту палитру ощущений, без которых утрачивается её качество. А моя косность требует блюсти статус-кво...

Нужно сказать, что чем безрассудней приключение, тем полновесней жизнь в целом. Если только она не станет его жертвой: в увлекательных коллизиях ставки крупные. Но жизнь дорога и возможностью её потери... Слова, слова. Можно подумать, что я персонаж вестерна. Увы, только производственной тягомотной трагикомедии.

Но не время сейчас жаловаться. Не желаешь – не работай. Лапу соси. Никто по тебе плакать не будет. А я привык утром идти на службу, а вечером с неё уходить. И получать свои регулярные гроши: успокаивает. Не их скудость, конечно. А регулярность. Если жизнь есть ритм, то пусть он будет хотя бы таким. Его можно ругать, править, менять. Но отменять глупо. Разве ж самовольной отменой собственного бытия нынче кого проймёшь?..



- А почему ты скрываешь, как тебя зовут?
- Я не скрываю. Просто мне не нравится моё имя.
- Оно что – неприличное?
- Почему? Вполне пристойное. Только жутко выпренное.
- По звучанию?
- По значению.
- Кто же нынче помнит значения?
- Есть такие дурочки.
- Что же оно означает?
- Святая. И вместе с тем роковая.
- Разве так бывает?
- Сплошь и рядом.
- Заинтриговала... Может, всё-таки представишься?
- Не нужно... Всё исчезнет. Пусть будет как есть. Хорошо?
- Как скажешь.
- Вот и правильно, что не капризничаешь. У обладательниц этого имени очень сильная воля – и противиться им бессмысленно...
- Чем же ещё замечательны эти самые обладательницы?
- Они серьёзны и вдумчивы. Но с годами обретают некую сумасшествинку. Они главенствуют среди ближних. И чертовски работоспособны.
- Ты не на шутку опасна.
- Не более тебя.



Частный дом на углу не был ничем примечателен. Позеленевший шифер, узкие окна, надтреснутая штукатурка. Калитка была не заперта, и мы через тесный заросший дворик прошли внутрь. В доме никого не было, но мою спутницу это не смутило. Она решительно увлекла меня на дальнюю веранду. Там на дощатом полу обнаружился малоприметный квадратный люк. Нам предстояло ещё спуститься по скрипучей лестнице, пройти несколько метров низким коридором и оказаться в довольно вместительной для подполья комнате.

Говорил тут один человек. Остальные слушали. Голос вещавшего показался мне знакомым.

– Традиционно принято считать, что смерть возвращает человека в землю. И отождествляет его с ней. Не спорю. Но возникает закономерный вопрос: а разве рождены мы не из тождества земле? И разве мы должны забывать об этом тождестве? Растения и плоды – это уже его воплощения. А мы – потенциал...

– Он что, агроном?

– Нет, историк. В строеке преподавал.

– ...Мы производительная сила земли. И именно в ней должно возникать всё наше. Только отсюда возможно его победительное шествие. И мы не должны этого стесняться. Мы должны теснее сплотиться. Лишь в сплочении залог обновления. Вы понимаете, о чём я говорю? Будем откровенны. Именно эта заповедная территория, это гостеприимное убежище является материнским лоном нашего единения. Именно здесь мы чувствуем себя защищёнными от агрессивных глаз наших многочисленных недоброжелателей. Я знаю, что многие из вас любят друг друга совсем не только по-братски. А здесь зона любви. И духовной, и телесной. И где как не здесь уместней всего свершать это радостное таинство – акт любви? Где как не здесь, питаюсь целебными флюидами витальных пластов истории, физически творить её продолжателей? Именно здесь соитие приобретает качество уникальной чувственной скрепы с живыми, мёртвыми и грядущими. Не бойтесь преступить предрассудки! Они там, наверху, снаружи. Им не проникнуть в нашу святую святых!..

– Товарищ явно осваивает смежные профессии. Как тебе рекомендации?

Она пожала плечами.

– Ты равнодушна к коллективным оргиям?

– К оргиям – да. А к коллективу – нет. Если наше сообщество можно назвать коллективом...

– ...Надо постоянно учиться ощущать людей. Всяко ощущать. По мере способности. Мы должны познать друг друга сполна. У нас есть такая возможность. И у нас есть такая обязанность. В этом часть нашей миссии. Но сверх этого мы должны чувствовать и тех, кто возводит преграды нашему чувствуванью. И здесь как нигде нужна практическая работа. Нужно уметь смотреть в глаза этим людям, и тогда вы всё поймёте. Более того, вам станет ясно, что делать дальше. Методы у нас едины, но подходы индивидуальны! Нужно только уметь смотреть в глаза...



Ранним утром я, зевая, пересекал проспект и спускался по улице народного бунтаря, героя песни про княжну и речную волну. Отражённый свет водохранилища истово ел глаза. Вокруг прибрежных пивных ларьков понуро маячили вчерашние счастливицы. Ленивые прогулочные катера безмятежно дремали у пристани.

Бежал я небыстро, умиротворённо оглядывая водную рябь, пустую набережную, загаженные придорожные заросли. Это был обязательный ритуал, предваряющий все мои тогдашние труды и дни. Бег приводил меня в чувство, сообщал вкус к предстоящим перипетиям, давал силы для всего лишнего и пленительного. Нынче лишним оказался бег. По рынку следует двигаться шагом, дабы оценить, что по чём.

Возвращаясь, я трусил в гору. Честно пыхтел, обливался потом, но не сбавлял темпа. И потому как подъём приводил всё к той же площади пролетарского вождя – я, верно, пробегал и мимо этого дома. Только я не знал, что в нём есть такое вот подземелье. А может, его тогда и не было? Да, нет. Подземелья были всегда.



На стульях, расставленных по периметру, сидели вовсе не только яростные старушки. Главным образом, люди репродуктивного возраста. Улыбчивые, контактные, недурные собой. Они явно не вписывались в мои представления о завсегдатаях подземных словопрений. Да были ли у меня вообще на этот счёт какие-то представления?

А много ли из творящегося оправдывает предощущения? И нужно ли прислушиваться к последним? Может быть, это только сорняки, до поры заслоняющие реальность? И если их ликвидировать как класс, всё станет вернее и ярче. Даже под землёй.

Аудитория была дисциплинированной. Никто не перебивал, не шептался и даже не кашлял. Присутствующие лишь загадочно улыбались, точно знали что-то важное, неведомое посторонним. А слова выступающего только подтверждали их знание. И оно – общее и сокровенное – было их будущим. Наверное, и от меня ждали мягкой улыбки всеведения. Но я слухавить не смог.



- А как это всё происходит?
- Через взгляд.
- И только?

- Другие способы криминальны.
- Ты боишься криминала?
- Боюсь.
- А этот способ работает?
- Чаще, чем можно предположить.
- И что для этого нужно?
- Нужно уметь смотреть в глаза.
- А ещё?
- Нужно понять – кому, когда и как. И, конечно, встретиться.
- Как мало нужно!
- Потому и важно всегда быть в форме. На войне как на войне!
- Но ведь ты не воюешь...
- А что же это тогда?
- Блажь.
- В таком случае она хорошее оружие.
- Против прагматиков?
- В каждом прагматике сидит блаженный.
- И в этом всё дело?
- Не только.
- А в чём же ещё?
- Они не знают, чего от нас ждать.
- И чего же ждать?
- Какая разница? Главное – вовлечь в ожидание. Оно обезоруживает.
- И откуда у тебя такая обезоруживающая убеждённость?
- Из опыта.
- Какой в твои годы опыт?
- Опыт у земли.
- Прости, я и забыл...



Новостройки пустовали. Объявления множились. Штукатурка шла трещинами. Торговцы мясом яростно скучали и тяжело выпивали непосредственно на рабочих местах. Народ всё больше обходил рынок стороной.

Облака упорно дежурили на шпилях высоток, но не разрешались дождём. Все привыкли к дрянной погоде и не особо сетовали. Что есть, то есть.

Погода, вообще говоря, никого не интересовала. Все были увлечены проклятиями своей службе и боязнью её потерять. Вопрос трудоустройства всех испортил. О квартирном я уж и не говорю...



Она всегда была непоколебимо серьёзна. И ответный подожный холодок то и дело подталкивал к разговорам на отвлечённые темы.

– А почему ты так любишь стены картинками обклеивать? – вопрошал я, повернувшись набок и критически обозревая её жилище. – И вешать-то почти некуда. Всё урбанистика какая-то...

– Урбанистика?

– Ну да – сплошь телебашни, небоскрёбы, Дворцы спорта или бог весть чего...

– Мировоззренческое, наверное. Да и мамка у меня – не к ночи будь помянута – строитель какой-никакой... Так что – гены.

– Причудливо они у тебя работают.

– А что у нас не причудливо? Знаешь, почему я питаю слабость к изобразительному искусству? Потому что восприятие всякого другого искусства протяжённо. Ты читаешь книгу, смотришь спектакль, слушаешь музыку. А время при этом не стоит на месте. В тебе что-то меняется. Но непонятно из-за чего. То ли это вина произведения, то ли заслуга времени, которое в таких ситуациях многократно ускоряется и вообще становится физически ощутимым. А может и то и другое тут намешано... А когда видишь картину – впечатление получаешь почти моментально. По крайней мере, несравнимо быстрее. Тут работают холст и твои рецепторы. А минутные и часовые стрелки – точно не при делах. Понимаешь, это всё равно, что посмотреть в глаза. В этом случае есть возможность устранить всё привнесённое. А если пойти иным путём – пиши пропало...

– Но ведь в глаза чаще смотрят не для того, чтобы впечатление получить. Прежде всего, чтобы его произвести...

– В том-то и дело. Ты сам и есть картина, которая смотрит на бегущих, бредущих и упавших. И у тебя есть возможность сделать это неотразимо. Чтобы они поверили: твой взгляд и есть их момент истины.

– У меня такие таланты отсутствуют.

– А жаждут не таланта, а веры.

Я поворачивался на спину и долго глядел в потолок. Что я знаю о жажде?



Если бы я знал нужные мне вещи, то не был столь консервативен. Ведь именно консерватизм благополучно проводит его

носителя сквозь слепое облако незнания. Привычные тропы требуют лишь мышечной памяти, а не информации о маршруте. И здесь важнее верить себе, а не бог весть чьим директивам. Послушному мальчику при таком раскладе не сдобровать. Жизненно необходимо быть букой.

Далеко не самый очаровательный тип. Но что делать, ежели в родной истории – сплошь говорливые народники, вескословные террористы, пламенно ораторствующие вожди. Только уши развесить... Так что я в себе не виноват.

Мне до лампочки, что я слышу, возвращаясь со службы. Призывные возгласы мясников, нерешительное кудахтанье экономных пенсионерок или бредовые пассажи какого-то общественно озабоченного господина. Его истовые рулады неслись из динамика небольшого кафе у выхода. И я, признаться, порой приостанавливался: не всё же внимать самому себе... Но быстро убеждался в своей опрометчивости. Ей-богу, не стоит никого слушать.

Главное, было бы откуда и куда возвращаться. А воздух оплечь – с тем и задуман, чтобы его сотрясали.



– Друзья! Есть ли смысл смотреть в глаза тем, кто не видит тебя в упор? Конечно, есть! И смотреть страстно, выразительно, не моргая. Есть ли надежда, что твои визави прозреют? Конечно, нет. Но в их убогих мозгах обязательно отложится, что такие безумцы как мы – в наличии. Люди, готовые на свой взгляд, имеются! И это заставит подумать небожителей о многом.

И не только подумать... Хотят они того или нет – это неизбежно отразится на их действиях. Казалось бы – сугубо самостоятельных, мотивированных лишь проверенными расчётами, имеющих десять степеней защиты. Но внутренний калькулятор всякого счетовода – устройство сенсорное. И когда его рецепторов касается пристальный взор – система реагирует. И меняется. Этого можно поначалу и не заметить. Но об этом необходимо знать.

Капля камень точит. Камень их глаз, камень их высоток, камень их бизнес-планов. Ведь капля – это слеза. Горючая, едкая, яростная. Как ей материал ни сопротивляется, а она работает. Не явно, медленно, монотонно. Но на поверку оказывается, что этот режим и есть самый плодоносный. Нужно только дожить.



– Ну что, не подключиться ли нам к коллективной репродукции исторических персонажей? – вопрошал я, лёжа по своему обыкновению на боку. – А то отечественная история нам этого не простит. Помещение ждёт, вводные даны. Ты готова включиться в общественные усилия по этому вопросу?

– Нужно будет – включусь, – угрюмо отзывалась она и ещё больше хмурилась. И угрюмость её меня умиляла. Истина не в словах – в интонации. И я благодарно лобызал её в щёку.

– А как ты думаешь, земле доставляют удовольствие ожесточённые апелляции к её материнству? Разве сама она не разберётся, что к чему? Не первый раз замужем...

– Дурак! – миролюбиво парировала она. – Всё треплешься и треплешься. Нужно тебя как-нибудь на практику взять. Способствует духовному росту.

Мне нравился победный настрой. И я ловил себя на мысли, что невольно ввязываюсь. Уже ввязался.



Средства массовой информации наперебой предлагали приобрести недвижимость. Под офисы, рестораны, склады. Хоть под что-нибудь... Чем безнадежнее дела – тем отчаянней просьбы. Было бы кому откликаться...

Народ вкальвал. Если было где. А если негде – искал, где бы повкальвать. Сознательность росла на глазах. Бывают такие исторические периоды.

И я работал пуще прежнего. А что делать, если не работать? Книжки писать? Но нынешние сочинители – это плохо одетые полусумасшедшие маргинальные субъекты, активно ностальгирующие о литфондовских дармовых квартирах, шальных гонорах за выступления по линии бюро пропаганды, хлявных больничных с оплатой по червонцу в день. Нет, я предпочитал тянуть прежнюю лямку. Пусть и тянулась она с неслабым напрягом. Но обстоятельства, что ни говорите, мобилизуют. Какие времена накатывают – столько и сил откуда ни возьмись открывается...



И всё-таки лежать на боку я долго не могу, поэтому я заваливался на спину и продолжал.

– Ты утверждаешь, что успехи видны уже невооружённым глазом? Торговля стоит, торгаши бухают, новостройки пустуют... А может, они пустуют лишь оттого, что карманы у народа пустуют? Не здесь ли пресловутая собака зарыта? А вовсе не в сонме ваших гипнотических достижений...

– Ты это прямо как откровение высказал. Представь себе, знаю. А ты подумал, из чего всё это лепится? Откуда вся эта психифизика идёт? От таких, как я. Уясни, что не мы – из всего этого. А всё это благодаря нам. Но рано благодарности раздавать – работать надо.

– Над усугублением ситуации?

– Над возвращением к гармонии.

♦ ♦ ♦

Как ни грузили меня начальники, а время всегда выкроить было можно, что я и делал. И пускался искать в мутных виртуальных волнах ключи к реальным секретам.

И находил!.. Искушение узнать имя жило во мне уже многие дни. Я не силён в антропонимике, но хорошо запомнил, каковы его обладательницы. И вот монитор выдал текст, почти дословно совпадающий с теми характеристиками. Всё же лежит на поверхности. Как я сам не догадался?..

Ольга! Конечно, Ольга. Олёна, Лёля, Ляля... Как там ещё можно... Пусть будет Оля. Так лучше всего.

Она рассудительна и вдумчива. Но не стоит ждать от неё извинений и просьб о прощении, даже когда она действительно виновата. Она не любит советов окружающих. Она склонна к авантюрам: недаром среди аферисток и роковых женщин так много дам с этим именем. Порой её сильный характер проявляется в фанатичной привязанности чему-либо. Она до последнего будет выяснять истинную причину своих и чужих бед, а затем уничтожать источник несчастий, действуя во имя общего блага... Это она!

♦ ♦ ♦

Раньше на рынке имелся подвал. Там продавали семена растений, рассаду, саженцы. В подвал можно было спуститься и не заходя на сам рынок. Закупиться и выращивать потом что нравится. Но потом содержание подвала было признано нецелесообразным. И после реконструкции здания он исчез. Растения теперь выращивают централизованно.

Зато высоко над прилавками вырос второй ярус. Там торговали уже выросшими цветами. Но их покупали редко. На рынок шли не за этим.

Шикарные букеты манко выглядывали из-за перил нависавшего балкона. И проходившие задирали головы, но так и ограничивались любованием издали. Мысли изменить свой привычный маршрут и подняться не возникало. Так оно обычно и бывает.

Я хотел было нарушить эту всеобщую манеру, подняться и купить в подарок какое-нибудь совершенно сногшибательное произведение здешних флористов. Но решил, что нарушать чистоту эксперимента не стоит. Нам предстояло проверить себя всерьёз.

◆ ◆ ◆

Мы стояли рядом и смотрели сквозь стеклянную перегородку на следующих мимо. А я ещё краем глаза – и на неё. Взгляд её полнился притягательной скорбью. Многие посматривали. Некоторые даже оборачивались.

Я бы, конечно, ни в жизнь сюда не притащился... Но её очаровательная угрюмость! Благоразумие тут не при делах. Мы взяли по чебуреку, но так к ним и не прикоснулись. Нас целиком поглотило занятие, весьма далёкое от дегустации фирменных блюд. Мы ловили взгляды и всеми силами пытались удержать их. Несколько раз я чем-то робко интересовался, но она не удостоивала меня ответами, а только мрачнела и всё более сосредотачивалась на своём...

...Поначалу мне показалось, будто вижу своё отражение, разве что в лёгких потёках, неловких мазках, стекольной пыли. Если бы это был рукотворный портрет, то бесспорно – вашего покорного слуги. Но через несколько мгновений я поднял руку, чтобы протереть стекло, однако отражение осталось неподвижным. При этом я заметил, что глаза отражения нацелены куда-то за меня. А обернувшись, обнаружил, что из-за моего плеча выглядывает виновница этой дурацкой акции. Она мягко и решительно отстранила меня и подошла вплотную к стеклу. И потом долго, очень долго смотрела в лицо похожему на меня застеклольному человеку.

Я трогал её за локоть, но она стряхивала мою ладонь. Я что-то спрашивал, но она хранила молчание. Я кричал, но она не слышала... Я перестал для неё существовать.

Она обогнула перегородку и растаяла вместе с моим мнимым отражением. А я терпеливо ждал её возвращения. Долго, неизмеримо долго...

Потом я рухнул за столик и принялся яростно поглощать чебурек. Не прожёвывая глотал куски крупно рубленного мяса, втягивал в себя остывший бульон, истово грыз горелую корку. Челюсти работали с неожиданной ожесточённостью, недюжинные желваки безостановочно ходили, зубы дружно нхли от внезапной нагрузки. Вкуса я не чувствовал, но зверский аппетит не унимался. Уже приканчивая общепитовское, изрядных размеров

изделие, я понял, что следует остановиться. Поднялся, выкинул в урну вторую порцию и подошёл к стеклу. За ним шли люди. Иные остро косились на меня. И можно было подумать, что я чем-то им интересен.



Интересы, интересы, интересы... Иллюзии, облака, непогода. Некогда жить – только ёжиться. И согреться нечем. Разве только тем, что среди коммерческих предложений забрезжили какие-никакие сообщения о событиях? К примеру, этакое. «В нашем городе задержан человек, исповедовавший систему ценностей, требующую кардинального изменения существующего стратегического плана развития мегаполиса. Ему удалось сформировать определённый круг последователей, которые пытались дезорганизовать оперативную работу городской администрации, вербовали сторонников в общественных местах, втягивали население в деструктивные акции. Примечательно, что основным занятием задержанного были махинации с домами, предназначенными на снос, и земельными участками под новое строительство в историческом центре. В многогранной деятельности оборотистого проповедника разбираются правоохранительные органы». Ежели на план замахнулся – разберутся. Уж будьте уверены.



Резкие повороты, неожиданные пертурбации, новые расклады. Привязчивая мигрень, мерзкий холод под ложечкой, внезапные наплывы бессонницы. Это проходит сравнительно быстро. Не надо только прелестьям этим потакать. Нужно просто написать самому себе объяснительную, «в конце письма поставить Vale» и потом исправно соответствовать рекомендации.

Я редко разочаровываюсь, потому как и очаровываюсь не часто. Но второе, как следует из опыта, неизбежно влечёт за собой первое. И ничего с этим не поделаешь. Заламывать руки не стоит.

Хотя лукавлю, конечно. Печали, они накапливаются. Правда, со временем истлевают, покорно обращаясь в смиренный слой биографического пепла. Но лишь одно какое дуновение – и он всё твоё небо заслонит... Потому и приходится жить тихо. Ведь праху надлежит земля.



Сколько ни хожу – всё не запомню названия рынка. Городской, частный, колхозный?.. Всю дорогу ошибаюсь в именах и названиях. А если и не ошибаюсь – от этого не легче.

Можно, конечно, спросить, уточнить, выпытать. Но мало кто теперь хочет разговаривать. Да и мне-то это зачем?

◆ ◆ ◆

Я не отвечаю на взгляды, полные тоски по отклику. Я работаю. А потом оказываюсь в замкнутом на себе пространстве с грудями невостребованных тушек, призывными торгашескими криками, тусклым подземным светом. Замечаю ли я эти взоры? Да, конечно. Я не замечаю тех, чьи они. И вижу лишь дальнюю стену маленького кафе за стеклянной перегородкой. И когда зрение исчерпывается стенным камнем, спрашиваю себя, сколько же можно работать. Несметные стада дружно легли за эти годы на прилавки, целые поколения мясников спились к чёртовой матери, полчища сумасшедших мёртво окуклились в своих окончательных мирах. И новые шеи пойдут под нож, и другие рубчики доквасятся до чертей, и прочие вожатые слетят с катушек. Почему же именно мне суждено проплывать ежевечерней тенью и убеждаться в точности этих своих прогнозов? И есть ли смысл в работе, если ничто не меняется? Или именно в том её смысл и состоит? А иначе нарушится и этот зыбкий распорядок. И не будет очередной возможности выйти и понять, что ещё совсем светло.

2016

ЗИМНИЙ ВИЗИТ

Блики одного происшествия

Я испытываю по отношению к окружающему смешанное чувство превосходства и слабости: в моём сознании законы жизни тесно переплетены с законами сна. Должно быть, благодаря этому перспектива мира сильно искажена в моих глазах. Но это как раз единственное, чем я ещё дорожу...

Г. И.

НОЧНАЯ ЖИЗНЬ ВЕСТЫ

Заметки о морфеевых шутках

*Звериный цесарь, нежити и твари
Ходатай и заступник меж людьми!
Скажи, в каком космическом пожаре
Ты дух свой сплавил с этими костями?*

С. Г.

Утренние дымки над Биржей, матовая наледь на мостах, извозничий пар у подъездов... Неподвижное белёсое марево упрямо стояло над городом ещё с прошлого года. Январь двадцатого начался жуткими морозами. В театре почти не топили. Я то и дело дышала на ладони – мне казалось, что так теплее... Некоторые актёрки из Александринки повадились нырять в учреждения, о которых говорили шёпотом, и разживались реквизированными шубами. Понятно, каким образом... Шубам я завидовала, но через себя переступить не могла. Хотя заикнись я – дорожку бы мне показали. Говорили, что товарищам из органов я нравилась...

Я спасалась халтурами. Крутилась на износ, но по несколько лишних пайков за каждую имела. Глядя на других, жаловаться было грех. Кто-то продавал вещи, кто-то куда-то уезжал... Всё переменялось стремительно.

Помню, шёл «Маскарад». Когда объявили антракт, в гримёрку заглянула горничная и почему-то шёпотом сообщила, что меня ожидает Гумилёв. Странно... Гумилёв никакого отношения к театру не имел. Я была с ним знакома через Никса Бальмонта. Меня часто путали с его сестрой. Мы и вправду были чем-то похожи – рыжеволосые, с зелёно-карими глазами, розовощёкие... Я и не подозревала, кто этот нелепый ухажёр в офицерском мундире с Георгием. А когда узнала – признаться, обалдела. Имя уже звучало... Потом вскорости и походы по ресторанам заладились, и опереточные признания... Но не более – вокруг него всю дорогу одноразовые девицы кучковались. Это, прямо говоря, напрягало. А потому с год уже мы не виделись. Ей-богу, я о нём и думать забыла...

Он стоял на сцене за кулисой – бритый, косоглазый, безобразный. И надменно-отстранённо взирал на рабочих, меняющих декорации. Я вышла в белоснежном платье с огромным вырезом и бежевым искристым шлейфом. Причёску украшали страусовые перья. Должно быть, я выглядела неплохо. И Гумилёв вдруг переменялся... Засуетился, начал путано объяснять, что зашёл поговорить с режиссёром по поводу «Отравленной туники». Но главное – поговорить со мной. Можно ли ему подождать окончания? Очень важно. И у него новые стихи есть. «Заблудившийся трамвай». Моё мнение необходимо...

Нам было отчасти по пути – он жил на Преображенской... Гумилёв увлечённо рассказывал о войне – образно, жгуче, выпукло. Потом перескакивал на литературные новости, на путешествия, на Абиссинию. Я осторожно отвечала, что мне нравятся его «Конквистадоры»... Он доверительно сообщал, что отправил свою Аню в Бежецк – ей там лучше. Природа, воздух. Здоровье у неё неважное. А не зайти ли к нему? Хоть чаю попьём. Не на морозе же стихи читать. Так ведь и околет недолго... Я шла в каком-то сладком оцепенении, как овца на заклание. И он это, конечно, чувял... Клянусь, ничего такого. Всё будет спокойно, без рук... Ну вот и умница. Я всегда знал, что вы девушка без предрассудков...

Чаем, конечно, не обошлось. Я уже тогда могла немного выпить – французские вина, коньяк, но никогда не пьянела. Хорошая матушкина наследственность. Гумилёв вытащил листки: «Оленька, я никогда не думал...» Только потом узнала, что имя в стихах совсем другое... Жуткий лжец!

Я и не заметила, как оказалась в его цепких объятиях. Блузка рвалась по швам, пуговицы летели, застёжки срывались... С поистине абиссинской страстью он впивался в шею, стискивал рёбра, расплющивал живот. Стекланные бешеные глаза глядели

насквозь. Он был безумен, резок, нетерпелив. Чуть не разорвал меня иступлёнными своими толчками, всё убыстряющимися и крепнущими... А потом всё разом оборвалось. Но почувствовать ничего не случилось. Только внезапная пустота, озноб, возвращение реальности... «Я отвечаю за это кровью», – через минуту сообщил Гумилёв, пристально глядя в глаза. И я не поняла, за что именно...

В полдевятого у меня клиент... А сейчас уже почти восемь. Ужас! Шеф мне башку отвинтит. Бегом! Туалет, душ, кофе... Хотя какой тут душ, какое тут кофе?.. Работами нынче не разбрасываются! Слава богу, здесь рукой подать. Хорошо, что машина под окнами, а не на стоянке. Главное, чтобы пробок не было.

Благо, спешить научилась. Не делать лишних движений. Иначе засуетишься, растеряешься, завянешь навечно... Пропадёшь, короче. А мне это надо? Зажигание, газ, поворот налево... Всё на автопилоте. Сознание для другого нужнее. Пооди за одними обновлениями на ленте уследи. С утра битый час глаза таращишь. И толку – с гулькин нос. Квартиры нынче висят. И дома, и дачи, и участки... Потому как кризис. Сколько работаю – у нас всю дорогу кризис. Искать нужно, придумывать, исхитряться. А просто ишачить не получится. Это раньше прокатывало...

Стеклянная дверь, охранник, офис... Уф!.. Кажется, успела. Здравствуйте, очень рада, прошу... Прекрасно выглядите. Вы подумали над нашим предложением? И что же решили? И это окончательно? Напрасно. Очень жаль. Если что-то изменится – контакты у вас есть. Всего доброго... Вот и опять, опять... Облом за обломом. Просто ужас! Срочно придумать что-то нужно. Выгонят же ведь к чёртовой матери...

А без работы теперь никак. Тем более, когда одной воевать приходится. А может, одной и лучше – зубы острее... Было б кого кусать только...

Мой отец – генерал Олимпий Старынкевич. А дед Иван служил директором дворянского института. И просто помешан был на классическом образовании. Страсть сия и на домашних выплеснулась – именно с деда пошло в семье обыкновение называть детей греческими именами. Среди одиннадцати его детей, кроме Олимпия и его брата-близнеца Эраста, были и Сократ, и Муза, и Поликсена, и Ариадна, и Клеопатра... Не фамилия, а мифологический словарь. Видно, свобода нравов античных богов и отравила меня... А может, первый роман с учителем греческого?.. Да, я любила многих. И более тех, кто решает вопросы радикально. Именно таким был незабвенный Егор Созонов. Шикарный

эсер-террорист, бесстрашный убийца Плеве! Как можно было от него не родить? И конечно, сына... И не одного. Он и яд-то на каторге принял только во имя протеста. Красавец!.. Мой первый муж Серёжа Богданов, конечно, куда скромнее... Да, наш законный брак был платоническим – такая антропософская тогда была мода. Но я гордилась... И ведь знал, что виселицей закончится. А не отступился... А моя чёрная слава девятого года! Один за другим из-за меня застрелились сын покорителя Средней Азии генерала Головачёва и внук знаменитого драматурга Островского. Я бесцеременно отшила этих мальчиков. О, если б я верила, что они на такое способны! Растаяла бы непременно... Да они ли одни? Знаете, что неподражаемый «король поэтов» писал?

Она была худа, как смертный грех,
И так несбыточно миниатюрна...
Я помню только рот её и мех,
Скрывавший всю и вздрагивавший бурно.

Смех, точно кашель. Кашель, точно смех.
И этот рот – бессчетных прахов урна...
Я у неё встречал богему – тех,
Кто жил самозабвенно-авантюрно.

Уродливый и бледный Гумилёв
Любил низать пред нею жемчуг слов,
Субтильный Жорж Иванов – пить усладу,
Евреинов – бросаться на костёр...
Мужчина каждый делался остёр,
Почуяв изошрённую Палладу...

Но в один прекрасный момент я остро поняла, что мне не нужен никто. Кроме него... И где я его увидела? Наверное, у них в гостях, в Сапёрном переулке. Тогда весь Петербург там бывал. Все пенки общества... И Лёву, конечно, нельзя было пропустить. Чернявый, высокий, стильный... Вообще-то настоящее его имя Леонид. Но почему-то все Лёвой звали. Он ходил с тростью и манерно вертел на ходу бёдрами. При каждом удобном случае хвастался мнимой любовью к мальчикам и строил из себя разочарованного в жизни мизантропа. Такая в нашем кругу мода царила... Но было в нём что-то детское, наивное, настоящее. Писал лёгкие, несерьёзные стихи. Я и сама не чуралась... Не могу внятно объяснить, что именно в нём подкупало и завораживало. Но работало безотказно...

Я тогда была замужем за скульптором Дерюжинским. Не могу сказать, чтоб это замужество меня сильно тяготило. Но и сопровождать мою новую любовь не могло... Мне важна концентрация. Иначе какое это наслаждение?.. А потому пришлось подтвердить свою репутацию несравненной искусительницы и крошечной соблазнительницы и расстаться с очередным благоверным. И было ради чего! Блестящий, изломанный сын «миллионщика»... Подумать только, он был на одиннадцать лет моложе меня!

Кругом козни и шепоток, восхищение и зависть! Красноречивые взгляды, многозначительные паузы, двусмысленные комплименты...

Нагло врут, что всё это не важно. Это потому что у самих не случилось...

А как он следил за собой! Каждую мелочь продумывал. Сорочки, ремни, бельё... Имеет ли это какое-то значение? Ещё как имеет! Разве стиль – это не поэма?

Картавый голос, полный лени,
Остроты, шутки, детский смех.
Отменно злой в упорном мщеньи,
Спортсмен всех чувственных утех...
Привычный маникюр изящных рук
И шелк носков – всё, всё ласкает глаз...

Глупо? Зато от души. Ведь Лёва был необыкновенным. Иначе он бы не покончил с этим негодяем Урицким. Нет, Лёва не был кровожадным! Он звонил этому извергу много раз. Убеждал, доказывал, умолял... Нужно было прекращать безрассудные расстрелы. Но тщетно... Тридцатого августа восемнадцатого года Лёва пришёл в здание ЧК и застрелил мерзавца в упор. Бедный мальчик... Несравненный! Знаете, что он писал в камере смертников? «Человеческому сердцу не нужно счастье, ему нужно сияние. Если бы знали мои близкие, какое сияние наполняет сейчас душу мою, они бы блаженствовали, а не проливали слёзы...» В тот же августовский день Фанни Каплан покушалась на жизнь вождя пролетариата. Кто знает, что было бы, сложись всё по её плану?..

Мне пришлось бежать в Киев, Крым... Устраивать какие-то жалкие вечера с деятелями из бывших... Никто на них, конечно, не приходил. Меня не узнавали вчерашние друзья, втаптывали в грязь. Именно за то, чем раньше восхищались. Но я их не осуждаю. У каждого грязь своя...

...А сыновей своих я назвала Орестом и Эрастом. Они выросли замечательными. Но это была уже совсем иная жизнь... Лишь строчки иногда вспоминались.

Зима и зодчий строили так дружно,
Что не поймёшь, где снег и где стена,
И скромно облачилась ризой вьюжной
Господня церковь – бедная жена.

И спит она средь белого погоста,
Блестит стекло бесхитростной слюдой,
И даже золото на ней так просто,
Как нитка бус на бабе молодой.

Запела медь, и немота и нега
Вдруг отряхнули набожный свой сон,
И кажется, что это голос снега,
Раставшего в колокольный звон.

...А разве у меня самой-то имя не из того же лукошка? Веста... Хранительница очага... Да, Бог пошутить любит. Какова хранительница, таков ей и очаг... Где они, воскресные обеды да вечерние чай с бубликами? Одна только дырка от бублика...

И откуда все эти сновидения?! Ладно бы после корпоративов... А то бог знает с чего... Я ведь ночами сплю. А с дыхателями – только днём... Морфей точно умом тронулся. До смерти задразнить хочет. Всё без разбору в кладовку подсознания затаскивает. Только хорошего почему-то там не сыскать – точно испаряется всю дорогу... Общачи бесчётные, нищета голимая, весь в эмпиреях муж – объелся груш... Вот бы ему эти ночные глюки по душе были... Эх, ночи, ночи!.. Как мы любили до свадьбы по ночам гулять! На лавочках целовались, в каких-то заплёванных кафешках пиры устраивали... Огромные звёзды, шумные кроны, безлюдные скверы... Может, это всё от бездомности? А пустой тёмный город и был нашим домом?.. Каждый раз какие-то новые стихи... Чьи? Я о многих тогда ещё ни сном ни духом... У нас даже игра сложилась – угадывать автора по одной строфе. А уж если не получается – можно инициалы подсказать. Но это минус один балл... Поначалу я безнадежно проигрывала. Но потом... Проигрывать не в моих правилах!.. Ну и своё, конечно, выдавал. Мне даже нравилось... Эстет, сибарит, сочинитель, мать его!.. И как я столько терпела? Памятник ставить нужно. По редакциям скакала, бредо-

вые рассказы его пристраивала, в глаза всем лезла... И всё ради копеечки в семью... И ведь брали! А человека ни черта, кроме своих листков и компа, не колыхало. Уткнётся, бывало, на день, два, три – и трава не расти... А с чего ей расти? От этих прелестей разве только давление пёрло... В аптеки как на работу шастала. Продавщицы в лицо знали. А с него – всё как с гуся вода. Как жить, где жить, на что жить – всё до лампочки... Я уж и в каких-то предвыборных штабах отиралась, и на митингах зажигала, и в пикеты подпрыгивалась... Тогда за это отстёгивали неслабо. О, времена, о нравы!.. Кстаги, кстаги, кстаги... Муж, муж, муж.. А, может, и не впустую припомнился? Как знать... Нынче ведь с посторонними каши не сварить... А с работы погонят. А у него такая дача осталась – гарем размещать можно! Да отчего бы и не завести? Ходок ещё тот... И участок офигенный. А жить нынче по средствам положено... Времена за излишки мстят. Так что, может, и образумить человека следует? Не чужой ведь... Так вот подумаешь-подумаешь... Кто сны вещими делает? Не мы ли сами?..

«Бывают дни, когда я во блаженной и смиренной любви своей к Вам, мой единственный Бог, брожу без конца по пустынной набережной, и мне кажется, что я в золотой сетке качаюсь в синеве небесной. И нет у меня тела, – я Божья. И так хорошо, как в вечной жизни. И когда возвращаюсь домой, то стены пропускают меня сквозь себя, потому что я – не я. А часто я воплю дико и пронзительно, как вопит ночью вдова на могиле мужа. В провинции, в сумерки я была раз одна на кладбище и вдруг услышала сзади себя нечеловеческий вопль. Это вдова-крестьянка, как птица, билась на могиле мужа. И не плакала смиренно, как надо, а кричала бесноватым голосом в небо к Богу. И я знаю, что эти вопли разрывали сердце самого Бога. И я так часто плачу по Вас. Господи, Господи, что же мне делать, я не знаю. Простите за это письмо и не осуждайте меня». Представляю, как бледнел Блок, изучая эту эпистола! Он не ответил ничего. Да и виду не подал... И слава богу, слава богу!.. Пусть уж лучше стихи...

В моих глазах молчит пустыня голубая,
И в волосах завял полыни горький лист.
Я сторбилась, в ночных молитвах нагибая
Лицо горящее пред тем, кто так лучист,
Что мне не вынести магического взгляда
Его больших тигрино-трепетных очей.
Но трижды, трижды я вошла бы в двери ада
Лишь за одну из девственных его ночей.

Сложись всё иначе – моего суженого, верно, удар бы хватил... А он был так заботлив! Как рассказывал он мне о языке, славянском пантеизме!.. Я до глубины души прониклась. И даже псевдоним себе для литературных опытов оттуда выудила... Нимфа Бел-Конь Любомирская. Дико? Зато вьедается намертво. Белый конь у славян числился посланцем солнца и добра. Любомир – любящий мир, и коню понятно... А Нимфой меня величал сам Репин, весьма настойчивый поклонник. А друзья подхватили...

А какого лёгкого мужа мне Бог дал! Серёжа, Серёжа... Весёлый болтун, милый торопыга... Душа-человек! Уже в Москве к нам на чай Чуковский любил заглядывать. Верите, мы тогда в бывших палатах Бориса Годунова возле Иверской квартировали. Окна маленькие, стены толстые... Сергей сам их расписывал. Красота была!.. А когда Мандельштам приходил – скучный и страшный – всё Анной меня называть норовил... А Сергей мягко, но настойчиво поправлял. Он вообще волшебным мягким был. А всё одно злословили... Помню, позже уже... У Ахматовой вышло «Избранное». И у Сергея одновременно. Городецкий «Думы». И подзаголовок – «Семнадцатая книга стихов». Ахматова сборник этот перелистала небрежно и надменно бросила: «Семнадцатая книга стихов... Много я дам тому, кто вспомнит, как называлась шестнадцатая!..» Было б кому помнить...

Мой бывший – тоже Сергей. К чему бы это?.. Что за игра имён?

Я ведь филфаковская. А теперь дико даже, что каким-то Серебряным веком когда-то бредила... Оглянешься – обомлеешь. Что это такое было?.. Чем башка была забита?.. Помрачение, да и только. Хорошо, что обошлось. Могло ведь и гораздо хуже выйти. Запросто. Мало ли дур... Но Бог отвёл. А жизнь подвигла вперёд посматривать... Потому как чтобы жить завтра, сегодня выживать нужно. И из ума тоже. Из прежнего. Ум нынче особый нужен. Совсем не тот, что раньше. А методичный такой, необидчивый, бодрый. Чтоб тянул, да без надрыва. Без депрессий и всякого такого. А иначе с голоду загнёшься... Дело известное. Вон некормленная наша писательская общественность резво и с аппетитом саму себя и схавала. Во спасение... Одни объедки да потёки. Где стол был яств...

Когда-то я курсовую писала – «О незавершённом женском ковровстве». По материалу начала двадцатого века. Литературный быт и всё такое прочее. Вот где раздолье для раскрытия темы! Все кругом брехали, трахались, перемигивались... Но на поверку

всё это каким-то фарсовым, водевильным выходило. Даже когда стрелялись... Демоны их детскими были. Им лишь улыбнуться издали хочется.

А почему коварство не доводилось до логического финала? До полного разделявания под орех? Лишь одно-два телодвижения – и стоп... Вовсе не из-за мёртвой занозы благородства. А потому что треволнения тогдашних литературных дамочек предназначались для внутреннего пользования. Центростремительные нервические всплески не оставляли места для последовательных пакостей. Так, по оказии... Много чести! Главное – себя уловить и утешить. А что вокруг – дело десятое. Не стоит расстройств. Ольге Арбениной и Аня Энгельгардт лишь досадной случайностью казалась. Даром, что законная жена... Конечно, лучше б её не было вовсе. Но достаточно и просто себе это вообразить... И результат по сути тот же.

А Богданова-Бельская! Мужики прямо штабелями падали. И всё к ней в койку... А когда об неё ноги стали вытирать – ответить не умела. Ну, да – реакция, негодование, обида... А потом – всё в себя. А там, внутри – конструкции ох уж какие непрочные! Всё на соплях держится. Потому и спеклась. И исчезла с горизонта до конца дней своих... Только и знала, что депеши Ахматовой строчить. «Наверно, я вскоре умру, потому что очень хочу вас видеть и слышать – а я теперь тень безрассудной Паллады. Страшная тень и никому не нужная». А самой-то кто нужен был?..

Ресурс должен быть выработан. Незаконченность разрушает... Анна Городецкая, Нимфа... Хотя бы застрелить Александра Александровича попыталась. Всё бы для души спасительней было. А то не жизнь – а холостой выстрел. Угловое замужество, бесконечные кривляния, ранняя смерть в победном году... Во всём до конца идти нужно. Непройдённый путь мстит...

Как на меня тогда смотрели препы! Недоумённые рожи строили, пальцем у виска крутили. Как будто я в аудитории разделялась... Не то чтобы они такими уж дуболомными были. Работники высшей школы относились к своей деятельности с изрядной долей иронии. Над методичками потешались... Но им предлагалось косить под дурака... Если работать хочешь. Они и косили. И на фига им такие задрыги? Учебный процесс должен установкам соответствовать. А все эти дурацкие измышления – для перекуров в сортире...

Это только впечатлительные девочки могут об этом всерьёз... И думать по ночам до посинения, и обнаруживать в себе

нездешнюю пронизательность, и взвизгивают при этом от радости... И дурацкая радость эта длится, длится в никуда... Бродит, бродит в юной крови... И никакого выхода себе не находит... А чему, собственно, радоваться-то?.. Мало ли что когда происходило, мало ли кто что придумал... Понятно, бывало всякое и глядеть на это можно по-всякому... Ну и что? И как-то тускнеет всё. Стихи с ума не сводят, роковые красавицы не катят, сладкий флёр порока не улеточит... Вся эта солянка безвкусной становится. И аппетит улетучивается напрочь...

И куда ж тогда трепетной девице податься? Что за вопрос! С головой – в любовь... Куда ж ещё?.. Круглосуточные общаговские посиделки, повальные гитарные братания, нервные поцелуи на дымных лестницах... Там не до перин Серебряного века. Там рваные байковые застилки на подружачковских койках... А кто же он? Конечно, сорви-голова, сочинитель, бессеребренник... Сумасшедший, разбросанный, родной... Как не купиться? Сама такая... «Гляжусь в тебя как в зеркало до головокружения...» И радость сквозит из каждой форточки, и смутная башка не варит, и любая пошлятина окрыляет... Скользкое состояние. Но изнутри – здорово! А потому длишь и длишь его, как можешь... Но чем больше стараешься, тем печальнее результат. Дело известное. Хотя какая уж тут печаль? Всякий дым обречён рассеиваться... И это естественно. Дым – он и есть дым...

А потом, много позже – иное наваждение. Неведомые возможности забрезжили, манкие дали приоткрылись, головокружительные ветерки дунули... Бизнес, короче. Цепляй подешевле, толкай подороже. И ничего в голову не бери. На фига?.. Время конкретных пацанов. А что? Не лапу же сосать, когда кругом в шампанском купаются. Да что там шампанское... Вообще – что хочешь. А я к тому времени уже и хотеть-то разучилась. Так что приходилось всё заново... Один только минус. Если изо всей этой свистопляски вычесть деньги – ничего не останется... В плане благостного осадка. Только морока одна. Вся тогдашняя прелесть в деньгах и была. Так ли это мерзко, как малюют? Не знаю. В деньгах, как ни крути, пропасть обаяния. Лишь бы не грохнуть туда по дурости. Костей не соберёшь...

Но и это вскорости улеглось... Отошло. В зубах навязло, обрыдло. Да и времена изменились. Всё у нас меняется. По-тихому, но шустро. Одно только неизменно. Внутренний закон внутри нас. Закон воспроизведения разочарования. Может это и есть главное

орудие защиты? А иначе на каком-нибудь этапе крышу снесло бы окончательно. И поминай как звали... И просто жизненно необходимо, чтобы всё заканчивалось. А не висело бы камнем-якорем. В пучину же утянет...

Нельзя, нельзя, нельзя застревать. А словесность наша изящная – сплошь одно застревание, и любовь, туда её в качель... А застревание – это смерть... Да кто ж помнит?

Веста. Хранительница... А что я могу сохранить? Саму себя? Надолго ли? Ох, уж эта игра имён!.. В конце концов на дне души человек всё равно оказывается кем-то одним – или писателем, или любовником, или торгашом... Да, теперь я продаю квартиры, дома, дачи... И может быть, именно это – моё?.. И не стоит часто оглядываться? Не всё ведь так просто. Люди получают от меня то, где они могут быть самими собой. А не теми, какими их хотят видеть. Я сулю территорию, где они не обязаны играть ни во что. Идиотка-филология, всю дорогу жившая чужими жизнями, предлагает каждому его собственную... Это ли не великая возможность? Это, между прочим, свобода... Представляете, у себя можно делать абсолютно всё! Стоять на голове, заниматься извращениями, вдребезги крушить посуду... И это благодаря мне. Выходит, есть моим занятиям какое-то высшее оправдание... Даром, что выматывают до рвоты. А от чего нынче не тошнит?..

Ночь была плотная, шершавая на ощупь, сплошная как покрывало... Хоть глаз выколи. А сна всё не было. Хотя обычно дрыхну как убитая. После весёлых бдений в офисе – по-другому никак... Астения, как пить дать... Я даже наружу выползла, по району покружила, в кафешку сунулась... Но передумала. Завтра же на работу! Условный, блин, рефлекс. Сколько можно организм насиловать? По-хорошему с такой трудовой деятельностью завязывать нужно... Иначе она тебя в узел завяжет. Причём мёртвый. Сколько впахивать можно? Пока в ящик не сыграешь?.. Привыкла самой себе жаловаться. Потому как больше никому... А нужно не плакать, а что-то решать. Как всегда. Что проку kota за хвост тянуть? Всё ведь должно кончатся. И кончатся совсем... И я сняла трубку, помедлила малодушно и набрала вьёвшийся в подкорку номер... Боже, боже, ну пусть никто не ответит!.. Но нет... И надо что-то уже говорить... Ладно, будь, что будет... Значит, так нужно.

– Здравствуй. Как живёшь?

ФРАГМЕНТ РУКОПИСИ

Из безжалостно вычеркнутого

*И вопль протяжный «Хлеба! Хлеба! Хлеба!»
Из тьмы лесов стремился до царя.*

К. Б.

Я смотрю на неистово вспыхивающий снег недолго. Пусть за окном и красота беспредельная, но нужно возвращаться к испланному листу. Теперь это занятие мне милее всего. Водить пером по бумаге. Именно пером и именно по бумаге... Редкий сегодня полдень. Вокруг пленительно! Просто глаз не оторвать... Но я знаю, что вновь сяду за стол, расчелю ручку, чуть помедлю... И позабуду об иных зимних соблазнах. Разве можно их принимать всерьёз?

Что нынче писательство? Инерция? Амбиция маргинала? Просто способ убийства времени? Поди ответь... Может быть, лишь доказательство, что ты покуда жив?.. А кому это нужно? Прежде всего себе самому. Ведь писания нынче важны в первую очередь самим авторам. Если дело обстоит иначе – это уже редкая удача. Поистине нечаянная радость... Не беру, конечно, тех, кто пишет с изначальным прицелом на раскрутку и деньги. Там успех входит в изначальный замысел и диктует текст. Но такая диктовка – вовсе не гарантия триумфа. Это гарантия опасной примеси дурновкусия. Хорошо, если не убийственной... Творить и зарабатывать – вещи разные. И обе необходимые. Флаг в руки тому, кто их не разделяет. И слёзы по тому, кто их совместить не в силах. Тогда приходится выбирать и жертвовать. А жертвы всегда неизгладимы.

Либо сочинять мир, либо жить в уже кем-то сочинённом... Это только кажется, что можно определиться и действовать. Если Бог подсунил тебе этот вопрос, то вовсе не для того, чтобы получить ответ. А для того, чтобы ты понял, что обречён идти по многим дорогам сразу. И значит, так нужно.

Говорят, приходится определяться – или писать, или жить. Будто первое возможно без второго... А как жить-то, если выбрал писать? Об этом ещё в позапрошлом веке думали. Так, десяток литераторов договорились и 2 февраля 1859 года собрались на квартире Тургенева, чтобы подписать согласованный уже «Устав общества для пособия нуждающимся литераторам и учёным». Там и Чернышевский был, и Анненков... «Нет человека сколько-нибудь образованного, в жизни которого не играла

бы роль книга или, по крайней мере, газета, который бы не был чем-нибудь им обязан, не состоял бы в долгу перед ними. Участие в Литературном фонде – один из немногих способов уплатить хоть часть этого долга. Члены Литературного фонда должны были бы считаться не сотнями, а тысячами, десятками тысяч...»

Небольшая арифметическая выкладка. В первый же год своего существования общество, имевшее при своем основании 2200 рублей, владело уже капиталом в 35 000 рублей и назначило пенсии 15 лицам на сумму в 3510 руб. плюс выдало 56 лицам 7500 рублей единовременных пособий. А тогда деньги другими были... И пишущих было в разы меньше, нежели теперь. К середине позапрошлого века в журналах от силы пара сотен фамилий мелькала. А только в одном эссэсэзовском Союзе писателей на его излёте числилось около десятка тысяч душ... Это не считая тех, кто вокруг бродил. Или по-иному определялся... Правда, взносы и в позапрошлом веке не особо рвались платить. Членский взнос составлял не менее 10 рублей в год. Те, кто не платил больше 2 лет, из общества исключались. В первый же год существования общества 100 человек не внесли необходимых взносов; на следующий год число это возросло до 200 при 580 наличных членах. В 1867 году число членов, уплативших свои взносы, понизилось до 95... И в девяностые годы доход от членских взносов не доходил и до 4 000... Щедрый народец, эти писатели! Но ведь всё равно пытались что-то всем миром делать... И слава Богу, другие источники дохода находились. Например, авторские права на сочинения Надсона и Гаршина, имяние Плещеева... Кто алчет, тот обретает... И тогда же при фонде организовали кассу взаимопомощи – на долговые, пенсионные похоронные нужды... В участники кассы принимались все лица, причастные к журнальному и литературному труду. Ценное примечание, не правда ли? А куда они нынче принимаются? Разве что в бомжи?..

Или взять сталинские, да и послесталинские времена... Да, был идеологический прессинг, переходящий в физический... «Надо разъярить всем литераторам, что хозяином в литературе, как и в других областях, является только ЦК, и что они обязаны подчиняться последнему беспрекословно». Но разве забывали о бытовании сочинителей? Разумеется, видели только тех, кто успел пробраться поближе... Но ведь глядели!.. Ленину писатели были не нужны. Он от них избавлялся, от этих людей – из страны высылал. Сталин же, напротив, считал литераторов очень даже нужными. Если правильно всё видят и соблюдают. В противном случае – сами понимаете... Но он их подкармливал. И нужен был настоящий талант, чтобы и кормиться, и совсем уж с потрохами

не продаваться... Некоторые умудрялись. Хотя многим поступались, конечно. Что там говорить...

Зато теперь поступайся, не поступайся – никого это не проймёт. Ситуация забавная. Писатель... И профессии-то такой нет. Вот они и сбиваются в стаи, чтоб не стинуть. В любые. Чтоб на виду быть... А там уж как покатит. Общественно-политическое движение «Писатели против ветра!». Чем не перспективный проект?

Но разве это поможет? Всем до лампочки... В средствах массовой информации прошло сообщение, будто умершего Льва Гумилёва вызвали в налоговую инспекцию. Оно оказалось ошибочным. Как выяснилось, его призвали в армию. А что? Запросто.

Третий десяток лет про закон о литературной работе судачат... А почему ж не поговорить-то? За разговоры как раз платить у нас принято. Правда, смотря кто разговаривает... Да и сочинители, видя такое дело, тоже в лепёшку не расшибаются... Известный писатель так ответил журналисту на вопрос о своём распорядке дня:

– Встаю в одиннадцать часов, завтракаю в двенадцать, затем просматриваю почту, отвечаю на телефонные звонки, потом прогулка в парке, обед, театр и в постель.

– А когда же вы занимаетесь литературной работой?

– Как когда? На следующий день, конечно.

Если имеется, что выпить-закусить и сегодня, и на следующий день – тогда всё в ажуре. А если дома шаром покати?.. И на столе только писчая с парой строк... «Я смотрю на неистово вспыхивающий снег недолго. Пусть за окном и красота беспредельная, но нужно возвращаться к испанному листу...» А зачем возвращаться? Для слёз и соплей?.. А может быть, жизнь важнее, читатель?

ЦВЕТ ВЕТРА

Хроника раннего вечера

*И в твоей лишь сокровенной грусти,
Милая, есть огненный дурман,
Что в проклятом этом захохоту
Точно ветер из далёких стран.*

Н. Г.

Глаз от пламени не оторвать. Оно кровавое, могучее – во всё небо. Так и палишься неизвестно для чего. Даже когда душа сама горит дико. Дурацкое свойство. Наверное, в какой-то прошлой жизни я был языком огня. Ну вот, опять о прошлой жизни...

Сейчас мы увидимся и во всём разберёмся. Этого не может быть. Что бы то ни было – я её знаю. Нужно срочно поговорить. И всё разрешится. Это просто смешно... «Водила, дорогой, гони!» Позарез надо. Всё должно стать на свои места. А то мир запросто рухнет. Но это я так. Душу потравить... «Да не тормози, пролетай на жёлтый! Плачу вдвое... Жми!»

Я никогда не хотел быть в центре событий. Где-то рядом – да. Числить себя причастным, ценить ауру, рукой дотрагиваться. Это нужно. А растворяться – нет. Это словно на даче. Когда знаешь, что город рядом, слышишь шум пригородных электричек за лесом, видишь по вечерам дальние световые столбы. А не стремишься. Хотя знание и греет. Но тебе важнее твой ближний пригород. Он хранит и обещает. И ответы не мешают заповедным сумеркам.

И почему мне так важен цвет кожи? Чем смуглые бёдра пленительней белоснежных? Чем бледно-молочная грудь манче шоколадной? А чем трепетный матовый живот уступает страстному бронзовому? Вроде как не в колере дело... А вот для меня – именно в нём. И всё тут. И хоть волком вой. Это только горлан революции мог на горло собственной песне... А я иначе сочинён. И ничего не попишешь. А что поделать, если заводит меня лишь тёплый, золотистый, светящийся? Это куда больше, чем банальный тон эпидермиса. Это пароль.

И зачем меня так закодировали? Ведь и в этом, верно, есть какой-то смысл. Может статься, это лекарство от распыления. Гляди, дескать, лишь на то, чему глаз радуется. А вдруг дурацкая причуда вкуса – знак редкой целеустремлённости? Этаким врождённый иммунитет от ненужного и вредного. Ведь всё, ради чего себя перебарываешь – вредно. Только одно стоит этого вреда, а иное – нет. Поди отличи первое от второго... И пытаться нечего. Себя слушай чутче – и будет тебе счастье.

И я слушал. О, как я слушал! Полжизни на это потратил. И ясно усвоил: если что не ложится на душу – забудь. Бог с ним, что вроде положено. Или пусть будет, как у людей... Не нужно. Потом ведь вскорости озвереешь.

Ясный пень – всё бывает. И песне на горло наступать приходится. И плотно. И надолго. Но если постоянно на её кадыке топтаться – она дух испустит. Тебе это надо?..

А что по-настоящему надо? Немногое. Напаялить телогрейку да выйти во двор, полный снега и солнца. Постоять минуту, зажмурившись, да почапать к ободранному сараю. Отыскать в недрах его широкую лопату и приняться с божьей помощью за

дело. Без всякой спешки торить среди заносов дорожки, с удовольствием чують лёгкую испарину, в охотку подставлять щёки холодным лучам. И замечать, что отсветы стёкол веранды – цвета чайной розы. К чему бы это? Мне ли не знать, кому любви эти шипастые дивы! Но радостный физический труд призван отвлекать и развлекать, а не завлекать в прошлое. Или я не прав? Неужто не чудо, что всё вокруг в этот час окрашивается одинаково – в палевый, топлёномолочный, мягкопереливающийся. Как не раствориться в этой искрящейся роскоши бежевых теней, рукотворных сугробов, обледенелых ступенек? И я готов. Я уже подымаюсь. Проскакиваю коридор. Распахиваю входную...

Нужно спешить... Это как пятна крови. Чем они свежее – тем вернее выведешь. А когда им сто лет – то намертво... Тем более, что этого не может быть. И нужно только удостовериться. И сделать это нужно прямо сейчас. И всё срastётся. А как же иначе?

Чуть ли не с младенчества я грезил старостью. Она не была для меня временем дряхлости и увядания. Она представлялась идеальным убежищем от пройденных невзгод, щедрой наградой за постылые труды, редкой возможностью открыто выйти из чужой игры. И без отчёта любить чайную, педагогично лелеять свои привычки, неспешно наслаждаться своей отдельностью. Я глядел сквозь толщу времени, и старики представлялись мне удивительными и нездешними, наделёнными особыми правами на прихоти и знающими этому оправдание.

Страшно себе представить, что бы я делал без этой дачи. И как подфартило в сплошном угаре девяностых прикупить её за бесценок? И где теперь бывший хозяин этого волшебного терема, спившийся, широкой души художник? Верно, давно не на этом свете... Как мы с Вестой радовались, как безоглядно пировали! Крутогрудый тяжёлый «Камю», искрящаяся жирной влагой сёмга, пряный с дразнящим дымком карбонат... А как же иначе? Иной кров – иная жизнь. Круто, неведомо, странно. Это как заново родиться. С тех пор так и бродят по этим половицам отголоски праздника, так и окликают его, так и нащёптывают, что он не окончен. А коли так – он и впрямь никуда не денется.

За окном идёт снег, а я сижу и пишу. Ох, и давно же я мечтал о том, чтобы у меня была возможность с чистым сердцем самозабвенно начертать это: «За окном идёт снег, а я сижу и пишу».

Литературный агент из меня никакой. Прямо беда какая-то. Даже классную вещь не могу никуда пристроить, разве что по случаю. И тут, надо сказать, Веста выручала. Ходила, писала, переговаривалась. То кавалерийской атакой, то измором – но бра-

ла. Не всегда. Но и не редко. Чаще по теперешним временам, верно, и не бывает. Оно ей нужно? Нужно, конечно. Но не потому она напрягалась – видела, что мне стократ нужнее.

Дурная привычка: чуть что – прихлёбывать коньячок. Хоть нынче он и дрянной, а работает. Нужный внутри фитиль теплит. Разве ж без глотка нашему шоферюге что вдолбишь? А на сухую путь твой будет вечен – так в моторе и состаришься. Без горячего – горе.

Щедродушная Веста меня постоянно просвещала. Рассказывала, как усилиями своего наставника по Институту живого слова в сугробе у Летнего сада неожиданно лишилась девственности маленькая поэтесса с огромным бантом. Как автор не прочитанной по-настоящему книги «Форель разбивает лёд» спасался от старости в объятиях своего юного Дориана. И почему портреты подлиннее изображённых на них людей. Я благодарно внимал.

Давно уже никто из друзей-сочинителей не объявляется. Я и не в претензии. Жизнь – штука розная. Это только уже издали кажется, что шли гурьбой. Лукавое зрение такую мечту обратную тебе подкидывает. Для утешения и оправдания шаткого. Нет же! Всё было совсем не так. И не дай тебе Бог новых совместных походов. Если раньше топали просто порознь, то теперь – друг по другу.

Если поразмыслить без нервов – Веста хорошая. Только прикидываться любит. Шипеть, рычать, гавкать. Сама себя заводит – и вперёд. Тогда уж ничем не остановишь. Что творит – не ведает. И это длится, длится, длится.... Пока само не выветрится. Это надо видеть. Хоть и глаза бы мои не смотрели...

Кожа у Весты была скорее медной, чем золотистой. Тускло поблёскивающей, а не светящейся. Точно подёрнутой каким-то несмываемым налётом. Но я ей это прощал. Ведь всё равно высверки шли... А потому и время шло как умело. Непонятно куда, но шло. Наше с ней время, которое теперь остановилось.

В новогоднюю полночь товар ёлочных базаров мгновенно обесценивается, и груды еловых обрубок бесхозно громоздятся на растерзанных гуляками улицах. Хвойные развалы смотрятся дико и поучительно.

Совсем нынче повыветрилось сословие писательских жён. Есть ещё пока и сочинители, и супружницы их. А вот сословия нет. Нет горделивых выделываний друг перед другом, нет невзначай брошенных через плечо сногшибательных новостей об очередных мужних публикациях, нет всепоглощающих женских дружб против какой-нибудь особо беспардонной подруги жизни

очередной раздутой бездарности... Издевательски быстро прошло упоение принадлежностью касте, разрушив её в два счёта. Пришли другие упоительные вещи и без труда воспламенили опасные сердца бывших филфаковских красавиц. И молодые языки студёного пламени хищно проступили сквозь их ветшающую кожу. «Вещи осени – тыква и брюква...» – когда-то цитировали они между небрежным поцелуем и очередной сигаретой. И почему эта строка откуда-то из восьмидесятых запала? Нынче давно уже глубокая зима.

Если назвать вещи своими именами – всё станет на свои места. По крайней мере внутри того, кто назвал. Нужно только разобраться и точно определить. А это ох как непросто! Если бы страхи запросто выдавали свои явки и пароли, они давно были выслежены и обезврежены. Но их приходится упрямо стеречь одинокими январскими ночами, чтобы уже под утро внезапно схватить за горло и с решимостью маньяка потребовать: «Отвечай, кто ты?» И они назовут себя. И темень рассеется.

И ты увидишь, что лишь казалось, будто их тьма. На самом же деле их совсем немного. Всего три. Но дюжих и охотно ветвящихся, чтоб непроглядной кроной своей заслонить небо. А если взять ручку и лист писчей, то список окажется удивительно кратким.

1. Страх немощи.
2. Страх не востребоваемости.
3. Страх нужды.

Лишь эти горячо пульсируют в такт рассветному сердцебиению. Все остальные умозрительны...

Жена – как родина. Может родина отвернуться от человека? Да запросто. А потом и одуматься может... Но это ж родина! Ей простительно.

Веста рассказывала порой о сочинителе Тинякове, который в тридцатые просил милостыню на Невском. А перед ним лежала картонка с надписью «Подайте бывшему поэту». Фраза работала. Веста бы подала. Бывший поэт! Возможно ли было такое себе представить?.. А теперь их пруд пруди. И все с протянутой рукой. Да кто подаст?

Я безотчётно прикипаю к вещам, домам, скверам. Ну чем могли быть мне любезны заплёванные и прокуренные университетские коридоры с облупленной краской и наглыми тараканами? Дурацкими бородатыми анекдотами, дразнящей болтовнёй с безбашенными девицами, никотиновыми призраками необъятного будущего? Что за субстанция такая отравляла воз-

дух? И нынче – как зайду по случаю – та же отравка альвеолы распирает... Заклины мои безнадежны.

В детстве и отрочестве я очень любил читать книги про индейцев. Прерии, скальпы, томагавки... И на гэдэровские фильмы с югославскими актёрами через день бегал. И чем только голова была забита? А теперь вот думаю об индейских женщинах. Неужели они совсем красные – как огненные помидоры в августе? Быть такого не может. Наверное, какого-то особого, неопишимо-оттенка, который в кино теряется. И зритель остаётся в дураках. Что искусство? Эрзац. Натюра всюду, как ни крути, надобна...

С детства думал, что всё можно решить прямо и просто. Как у индейцев. Нужно только пристально посмотреть друг другу в глаза, и шелуха испепелится. О сколько бед лишь оттого, что в глаза друг другу не смотрят!

«Ветер у тебя в голове!» – смеялась Веста. Заливисто, громко, счастливо. И я любовался ею, улыбаясь глупо и протяжно. И светлое пламя шло по жилам, как от коньяка. Куда ж я без ветра?

Предметы вожделения не стоят его. Матка, к примеру – всего лишь мышечный мешок. Это анатомически вполне правомерное определение, сформулированное пожилой женщиной, меня несколько обескуражило. Ни в коей мере не медицинской новизной, а сладострастной вульгаризацией физиологии. Последней мандельштамовской прямоотой на женский лад. Хотя и в самом Мандельштаме ладов этих выше крыши...

В стремлении демонстративно переходить на эффектные формулы – изрядная толика кокетства. Хлесткого, стариковского, жутковатого. Может, лишь этим и утешается запоздало неутолённое тщеславие? Доживём – увидим.

Прямо рядом с участком пролегла река – в любую погоду сияя и холодная. Когда завязывался лёд, а склоны припорошивало юным снегом, мы с Вестой подолгу гуляли над откосом к этому унылому руслу. И она развлекала меня декламацией. «Зимний день, Петербург. С Гумилёвым вдвоём вдоль замёрзшей Невы, как по берегу Леты, мы спокойно, классически просто идём, как попарно когда-то ходили поэты». Вокруг не было ни души. Солнце переливалось в её зрачках. Словарный пар изо рта окружал нас облаком праздника.

О да, коньяк теперь ужасен как никогда!.. «Шеф, может, приложишься за компанию?» И что это он волком на меня поглядывает, точно у него последнее отнять норовят? Да, ласковые взоры нынче не в чести... Задумал, что ли, чего?

И я был не безгрешен. У меня имелась тайная квартира. Съёмная. О ней никто не знал. И мне это давало ощущение свободы. Хотя, если честно, я ней не пользовался. По прямому назначению. А так – приходил, курил, выпивал в одиночку. Уходил, так сказать, в параллельную реальность. И надо отметить – помогало. Оттого, видно, и общества никакого там не требовалось. Обычно это бывали ненастные непоздние вечера, когда смеркалось внезапно и стремительно, и я словно оказывался в невесомости.

Конечно, бывало всякое. И тут уж главным критерием был цвет кожи. Тёплый, золотистый, светящийся. Разве ж возможно устоять? Это не хищно-огненный, не по-индейски воинственный, не вызывающе-кровавый. Это не угроза. Это спасение.

Веста никогда не рассказывала, как что у неё получается. Просто сообщала о необходимых дальнейших действиях. «Позвони завтра по этому телефону. Спроси, куда прислать рукопись. Они в курсе»; «Сходи в банк. Сними всё, что есть. Мы покупаем дачу. Я договорилась»; «Обними меня. Я сделала новую причёску. Она того стоит».

Я снял квартиру не вдруг. Долго искал, выбирал. А какая галерея типов при этом предо мной предстала! Ни в сказке сказать... Особенно я любил уезжавших в другой город или за границу на ПМЖ. Они мало торговались, откровенно показывали дефекты всякие. И вообще вели себя так, как будто они уже не здесь. Профессор-немец,двигающий на историческую родину. Престарелая эмансипе, с тяжёлым сердцем воссоединяющаяся с детьми. Гуляка-наследник, весело проматывающий завещанное дядюшкой.

Лишь однажды Веста обмолвилась о своём. Дескать, у нас вовсе не худо тусоваться при выборах. Статейки для СМИ бодро стряпать, в кандидатских штабах допоздна засиживаться, головой на встречах с избирателями кивать. Раньше, конечно, бабки там крутились другие. Когда было, из чего выбирать. Но и теперь кое-что перепадает. Главное – не морщиться.

Лукавые мысли об отъезде посещали и меня. Где-то вдали маячили маленький ухоженный домик в пригороде с вежливыми замкнутыми соседями, ежедневные ранние вояжи в офис на игрушечном, купленном в кредит, авто, короткие рождественские каникулы в самых дешёвых отельчиках броских горнолыжных курортов. Скромное благополучие, довольство малым, ощущение возможностей. Большие светловолосые женщины – то ли англичанки, то ли немки, то ли скандинавки... Но меня слишком занимали мои писания. Я прекрасно осознавал, что

если раньше они были нужны узкому кружку любителей и приятелей, то теперь – лишь мне самому. И тем не менее почвой им полагал только здешние смятения. Ведь бывшие тутошние только и делают, что оттуда сюда пялятся. А тогда зачем? Если глаз всё одно в прежнюю сторону косит... Нет, я – невеликий почвенник. И патриотические порывы тут ни при чём. Сколь ни насаждай их, как картофель при Екатерине, они лишь, наоборот, работают... Хотя без картошки теперь – никуда.

Я долго ждал этого звонка, а потому не удивился.

– Здравствуй. Как живёшь?

Не раз я думал о том, какой будет её первая фраза. И ничего другого представить себе не мог.

– Как обычно.

– Откуда я знаю, какие у тебя нынче обычаи...

Это типичная Веста. Кавалерийская атака с ходу. На всякий случай. Для остротки.

– Значит, так интересуешься.

– Интересуюсь, между прочим.

– Неужели?

– Даже и глянула бы одним глазком.

– Я не ослышался?

– Если у тебя с чем и нормально – это со слухом.

– Compliments – это новый для тебя жанр.

– Так что? А то я и передумать могу.

– А угрозы – это традиционный...

– Ну, как знаешь.

– У меня, увы, нет никакого тайного знания.

– Стало быть, это горе от ума...

– Если уж горе – тогда конечно... Буду ждать.

Сто раз давал себе зарок не ёрничать. А так и подмывает. И получается всю дорогу топорно и вздорно. Мне бы по-другому... А не могу провокации игнорировать. Горбатого могила исправит...

Странные у меня перепрыгивания... Коньячного, что ли, происхождения?.. О чём же подумалось, когда пошли гудки?.. О том, что всего-то и нужно – стать монархистом. Тогда вопрос о выборах, где пробавлялась Веста, решится раз и навсегда. И будет одним искушением меньше – избранник уже в наличии... А что до избранников Эвтерпы – они потому и классики, что умели гасить соблазны.

Я решил накрыть стол. Это красиво. Нужно держать марку. Мало ли, что там было между нами... Этикет прежде всего. Бабкин столовый сервиз, серебряные ножи-вилки, салфетки

веером... Розовый лоснящийся лосось, огромная ваза фруктов, настоящий КВ из заветного загатника. Как положено. Никаких скидок на сложность момента.

Что меня удержало от отъезда? А то, что не с кем там поговорить, глядя друг другу в глаза. Там смотрят не в глаза, а насквозь. Не видят, но смотрят. Словно ты прозрачен, словно тебя нет, словно ты давно умер. А в потустороннем мире в глаза вглядываться незачем: там ничто ничего не значит. Всех и вся объемлет смысловая невесомость, и значения свободно кувыркаются, смешны и жутковаты. Это здесь по необоримой инерции что-то ещё имеет какой-то вес. А потому не взлетает на воздух окончательно и бесповоротно. И нет-нет, да и возвращается на свои места. И можно перевести дыхание и дать себе утешиться.

Она подлетела на такси, легко выпорхнула на снег, игриво помахала шофёру.

– Вот я и добралась.

– Прошу.

– А можно я по саду пройду? Я там сто лет не была.

– Пожалуйста. Дорожки расчищены. А что там зимой интересного?

– Ничего ты не понимаешь. Как не понимал, так и не понимаешь...

Оглядев сугробы и небо, она медленно проследовала к дальнему забору.

– Здорово тут у тебя. Молодец... Хозяйственный!

– А то ты не в курсе.

– Раньше не замечала.

– Где же глаза твои были?

– Всё больше на мокром месте.

– Бедная женщина с неудавшейся личной жизнью!..

Она горько усмехнулась и повернула обратно, давая понять, что экскурсия окончена.

Я всё собирался закупить бур, стёганные, штаны ватники, валенки с калошами, ящичек для разных причиндалов и, конечно, удилице. И одним прекрасным днём выдвинуться на реку – замёрзшую, твёрдую, кочковатую – пройти по воде аки посуху и не спеша выбрать себе место где-нибудь у дальнего берега. Обстоятельно расположиться, извлечь инструмент и приняться за работу. Бурить чутко, вдумчиво, с паузами. Постоянно прикидывать, сколько ещё осталось. Прерываясь, оглядываться по сторонам. Рассматривать заснеженный посёлок с дымками, дымчатого стекла небо, крутую излучину с обледенелым отко-

сом. Собравшись с силами, методично продолжать, плавно налегать, не давать разгораться нетерпению. Прислушиваться к безмолвию, ловить учащающийся пульс, радоваться внутреннему теплу. Забыть о многом, думать о сиюминутном, без остатка раствориться в работе... И наконец ощутить, что бур провалился вдруг в невидимое пространство, и ничто уже не мешает прямой связи с ним. Ещё несколько минут – и его обитатели устремятся к малой брешу в сплошном льду, потому как им попросту не хватает воздуха. В родных пределах воздуха всегда не хватает. И, полюбовавшись, помешкав, ужаснувшись, я стану вытягивать гибкие чешуйчатые тела в этот морозный мир, швырять их на шершавый речной панцирь и видеть, как радужные блики другой жизни пронзают студёную дымку.

- Прямо-таки не знаю, за что выпить. Редкий случай.
- Давай без тоста.
- Никогда не пробовал.
- О, как ты трогательно неопытен!

Высокие безлюдные берега. Прочные суставы хищного удилища. Красивые мёртвые рыбы, польстившиеся на чужой кислород. Рассеянная радость праздного дачника, шаткое равновесие невольного наблюдателя, глухой азарт серийного убийцы... К чему хочешь сердце прилаживай. Неутолимое искушение возможностью выбора. Или как принято – свобода. В смертной рубаше безмолвной зимы она кажется необъятной, желанной, бережной. Ею славно и покойно грезить в полудрёме после очередного глотка армянского, пока он вовсе не переборет сознание.

– А у меня для тебя сюрприз, – игриво протянула она, глядя в тарелку.

- Обычно за этим следует: «У нас будет ребёнок».
- Да? Это уж тебе лучше знать.
- Я не прав?
- Представь себе, именно так.
- В таком случае я заинтригован.
- Хочу сделать тебе новогодний подарок.
- Не ожидал.
- Должен же Дед Мороз приносить нечаянные радости.
- К сожалению, никто никому ничего не должен.
- Или к счастью. И тем не менее, тем не менее... Ты продолжаешь свои филологические упражнения?
- С грехом пополам.
- Вот я и решила по старой памяти порадовать матёрого греховодника.

– Хорошо, что память в порядке.

– Поздравляю с Новым годом! Пусть и у тебя всё будет в порядке.

– Желаю того же.

– Я нашла издателя на твой прошлогодний роман. Помнишь, как ты с ним тыркался? Издаст бесплатно. Даже гонорар будет. Невеликий. Но по нынешним временам более чем...

– Не шутишь? Вот это да! Спасибо. За тебя!

– Не за что. Я знала, что тебе это понравится. Договор, кстати, уже готов. Я дала его посмотреть знакомому юристу. Нотариусом работает. А то мало ли что...

– А что?

– А то. Всякое нынче случается... Хочешь, я ему позвоню? Он парень свойский. Подскочит. И ты сразу подпишешь. Чтoб дело не стояло. Что резину тянуть? Или в другой раз? Смотри сам..

– Да почему? Пусть подкатывает. Нальём.

– Будь по-твоему. Как всегда.

– Ой ли?

– Ой.

Этот старый, с ветшающими «сталинками» район тысячекратно исхожен мной вдоль и поперёк. Здесь живут мои призраки. Они не только из детства и младости завязанного пешехода. Иные из других жизней и времён, с которыми соприкоснуться не выпало. Но они сквозят в трещинах потускневших фасадов, ржавых водосточках, зияющих слуховых окнах. Они и есть томительная здешняя душа и щемящая прелесть. Когда распахиваются очередные двери и попадаешь в огромный, с высоченными потолками коридор, где запросто можно кататься на велосипеде, кожей чувствуешь по сию пору не растроченные токи этих бестелесных жителей, их мольбы и упования, приязни и катастрофы. Все-все запахи и привкусы, которые намертво пропитали эти выносливые стены. Благостное жжение обеденной «Столичной» после ноябрьской демонстрации, желанную терпкость «дукатского» дымка, тусклые фольговые блёстки пайкового шоколада. Сразу становится ясно, что самое главное в этом жилище уже есть. Нужно только не спугнуть обидчивых домовых, дать разгуляться им в своей крови, раствориться в трепетной иллюзии жизни. И они отплатят сполна. Потускневшие обои, скрипучие полы, несвежая побелка властно повлекут побыть и остаться, чтобы сладко дышать разрушенным воздухом и мучительно задыхаться от его избытка.

Нотариус обедни не портил. Он всё больше молчал, но улыбался охотно и дружески. Правда, рюмку отодвигал. За рулём, дескать. Но зато с анекдотами у него всё было в порядке – один

травил за другим. Специально заучивал, что ли? А нам с Вестой это было самое то. Общение теплело стремительно. Ещё бы! При таком-то массивике-затейнике!

– Если б ты только знал, как он мне помогает. И что б я без него делала?! – негромко делилась Веста, едва клонясь ко мне. – Не человек, а чудо! Это с его подачи...

Мы выпили за чудесного человека, готового в своё свободное время нестись чёрт-те куда, только чтобы сделать друзьям подарок. Такого теперь не бывает. И пришлось выпить за то, что всё-таки изредка случается.

– А где же подарок, а Дед Мороз? – жеманно спросила Веста.

Нотариус порылся в портфельчике и вытащил два экземпляра договора. Я не глядя подмахнул. Дарёному коню в зубы не смотрят. А нынче тем более.

На даче призраки ещё не обжились. Но тайком посещали её, присматривались, ластились к стенам. Этим придирчивым инспекторам помещение явно нравилось. Но дача была слишком для них новой. Слишком мало ещё памятного здесь осело. Чересчур разреженной была аура восторгов и терзаний. Непроглядно много было у дома этого впереди. А призраки дышат минувшим...

Мобильный у меня капризничал. Да я с ним и не дружил никогда... Потому пропущенные увидел не сразу. И даты были разные: Веста звонила несколько дней подряд. Рассказать, что ли, жаждала, как нотариус её проводил? Нотариусы, нотариусы, нотариусы... Прямо напасть какая-то!

Чем меньше закона, чем больше его блюстителей. И никакие снега им не помеха.

В детстве мне снилась моя старость. Первоначальная, ни к чему не обязывающая, странно желанная. На работу ходить было уже не нужно, и пасмурным осенним утром, обмотав подвядшую шею нежным кашне, я отправлялся гулять с немолодым вислоухим сеттером. Мы выходили в ближний сквер и долго глядели на тучи. Черноватые, плоскобрюхие, они быстро проплывали почти над нашими головами, заслоняя облупленные шпили послевоенных строений, крашенные церковные купола, облысевшие уже кроны деревьев из другого времени. Воздух был влажен и уютен. Хотя изрядный холодок то и дело забирался под кашне. Сеттер деловито справлял свои нужды и совсем не торопился домой. Мне тоже спешить было некуда. Почему бы и не подостыть малость? Чтоб желанней было возвращаться к полусонной жене и раскалённой заварке, вытертому пледу и тапкам без за-

дников, громоздким очкам и вчерашней газете. Разрумяненная от кухонного тепла хозяйка парила у серого окна. И от её светящихся щёк тучи становились ещё темнее, сплошнее, тяжелее. Я завидовал себе приснившемуся. Было неизъяснимо хорошо, что всегда можно сюда вернуться и всегда можно уйти. Но лишь для того, чтобы до колкого средостения пробрала тебя эта упорная непогода, вяло отозвалась горловым першением, щедро оделила дождевыми пощёчинами. А невозмутимый сеттер старчески переваливался рядом, прекрасно помня, чем кончатся все уходы... Я знал, что так оно наверняка и будет. Нужно только подождать.

– Так когда территорию освобождать будешь?

О чём это она? Или, может, я ещё не проснулся? Нет, трубка вроде и впрямь в руке...

– Не понял, милая.

– Это как раз тебя понять мудрёно.

– Слушай, хорош связистов кормить. Чего ты хочешь?

– Чтобы ты договор выполнял. Ничего более.

– А чего мне его выполнять?.. Рукопись готова. Пусть забирают в любой момент. И вперёд.

– Рукопись-то готова. Территория не готова.

– Какая территория?

– Твоего дачного участка, где разместятся типографские мощности. Там твоя нетленка и выйдет. Ты что, договора не читал?

– А с какой стати? Типовой договор на издание...

– Ну да, чукча-писатель, чукча не читатель...

– А что?

– А то, что по договору ты сдаёшь свою землю и постройки издателям в долгосрочную аренду. А они развернут там производство и тут же тебя издадут. И не обидят.

– А где, интересно, я обитать буду? Квартира у тебя осталась? Или это такое приглашение вернуться?

– Хватит строить из себя идиота.

– Ты уже всё выстроила. Так что я не при делах. При твоих. Никаких дел у меня ни с тобой, ни с теми, кто губы раскатывает, нет и не будет. Понятно?

– А какого чёрта?..

Я вырубил мобильник.

Ты пришёл на улицу литературы купить себе славы? Но там уже давно нет магазинов, что ею торговали. Они ушли под офисы и бордели. Ты опоздал. Но может, оно и к лучшему... Зато ты можешь запросто дружить с призраками. И никто не упрекнёт тебя в корысти.

Питомцы муз способны на многое. Веста рассказывала, что в послереволюционном Петербурге на выборах председателя Союза поэтов Блок опередил Гумилёва. Но тот не растерялся. Выкопал процедурные нарушения, организовал комиссию, настоял на повторном голосовании. И победил. С перевесом в один голос. На службу по ведомству Эвтерпы берут лишь задорных господ с крепкими локтями. И неутомимых дам с рабочими челюстями.

Тайная квартира – это свой удивительный отдельный мир. Но его отдельность и удивительность остры лишь вблизи привычного и необходимого плацдарма существования. Иначе желанное убежище само становится плацдармом. Сродни форту для борьбы с индейцами где-то на детском диком Западе. А мне это всё нужно вовсе не для борьбы... Оттого явка располагалась неподалёку от нашего с Вестой жилья. Хотя это было и небезопасно. Ну а какая прелесть без опасности?

Прежде чем пострадать за участие в боевой организации Тагинцева, он и сам армейский мятеж во Франции подавлял. Так что они с Богом квиты.

А можно ли сочинителю жить на виду? Не берусь утверждать. «Поэт хороший, но без тайны», – говаривала питерская «бражница и блудница». И речь тут не только о стихах. Может, «хороший» здесь и ключевое слово, но «всё же, всё же, всё же...».

И что это шеф на меня так пялится? Точно он тут главный. Посади идиота за руль – он и решит, что всё можно. У таких ведь одно на уме: можно или нельзя. И уж если да – изголяются по полной. Мелюзга безнадёжная... Ещё, что ли, глоток? Если о дураках и дорогах – у нас с этим дело, конечно, швах. Но разве хороший дурак и хорошая дорога – это решение вопроса? Всё одно едем незнамо куда.

«Женщины любят тех, кто ими занимается», – наставляла она уже на исходе жизни соседок по больничной палате. Да разве это только женщин касается? А я, увы, занимаюсь собой. Ничего не поделаешь. Профессиональная болезнь... Но не дай тебе Бог вылечиться от профессии!

Блондинки кричат громче. Кто это сказал? Полная чушь! Как раз наоборот... Но не в том дело. От них светлее. «Не потому что от неё светло, а потому что с ней не надо света...» Тоже чушь. Свет всегда нужен. Хотя бы и дежурный, кукольный. Он всё равно в тебя светит. И неважно откуда. Важно куда... Донце души радо любому лучу. Хоть и мнимому. Цена этому свету известна. Но от этого он не перестаёт быть светом. Всё ведь прекрасно знаешь, а западаешь и западаешь...

Всё же горит у них за солнечным сплетением какой-то неведомый фонарь. Они и сами не знают об этом. Хотя, бестии, догадываются. Не понимают, но чувят. Ещё бы не чувять, если у тебя в животе лампочка! Это не плод во чреве. И тут никакой физиологии... Тут чёрт знает что!

И почему я думаю о старости не как об удручающей неизбежности, а как о несбыточной мечте? Наверное, её нужно заслужить. И я пока этого не сделал. Потому и приходится лететь, опережая ветер. Дабы в пункте назначения ты не был стеснён соседством с другими ушлыми попутчиками. Ты должен без ненужных свидетелей сказать то, что следует. И прекрасно знаешь кому.

О, что было бы, окажись я в сталинскую пору на ковре какого-нибудь партсобрания! Страшно подумать. Разве что лишь издали любо глянуть на эти ходячие тренированные желваки, ясные решительные глаза, синие от нетерпения кулачки. За что? Да хоть за аморалку. Но это самое безобидное. Из этого тут же бы и другое выросло. Почва-то плодородная.

Сколько народу нашему путь не указывай, он всё круголя двинет. То ли назло, то ли с каким умыслом. Бог весть почему. А потому можно не напрягаться. Будь рядом – и всё. А где ж тебе ещё сейчас быть?

Прошлое нельзя своевольно арендовать на время. Оно согласнo только на вечность. Иначе запахи ускользают, тени прячутся, зеркала мрачнеют. И призраки, аки крысы от опасности, бегут без оглядки. Ищи-свищи... И что остаётся? Только стол, койка да сортир? Не густо. Потому со съёмным убежищем я распростился без сожаления. Оно стало пустынным и чужим. Там не было никого.

Отчего так веришь белизне? Дали, льдистые берега, занесённый участок... Может, и не стоит чистить дорожки? А власть замураваться тут, как в берлоге? Затаиться, забыться, исчезнуть. И спать, спать, спать – пока печали не сойдут со снегами.

Воинственные индейские кличи, бесстрастные юридические формулировки, хриплые постельные восклицания из неизданного романа сплелись в один атакующий гуд. Я закрыл уши ладонями, но это не помогло. Звук резонировал, креп, ширился. Он заглушал мотор, заполнял кабину, мёртво въедался в мозг... Единственным спасением был только скорый приезд. Очень скорый. Времени не оставалось.

«Гони! Тормозить нельзя!..» И чего он боится? Промедления бояться надо, а не скорости. Сколько раз в жизни бывало уже поздно! Всё делалось правильно. Но было поздно. «Жизни не знаешь, шеф!» Зашуганный нынче народ пошёл. Думает, если ушки

на макушке – всё склеится. Лететь нужно, а не озираться. Стать ветром, снежными бликами, слившимися в линию. Обратиться в промельк, в иллюзию, в ничто. В призрак. Нет, не сумеречный. Блётский, неуловимый, шальный. А иначе за прочими призраками не угнаться. Палевыми, золотистыми, светлыми. И они скроются навсегда. «Ты понимаешь, чудило? Навсегда!» Да и сам хорош – всё клянчишь, чтоб тебя поняли. А кому понимать-то? Этому, что ли, который вырывает по какому-то своему разумению? Да мы так до светопреставления не доберёмся... Да мы заблудились, что ли? «Ты совсем ослеп, фуфел?» Он что, нарочно? Где это я? Поживиться вздумал, урод...

Я рванул руль на себя и хлестанул бандюгу по рылу. Тачка пошла юзом, кувыркнулась и вылетела в белёсое, солнечное, слепящее... «Ослеп, ослеп, ослеп...» – мгновенно рассыпалось вокруг и разом кануло в круговом огне. Дикая хохот пламенной волной захлестнул небо. И я тоже стал пламенем.

Закат ещё едва разгорался. По снегу ползли бежевые блики. Ветки недвижно торчали в меркнувшем небе. Кругом радостно царило безветрие. Мы с Вестой медленно шли от крыльца к дальнему краю участка. Сухая искрящаяся тишина оседала в груди. Сквозь обледенелый штакетник проступали волшебные лучистые сугробы на самом берегу близкой реки, которая и подо льдом продолжала жить своей непреложной жизнью. Но о ней можно было только догадываться.

НОТАРИУС

Pro bono publico

*Он верный друг, он – принца датского
Твердит бессмертный монолог,
С упорностью участия братского,
Спокойно-нежен, тих и строг.*

В. Б.

Нынче нашего брата поразвелось дальше некуда. Друг о друга трутся, а дела нет. А то норовят и вообще из русла вытеснить. На всех водицы не хватает. А если ты рыба, то куда тебе на суше деваться?.. Ноги отращивать? Некоторые и отращивают – что поделаешь... Но это, слава Всевышнему, не про меня.

Никогда никого не учил жить. Боже упаси. У каждого свои рецепты.... Но для себя самого какие-то позиции обозначать – задача неизбежная. Незадачливых с их позиций в два счёта вышибают... Нынче дело обстоит именно так, как, наверное, и всегда... Но я не жил всегда. Я сужу только из сегодня...

Юрисконсульт, адвокат, нотариус... Что же я уяснил из своей богатой и причудливой практики? В дебрях закона нужно не указатели для клиента расставлять, а за ручку родимого вести по потайным тропам. И давать чётко понять, что они потайные. И приводить к мысли, что один он их ни за что не отыщет. А если и отыщет, то заблудится моментально. И его спасение – это только ты.

Нужно хорошо понимать, что клиент не твоего сочувствия жаждет. Ему твоё самостояние важно видеть. Ему нужно, чтобы ты смотрел на него спокойно, уверенно и порою с улыбкой. И был даже в некоторой оппозиции к его намерениям. Но чтобы это выглядело не противостоянием, а стремлением в должной мере внести необходимые коррективы.

Всегда нужно стараться установить с клиентом доверительные отношения. Это вовсе не значит доверять. Просто убрать из общения всё, что может вызвать недоверие. Так проще. И результативнее. И разговаривать на все темы – на какую-то клиент и западёт. Футбол обсуждать, комплименты делать, дурацкие смешилки травить... Вы знаете, как юристы читают стихи?

Ехали медведи на велосипеде,

А за ними кот задом наперёд (ст. 213. «Хулиганство»).

А за ним комарики на воздушном шарике (ст. 211. «Угон воздушного судна»; ст. Нарушение правил международных полётов),

А за ними раки на хромой собаке (ст. 245. Жестокое обращение с животными),

Едут и смеются, пряники жуют (ст. 212. Массовые беспорядки; ст. 264. Нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств).

Волки от испуга скушали друг друга (ст. 110. Доведение до самоубийства),

Бедный крокодил жабу проглотил (ст. 107. Убийство, совершённое в состоянии аффекта).

И сказал Гиппопотам крокодилам и китам:

«Кто злодея не боится и с чудовищем сразится,

Я тому богатью двух лягушек подарю

И еловую шишку пожалую» (ст. 291. Дача взятки; ст. 280. Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности).

Не боимся мы его, великана твоего!

Мы зубами, мы клыками, мы копытами его!

И весёлою гурьбой звери кинулися в бой (ст. 279. Вооружённый мятеж; ст. 282, 1. Организация экстремистского сообщества).

Прошу прощения за возможные неточности в названиях и нумерации статей: поэтическое волнение, знаете ли... Но сплошь и рядом одних смешилок маловато бывает. А клиент тебе позарез нужен... Вот одна дама-риэлтор, например. Через неё поток продавцов-покупателей идёт. Весьма своенравная особа. Кофе в офисе тут не отделаешься. Нужна развёрнутая программа. Пришлось в ресторан пригласить... Погодой повозмущались, власти хором поругали... А под занавес я выслушивал рассказ про её беспросветную жизнь. Это хороший знак! Оказалось, она по образованию филолог. И наизусть пару стихотворений прочитала. Фамилии авторов мне не сказали ничего... Я заметил, что Блок, между прочим, чуть не четыре года на юридическом отучился. И не он один... Так что мы, несомненно, родственные души! Ну и пошло-поехало... Столько сразу точек соприкосновения обнаружилось! Вобщем, вернулись в офис да так до утра и зависли...

Потом мы встречались только днём. По разным квартирам. А по ночам нужно выспаться! Это её всегдашняя установка. Да ради бога!. Мне-то что?.. «Я очень послушная. Что угодно сделаю. Но только в постели, – игриво заявляла он. – А потом уж не обессудь...» И была права. Совместные постельные бдения – это лишь повод перейти на ты...

Вообще дистанцию не соблюдать требуется. А играть с ней. Как художник со светотенью. Сближаясь, нужно время от времени с выразительной тоской поглядывать в окно. Отдаляясь, давать почувствовать, что возможно и новое сближение. И много теснее прежнего. И можно будет даже чем-то формальным и пренебречь в присных и неотступных делах наших... Так клиент и хрупкость своего бытия острее чувствует, и откликается легче и радостней...

Но идти на что-то по-настоящему важное и манкое, а потому пугающее, с одним клиентом можно только один раз. Иначе можешь потерять всё. Почему? Я и сам объяснить не берусь. Это как кантовский нравственный закон внутри нас...

Закон... Это не есть нечто незбылемое. И конечно, нужно стремиться участвовать в непрерывном законотворческом процессе. По крайней мере заявлять о своём видении необходимых изменений. Потенциальные клиенты должны знать о твоей креативной начинке. Заявлять нужно громко, регулярно, настырно. Иначе не услышат.

Я как-то пристрелял к одной региональной партийной ячейке. То да сё... Помог им пару раз. Взгляды мне их до и по... А положила руку на сердце – у них и у самих ни на что никаких взглядов... Но удочку насчёт партийного списка на выборы закинул. А почему бы и нет? Достойный представитель сочувствующей интеллигенции... Да и не в главную же думу – в здешнюю. Я парень воспитанный. А кто зарывается – того зарывают...

И что же? Пошептались-пошептались и включили. Понятно было, дело дохлое. Хотя, не скрою, червячок внутри шевелился... Но разве народец наш расшевелишь? У нас ведь как? На выборах сплошь блондинки. Цепанёт бюллетень – и к столу. – Ну и чё с ним теперь делать? – Бросайте в урну. Шары навывкате: – А где тут у вас урна? – Да вон же, вон! – А-а-а, спасибо, заодно и жвачку выплуну!

Не затем я эту комедию затеял, чтобы безбашенных вразумлять. Я что, идиот? А в телевизоре, в Интернете, в газетёнках посветиться очень даже полезно для здоровья. Психического. И сам к себе проникаешься, и клиенты охотнее с дензнаками расстаются... И само собой принимается, что тебя не на помойке нашли. Это, как ни крути, часть профессии...

Скажете, что я – лишь функция? Да, я решаю специфические задачи. И людей, и свои... А кто в обществе не функция? Такие оказываются вне общества. А мне важна самореализация именно в нём. А не в пустыне пред Господом Богом... Это не по моей части.

Чтобы продуктивно действовать, нужно вращивать в себе амбиции. Не на показ, а для того, чтобы движок внутри гудел. Чтобы дурака валять перед самим собой неудобно было... Вообще внутри нужно поселить этакого соглядатая, который вроде как ты, да и не совсем ты... А немного со стороны поглядывал – даром что внутри... И всё будет крутиться-вертеться как положено.

Ведь на таких, как я, всё и держится... Это только кажется, что без меня можно легко обойтись. Всё развалится в два счёта. Не будь нужды – я бы и не родился вовсе...

Нотариус обращается к своей посетительнице:

– Итак, по вашей просьбе я записал в вашем завещании, что-бы вас кремировали, а прах развеяли над торговым центром. Только я не пойму, зачем вам это?

– Так я буду уверена, что моя дочь часто будет меня навещать.

Вот я и делаю так, чтобы люди навещали друг друга. И много-много из нерешённого решали... Разве это не замечательно?

ОПРАВДАНИЕ РЫБЫ

Из жизни подо льдом

*Рыбы не льют слёзы:
упираясь головой
в глыбы,
в холодной воде
мёрзнут
холодные глаза
рыбы.*

И. Б.

Что там над ледяным панцирем? Процарапанные морозом чёрные силуэты вечерних птиц на слюдяных небесах? Седые дымы над заснеженным посёлком за недалёкой лесополосой? Беспорядочные заячи следы на белом степном покрывале? Я этого не вижу. Но оттого представляю чётче и реальной, чем позволяет обычное зрение. Такая, верно, награда за мнимое смирение с участью. А поди попробуй тут разберись, что мнится, а что и впрямь таится в крови...

Над плавником – матовое, сплошное, непроглядное. И нет ни конца ему, ни края. Сколько по руслу не иди – всё то же самое. А идти необходимо, иначе оно не кончится никогда. Но хочется не измором да упрямством взять. Хочется нечаянного подарка. Хочется внезапной милости... Но её нужно заслужить. По-иному не бывает.

Люблю идти против течения. И совсем даже не из-за супротивства. А для того, чтоб тело тренировать, чтобы в тонусе быть всю дорогу, чтобы иметь право приказывать себе сочинять. И не угрызаться о бессмысленности. А по течению и брюхом вверх – это всегда запросто...

Там наверху сидят сумрачные рыбаки, плятятся в мёрзлые лунки, ёжятся от жизни знобкой. И ждут, ждут ждут... Это главное их занятие. До чего одинаковы их покатые спины, массивные валенки с галошами, выдавшие виды ящики с нехитрой снедью! До чего похожа наживка на типовых крючках, застывших в тягучей водной толще! И кто позарится на жалкую приманку?.. Но они не рошщут. Они знают какой-то важный секрет. И ни за что не желают его выдавать.

Если уж и клевать на наживку, то не потому, что жрать хочется. А потому что рванёт крючок тебя к небу. И ты жизнь иную

увидишь. И залюбуешься, заразишься, забудешь всё... На это и впрямь купиться не грех.

И к какой породе себя отнести? Ума не дам. Верно, не мелочь пузатая... Но породу определяют, когда выловят. Дабы понять, что с этим чудом делать: как готовить и почём продать можно. Тут меня по разряду и определяют – никуда не денутся. Я только ничего про это уже не узнаю. Да невелика потеря. Будто изменится что...

Порой мне кажется, это тело в чешуе, с жабрами и плавниками – не моё. Конечно – влекло, волокно, кружило меня и раньше. Но был я щепкой, ниткой, песчинкой. Частицей какой-то неразличимой. Но потом кто-то решил, что время вышло – и нужно менять обличие. А это не происходит постепенно. Только – разом...

Обличия будут разными. Я обязательно стану тем, кто находит этому подтверждения и оправдания. И тоже видит оплечь один лишь лёд. И также бредит рекой. Только называется она по-иному. На неё то и дело в стихах кивают...

Он садится за письменный стол, берёт белоснежный лист и тупо смотрит на него в упор. Он не любит компьютер и пытается пробить лёд листа пером. Как и многие-многие другие. Но теперь его очередь. И отступать некуда.

Ночью в подвале потчевали форелью, приготовленной по фирменному рецепту. С особым соусом. Лопались хлопущки, сеялось конфетти, мелькали гирлянды. С маленькой эстрады под одобрительные возгласы горячо читались идиотские поздравления. В увесистую «Свиную книгу» дружно записывались экспромты и фривольные послания. Праздничный шум и гам настойчиво перемежался нескончаемым фужерным звоном. Разгорячённые завсегдагаи усиленно развлекали надменных небожителей с подведёнными глазами. В углу на повышенных тонах безоглядно спорили о модных журнальных новинках. Юркий распорядитель неумоимо сновал между столиками, стараясь хоть как-то скоординировать вышедшее из-под контроля действие.

Новый тринадцатый год сулил фейерверки и карнавалы, удивительные знакомства и головокружительные влюблённости, беспримерные строки и лёгкую славу. Всё только разгоралось, искрило, обещало... Яд причастности пьянил сильнее шампанского. Всех непричастных, случайных, посторонних независимо от рода занятий за глаза именовали фармацевтами. Почему фармацевтами? А бог его знает... Но сколько в этом презрения! Круг посвящённых был самодостаточным. И название заведения было весьма метким – «Художественное общество интимного

театра». Правда, в обиходе его называли проще. Так и прижилось. Картонные маски, фатовские банты, дурацкие колпаки...

Есть ли нынче оправдания подробным описаниям? Беспардонно фотографичным и кичащимся нарочитой документальностью. Обстоятельным и многоабзачным, с каким-то извращённым сладострастием в своей неистощимой тщательности. Претендующим на первостепенное внимание и успешным в своих претензиях. Не отнесло ли их за пройденный давно поворот неумолимым течением? Не обман ли они зрения, не глазная причуда, не игра ли света? Потому как мнится, что случилось уже их миновать, а они по новой проступают по берегам...

Время нынче такое – сплошной лёд. Это раньше отблески да переливы соседских плавников радовали. Красиво же! А нынче зябко и не до красоты... Только и думаешь, как свои бы не повредить. Тогда либо на дно, либо на сковороду. И разве кто поможет? Только и видишь – крючки, крючки, крючки. Что ни прорубь – свой крючок. Вот и вся помощь...

По берегам светятся ранним огнём заснеженные дома, тяжким стеклярусом мерцают обледенелые провода, наливаются силой робкие тени. Я не могу это видеть, но знаю наверняка. Там идёт иная жизнь, о которой можно только догадываться. И я выстраиваю её всю целиком – до самых ничтожных мелочей. И знаю её много лучше увиденной. И она дразнит, влечёт, ошеломляет... И вытесняет мою собственную.

Виду боковым зрением, как движутся мимо другие рыбы – медлительные, дородные, с несуетно мерцающей чешуёй. Мы словно не замечаем друг друга – взгляды проходят насквозь и теряются в речных недрах. Я не существую для них, они – для меня. Мы живём в разных измерениях, и разве что порой совпадаем в пространстве. Потому как русло на поверку узкое и никто никого не минует.

Кем же я стану, когда лишусь чешуи, хвоста, плавников? А это обязательно рано или поздно произойдёт. Обличия вечными не бывают. Конечно, никто не расскажет, что меня ждёт. Но любопытство заставляет идти по руслу всё дальше и дальше. Может, это и есть главный мой двигатель?

Неподвижные, сиднем сидящие у лунок рыбаки в густой заиндевелой щетине... Чем полнятся их непроглядные души? Безденежье, бытовуха, жёны-любовницы?.. Частые задержки на работе, поздние звонки с путаными объяснениями, жалкие попытки вырваться из обрыдлого круговорота... И всё скомканно, второпях, с оглядкой... Адюльтер. Слово-то какое красивое! А что

за ним? Нервы, пот, угрызения... И как можно всё это терпеть? Если уж такое вошло в плоть и кровь, нужно что-то в родном сумасшедшем доме менять. И почему так упорно не замечают эту муторную неразбериху? Делают вид, что так и надо... Да встаньте и скажите: «У нас отныне никакого лицемерия. Если человек так сконструирован – пусть будет так! И не нужно заламывать руки, рвать на себе волосы, биться в судорогах – спокойно посмотрите правде в нестрашные глаза и примите её как родную».

Берега, берега... Но по весне, глядишь, и выйдет река из берегов. И реку понять можно... Да только что проку рыбе-то от этого понимания? Река в русло вернётся как ни в чём не бывало и зашустрит себе дальше. А рыба – ежели она с рекою вкупе за берега последует – потом там и останется коченеть средь сохлого ила. И ничьих слёз не случится. Здесь не слезами живут, а водой шалой...

И что там на берегах? Не знаю. И знать не могу. Сам я не увижу никак. А веры в сторонние рассказы никакой. Какой идиот нынче верит?.. Могу только догадываться. Но зато есть отчётливое ощущение, что догадки мои верны.

«Каждому своя живая вода. Мне – любовь. А всё остальное – суша», – говаривала девица Старынкевич, прославившаяся умопомрачительными похождениями уже совсем под другой фамилией... Алексей Толстой описывал её весьма колоритно. «...Такой гнили нигде не найдёшь – наслаждение!.. Посмотри – вон в углу сидит одна – худа, страшна, шевелиться даже не может: истерия в последнем градусе, – пользуется необыкновенным успехом». А уж малорослый, с нафиксатуренными редкими прядями обладатель огромных византийских глаз выражался в «Гимне Бродячей собаки» с убийственной определёностью...

Не забыта и Паллада
В титулованном кругу,
Словно древняя Дриада,
Что резвится на лугу,
Ей любовь одна отрада,
И где надо и не надо
Не ответит, не ответит, не ответит: «Не могу»!

Был момент, когда у неё одновременно имелось шесть любовников. Узнав об этом, они разбежались в ужасе. А в это время отец-генерал настойчиво писал Палладе письма, требовал никогда и ни за что не оставаться в комнате наедине с мужчиной. Это неприлично! «О, бедный папа...» – вздыхала Паллада, демонстрируя папины эпистолы Ахматовой.

Думаю, что иду по руслу лишь потому, что нет за мною пригляда. Иначе не смог бы. Стеснялся бы, тормозил, да и застрял потом намертво... На виду – ты не ты. Взгляд извне слишком уж много внутри меняет... Такой вот фотозэффект. Но если над головой лёд, кто ж тебя сверху высмотрит? Стало быть, вышним взорам ты недоступен. А рыбы соседские не в счёт. Они всё одно себя в тебе видят... Вот ты сам себе и предоставлен. Чего же ещё желать?

Сегодня ты упрямо идёшь подо льдом неведомо зачем, завтра взлетаешь на крючке неведомо куда... Сетовать не на что. Так и должно быть. Угнетает лишь будничность рубежа. Никакого трагизма, пафоса, истерики, наконец... Просто окончание. И начало.

А так ли важно, в каком ты нынче обличии? Ведь знаешь наверняка, что будут иные. И уже обживаешь их заранее... Ты весь там, и только чешуя по недоразумению держится ещё на упрямых костях. И ты идёшь по ледяной воде неведомо куда. И другого пути нет.

Тот, кто движется по руслу речному, бредит житьём береговым. В каком-нибудь просторном рубленом доме – чуть поодаль, не на самом краю. Чтоб сухо было, тепло, покойно. И чтоб река виделась – но только со стороны. Разносолы в погребе, лист писчей на столе, лопата для снега в сарае... И ни души вокруг.

Станешь вставать рано, чистить снег, садиться к столу. Припоминать какой-нибудь затёртый эпитаф, множить под ним прописные истины, любоваться на то, что начерталось. Воистину не будешь сторониться банальностей – приучишься находить в них радость. И, повторяя многих, станешь выходить по случаю из берегов знобкого уединения, срывать на вечерних попутках в соседний посёлок, с нехитрой снедью в охалке негаданно заваливать в гости. В потном и сытном застолье швырять проходные остроты в жадный огонь взрывного смеха, поддразнивать хозяйку лукавыми рассказами о прелестях житья бобьельго, ловко вворачивать в паузах что-нибудь из хорошо забытого...

Непрошенные гости
Сошлись ко мне на чай,
Тут, хочешь иль не хочешь,
С улыбкою встречай.

Глаза у них померкли,
И пальцы словно воск,

И нищенски играет
По швам жидовский лоск.

Забывшие названья,
Небывшие слова...
От тёмных разговоров
Тупеет голова...

И сладко чуют пробужденье крови, жар, тесноту за грудной... И не спеша забывать всё – где ты, с кем ты, кто ты... И дорожить не памятью, а радостью нутряной. Сладко парить в дружном шуме и гаме, плавно уходить в манкую невесомость, легко растворяться в дымном веселье без остатка. И в странном сне видеть себя большой ледяной рыбой с неподвижными спойными глазами, привыкшими к подводной темноте.

И почему рыбы не улыбаются? Может, в этой равновесной отстранённости – охранная грамота? Ведь лишь у караса жареного прежде улыбка имелаась... Через неё на сковородку и угождают... Не знаю почему, но уверен, что попадусь на удочку именно бумагомарателя. Другие категории ловцов давно уже не вызывают никаких эмоций. А эти с безнадежным упрямством всё пытаются поймать нечто подводное и невидимое – то, чему и сами имени не ведают.... Слишком они смешны и жалки, чтобы не помочь им...

Ох, уж это манкое тепло! Течение парного молока вдоль мягкого позвоночника, восход лёгкого солнца под ложечкой, дружное цветение невиданных водорослей в обморочном мозгу. И рядом желанное. Чьё-то пульсирующее, лучистое, бесчешуйчатое тело... А разве на берегу можно жить без чутких плавников и сплошной чешуи?

В береговой жизни я бы выбирал час, когда закат ещё только разгорається. По снегу ползут бежевые блики. Ветки висят недвижно в меркнувшем небе. И в округе безраздельно царит полное безветрие. И я бы неспешно шёл с какой-нибудь молчаливой спутницей от крыльца к дальнему краю участка. Сухая искрящаяся тишина оседала в груди. Сквозь обледенелый штакетник проступали волшебные лучистые сугробы на самом берегу близкой реки, которая и подо льдом продолжала жить своим непреклонным порядком. Но о нём можно было только догадываться, потому что о прежних жизнях не помнят.

Если хочешь идти по реке, нужно стремиться к следующему. Первое – не позволять себя выловить. Второе – сохранять при этом лицо. Это и рыб касается. Третье – слушать своё внутреннее

течение. Рыбы, возможно, безмолвны – но не глухи. И последнее – беречь безусловную самодостаточность. Чешуя у сородичей скользкая...

Чем студёнее водица, тем слаще воображаемый жар застольный, горячий взгляд краткий, дружный гомон бессмысленный. Словно и впрямь существует некий закон восполнения всего того, чего нет здесь и сейчас.

Дымные ночные гостиные, полупьяные декламации сумбурных стрóf, изломанные девицы с блядским блеском в глазах. Фальшивые камешки, восторженные выкрики, тонкие сигаретки. «Какие талантливые мальчики! Зачем они так губят себя?.. Зачем, зачем жить, будто во сне? Неужели не страшно знать, что не проснёшься никогда?» Лица плывут, картины смазываются, слова сливаются. Липкие поцелуи, потные простыни, предрасветная тошнота. И сны – отрывочные, горячечные, острые... «Скоро всё рухнет, всё рухнет, всё... Отчего финал так сладок?»

Мне кажется, что слышу, о чём сидельцы с удочками шутики шутят. Конечно, слышу, как один говорит другому:

– Если у нас человек с рыбалки возвращается трезвый и с рыбой, то он считается браконьером...

Корнет-самоубийца, гусарский ментик, дама в соболях... Полковое прозябание в Риге, частые отлучки в столицу, посиделки за полночь в «Бродячей собаке». Что за мысли будил дымный подвальчик в этом томном юнце? Об идиотской бравате Михаила Кузмина, вздумавшего издать скандальную книжицу – сплошь из их посвящений друг другу? И название какое придумал! «Пример возлюбленным. Стихи для немногих». Да ещё и Брюсову рукопись отослал... Или об Олечке Судейкиной? Как с ней было не просто! Разве же можно такое вытерпеть?.. Или о том, что возраст уже нешуточный – двадцать два года, а только всего лишь два несчастных стихотворения и напечатаны?.. Только два! А жизнь уже почти прошла.

Если и стоит ради чего-то по реке идти – это лишь кайф от самого хода. Упругая волна плавников, жадная пульсация жабр, чуткая сила хвоста. Упрямая посадка головы, невозмутимый взгляд равноприимных глаз, плоское, решительное тело... Да, ты идёшь в неизвестность. Но идёшь, чёрт побери, элегантно! Яро переливается водная толща, сказочно клубятся зачарованные водоросли, победно множатся впереди шампанские воздушные пузыри. Если дорога прекрасна, то не всё ли равно – куда она? Не бывает напрасным прекрасное... Откуда это?.. И не подскажет никто – все кругом воды в рот набрали.

Или вот это. Мужик утонул в проруби несмотря на то, что был Рыба по гороскопу и дерьмо как человек... Над кем смеётесь?

Почему просто общение невозможно? Либо всё равно крючок, либо рыбе ледяное молчание в ответ... И кому от этого лучше?

И чего ради? Чтобы через год после самоубийства отец собрал всё под одной обложкой? «Стихи. Посмертное издание». Ну хоть бы с названием повезло...

Вы – милая, нежная Коломбина,
Вся розовая в голубом.
Портрет возле старого клавесина
Белой девушки с жёлтым цветком!

Нежно поцеловали, закрыв дверцу
(А на шляпе жёлтое перо)...
И разве не больно, не больно сердцу
Знать, что я только Пьеро, Пьеро?..

Нет, конечно, не ради этого. А ради того, чтобы потом по другим строчкам шли умопомрачительные дамы в соболях. Чтобы гусарский ментик небрежно красовался на его левом плече. Чтобы престарелый педераст-Кузмин сладострастно запускал юную манкую тень в свои неряшливые тёмные вирши. Но чтобы фотель всё-таки разбивала лёд...

Хоть плаванье моё долгое, но мыслю я коротко. Вспышками, фрагментами, отрывками. Только так выходит острее, ярче, чётче... Ход по реке не сулит ни счастья, ни славы. Какое счастье возможно в таком холоде? О какой славе может идти речь, если окрестные рыбы заняты только собой?

Беспорядочно разбросанные меж мостов уродливые торосы, тяжёлые обледенелые стены набережных, невнятные в снежной замети купола... Чем травит души этот город? Неуют, озноб, душегубство. Как будто солнце мы похоронили в нём... Может быть, здешний воздух навсегда фиксирует всё написанное? Консервант такой... И как буквы, выведенные молоком, проступают из небытия у огня, так и мороз являет на тусклом небосводе всё сочинённое при горячей крови?

А впрочем, не те ли полоумны, что ищут преодоление в смешных птичьих росчерках на ледяной бумаге, на слепящем экране, на закатном небе? Чем пособят им эти беспомощные буквы? Птицы взвоятся и улетят. А человеческий праздник глупцы проворонили.

Время, время, время... И приходит время попадаться на крючок. И вовсе не по глупости и доверчивости. А потому что общая критическая масса пройденных крючков, оставшихся без добычи, давно превышена. И ничего не попишешь.

Форель тушёная с мадерою и раковым соусом... Очистить, вымыть, посолить на один час, положить в кастрюлю от одной восьмой до одной четвёртой фунта сливочного масла, вылить туда один стакан мадеры, рыбного бульона, чтобы едва покрыло, положить одну штуку лаврового листа, накрыть крышкою, залепить тестом, раз вскипятить, поставить в духовую печь, утушить до готовности, в продолжение приблизительно часа. Слить бульон, развести им заранее заправленный на рыбном бульоне раковый соус номер четырёхста тридцать один. Ох, и затейницей была эта Елена Молоховец! Подарок молодым хозяйкам, или средство к уменьшению расходов в домашнем хозяйстве. А возможно ли уменьшить расходы?

Не странно ли, что рыба́ плоть и есть вожде́ленное лакомство? Скользкая, водянистая, слизистая... Верно, всё дело в соусе. Да-да, главное – это соус. И если номер его – четырёхста тридцать один, тогда всё в порядке. Ни единицей больше, ни четвертушкой меньше.

О чём думал Гаврила Князев, сопровождая труп сына по пути из Риги на питерское Смоленское кладбище? О том, что и после смерти этот лицейский город не отпускает? О том, что Ольга просто мстила соблазнённому Кузминым мужу Судейкину, отдаваясь мальчику-гусару на супружеском диване? И всё произошедшее выглядит лишь подтверждением её неотражимости? Бог накарает тех, кто заставил его страдать. Это скажет на похоронах мать, подняв на виновницу сухие глаза. А потом карнавал продолжится с новой силой. Безоглядно, иступлённо, насмерть... И Всеволод станет первым среди сгинувших мальчиков – совсем скоро начнётся война, и только с нею – не календарное, а реальное безжалостное столетие. И уже не один, а бесчисленное множество глупых мальчиков уйдёт в вечный покой. И вот тогда в смерть поверится без дураков, и кровь перестанет казаться свекольным соком. И после похорон Блока в двадцать первом году Ахматова и Судейкина будут искать могилу Всеволода на Смоленском. Должно быть, где-то здесь у стены? Но не отыщут... О чём они будут тогда молчать? О том, что в этих семи годах целая жизнь, перечеркнувшая прежнюю? Или о том, что именно со Всеволода всё и началось – крушения, утраты, бездны?..

И всё-таки рыбы и есть в русле главное. А не водоросли, крючки да утопленники. Если чешуйчатобокые так желанны на берегу, если столько полоумных готовы тратить своё время и тепло, чтобы извлечь их на свет божий – значит есть смысл в тёмных подлёдных путях.

Белые-белые воображаемые дали, краткие сполохи над верховьем, зыбкие лица в тесном тепле... Мнимые черты, дурацкие миражи, грошова прелесть. А чем ещё греть холодное тело? Зима безбрежна.

Я мгновенно взлетел и ослеп от внезапного света... И только когда крючок извлекли, понял, что лежу на снегу рядом с бородачом, колдующим над удилищем. Но хлопочет он недолго – отходит в сторону, достаёт из кармана лист писчей и шариковую, медлит с минуту и начинает что-то самозабвенно записывать. Слов издали не разобрать. А лист и вовсе сливается с заснеженным руслом. И буквы неподвижными птицами волшебю держатся в морозном воздухе.

ТАКСИСТ

Прелюдия к полицейскому протоколу

*У божьей иглы не измерить ушка,
Мелькает лишь нить – огневая река...
Н. К.*

Странного типа я посадил. Что-то бубнит всю дорогу. Вроде как сам себе. А потом будто тумблер внутри перещёлкивает – вдруг пристёбываться начинает. «Ты что, шеф, нюх потерял? Куда мы прёмся?..» Обматеришь его как следует – остывает маленько... Чудак, одним словом, на букву «м».

А что удивляться? Тут и похлеще – пруд пруди... Один хорошо загашенный заорал вдруг: «Я рыба на крючке». И уж почти в окно выскользнул... Едва успел по тормозам дать... А то бы ни в жизнь не расхлебался!

И то неплохо, что нынче хоть разобраться порываюся. А то вон в девяностых, когда машины из таксопарков по рукам раздали – блатата решила, что водилы дикие бабки заколачивать стали. И наезжали по-чёрному... Один раз сел на заднее сиде-

ные пассажир. Тихий такой, сублильный. Только отъехали – он завозился как-то. Но ни слова. Я и ни сном ни духом... Глазом не успел пошевелить – и на шее удавка. «Где бабульки?» Хорошо барсетка рядом была. Он её цапнул, да и был таков... И что – искал его кто? Угадайте с трёх раз...

По совести сказать, оно и сейчас на фиг никому ничего не нужно. Но тогда вообще страх потеряли. Нынче подобрали маленько. Но да разве теперь его соберёшь?.. Помню, нож к горлу приставили и стакан с какой-то хернёй протягивают: на-ка, дружище, засади... «А не сдохну?» – интересуюсь. «Да нет, – отвечают, – хотя кто ж тебя, суку, знает? Глотай, а то разом к спинке пришпилю...» Тачку, понятно, забрали... Но главное, я проснулся. Не сразу, а через двое суток. Но это уже частности...

Этот тип тоже какой-то стакашек суёт. Но тут, сразу видно, дело в другом. Уж я видал таких, перевидал... Ему бы самому потом проснуться... Что-то о бабе своей несёт, об опоздании, о книжках... В огороде бузина, в Киеве дядька. «Мы опоздали родиться. Если бы хоть полвека назад! Да моя бы Веста заведывала бы в универе всей русской литературой! А я бы этой самой литературой и был. А что сделаешь, если власти не соображают, что без неё нельзя? То, что без нефти нельзя – соображают. А тут хрен тебе...»

У нас, кстати, в школе училка такая классная была... Нет, конечно, стихов или повестей каких я убей не помню. Но как она рассказывала! Как Есенин с Клюевым до революции в салонах да гостинных выделялись. Один под ангелочка-херувимчика косил, другой – под мужика сиволапового. И песняка! И вприсядку! А народ-то вокруг изнеженный, тонкий... И все прямо в столбняк впадают... Чуть не в обморок отлетают. А тем только этого и надо. Пусть слухок ширится да крепнет... Кто такой Клюев?.. Да не всё ли равно?

Да что этот тип всё о бабе? Скучный до ужаса. Даром что бухой. Понятное дело, что бабы от таких и бегут, и в омут кидаются... Вон училка рассказывала, как в Питере пореволюционном у одного такого деятеля – всё стихи да романы про мелких бесов и прочую муру строчил – жена вдруг пропала. И где только её не разыскивали... Думали, может, за границу смоталась. Тогда это, как и нынче, в моде было... А она, оказалось, решила рыбой обернуться. Довёл... И по весне среди невских льдин её плавники и сверкнули...

Считается, что есть бухарики громкие и тихие. Поверхностная градация. Водораздел тут по другой линии идёт. Есть те, ко-

торые людей достают. И которые не достают. Самый шумный и размашистый алкаш может быть как бальзам на душу... А упёртый да занудливый – как наждак в заднице. Так и скребёт, так и царапает, так и протирает насквозь... «Не той дорогой едем. Ты чего ослеп?.. Думаешь, я лох полный?..» Терпеть не могу козлов, что лучше всех дорогу знают...

«О, как дед рыдал, когда Сталин дух испустил! Выл, башкой об стенку бился, в судорогах заходился... Чуть сам на тот свет не отправился. И потом ещё долго жил. Но всё как в воду опущенный. Больше не заикался ни о чём, не вспоминал, не сетовал... Молчал, выпивал в одиночестве, людей сторонился... Так и помер где-то на скамейке в парке с бутылкой портвейна в кармане...

А почему так? А потому что верил. А кроме веры у человека ничего нет. Ты не согласен?.. Ну и дурак... Только вера вере рознь. Она меняется, как и всё на свете. Сила другая, манкость, умопомрачительность... Сталинисты-ленинцы после отмены их религии на корню сохли, спивались, стрелялись... И пламенность их так и загнулась вместе с ними...

Делаем прыжок и переходим к сочинителям. Они, разумеется, к отчей словесности неровно дышали. Но это ни верой, ни любовью уже не назовёшь... Это скорей предположение, что словесность – главное в жизни и единственное... Да и вообще она только жизнь и есть. Верь – не верь, а дела обстоят именно таким образом... И дышать можно только словарным маревом. А иначе задохнёшься... Целые поколения под это дело подписывались. Литература для них и семьёй, и кормушкой, и церковью была... Народ с придыханием издали поглядывал, власти квартирами да путёвками ублажали... Но дело не в этом. Было ощущение жизни...

А когда всё посыпалось – плакали, конечно, сокрушались, возмущались... Бродили потерянными... Работу искали, отвлечений, забвения. Но руки на себя не накладывали. Не столь смертной связь оказалась. И слава Богу!.. Кто же запрещает верить в своё предположение? Пожалуйста. Живи себе в том же мире. Только маленьком, одноместном... А о большом не парься. Всё одно – пустое...

Но Бог любит троицу. Позиция номер три. Женщины... Если вышеупомянутые материи ещё принято как-то к сердечной боли привязывать – эта больше уже на игру в слова похожа... Вера, любовь... Если б всё было всерьёз, я с тобой в этой колыхаге не колтыхался. Я бы уже хладным трупом в гробу лежал. После разрыва, крушения, катастрофы... А так... Ну, полаялись. Ну, разбежались. Ну, дальше двинулись... А не двигаться глупо.

Никто не поймёт. И в первую очередь – она. Всё нынче излечимо! Даже если что-то и в самом деле было. Потом это уже к делу не пришьёшь... С глаз долой – из сердца вон... Как сказано! Вот где несметные залежи актуальности! Физическое отсутствие предполагает и отсутствие всяческих терзаний по этому поводу. А что? Правильно. Мало ли, что когда-то что-то... Проехали!

Ты спросишь, что общего у этих трёх сюжетов? Холодок. Неизбыточный холодок напрасного... Хотя страсти всё слабосильней, худосочней, невсамделишной... Но финал неизбежно разочаровывает. Это нужно понимать с самого начала. И может, и не начинать вовсе... Или начинать да помнить... Хотя толку-то от такой памяти... Да и кто помнить нанимался?.. Это живому противопоставлено».

Я как поддаю – тоже пургу несу. Но, конечно, не такую дремучую. Чем человек продуманней, тем у него помрачения глубже... А у меня всё какие-то обрывки картинок из детства крутятся. Лица, дворы, строчки... Не помню чьи, откуда, к чему... Просто забавные такие безделушки. Знаешь, что они тебе без надобности. А зачем-то хранишь, порой и сам того не ведая... Вот это, блин, училка у нас была!..

И, встречая ночную прелестницу,
Улыбаясь в лучах фонаря,
Наблюдать, как небесную лестницу
В алый шёлк убирает заря.

А сейчас тоже кругом что шелка алые... Даром что не рассвет... Снега пылают истово... Красотища! Так бы ехал и ехал... Да куда там! Этот тип как отхлебнёт из горла – сразу тормозить принимается. «Шеф, идём на обгон ветра! По-другому никак...» Интеллигенты вшивые! Всю дорогу спешат, спешат на свою задницу... А в итоге именно туда и попадают. Всё закономерно.

Говорит, что едет отношения выяснить. Если их выяснять нужно – уже и так всё ясно.... Спешу – не спешу. Разве что душу потравить... Это мы любим.

«Почему я тороплюсь? А потому что в аду нужно идти быстро... Это я о нашей прописке. Всё горит оплечь... Остановишься – в пепел обратишься... И все страсти наши золотой станут. Ничего не останется... Только скорость, скорость... Это и есть спасение.

Тише едешь – дальше не будешь... Не будешь вообще. Одни козлы этого не понимают! Притормозишь – и что останется?.. Рожки да ножки?.. А на что другое рассчитывать?»

Конечно, это тот случай, когда товарища утешить надо. А то не по-людски...

– Анекдот хочешь? Вот ты нынче выпил... И несмотря на такое дело, мы едем. А если бы на твоём месте была дамочка, поездка не состоялась. Почему? Разъясню. У женщин есть три стадии опьянения. Первая. Ох, какая я пьяная... Вторая. Кто пьяная? И третья. На вопрос таксиста «Куда едем?» треснуть его по голове сумочкой и гордо ответить: «Не твоё собачье дело, скотина!..» Так что мужики молодцы! Это я к тому, что у тебя, к примеру, сейчас явно третья стадия. А мы в пути... Или это только потому, что у тебя сумочки нет?

Он глянул на меня недоверчиво, отхлебнул маленько. И потом только коротко рассмеялся. И коротко же ответил: «В Питере арестованы подростки, ранившие таксиста своим отношением к позднему Гумилёву». И в самом деле, что ещё может ранить нашего брата?.. Молодец! А на вид бирюк бирюком.

Но я рано обрадовался. Пассажир мой снова начал нудить, ёрзать, дёргаться. «Ну, быстреей, быстреей, быстреей... Ну, куда, куда, куда?..» Видно глубоко его проняло... Со стороны-то проще простого человека в идиоты зачислить. А ты побудь в его шкуре...

– Слушай ещё. Таксист везёт обалденную девчущку. Поглядывает на неё жадно, что-то такое в уме прикидывает. И спрашивает, наконец: «Девушка, а вы знаете, что за изнасилование могут дать десять лет?» И потупился обречённо. «Знаю. А почему вы мне это говорите?» И машина резко затормозила... «Чтобы вы знали, как я ради вас рискую!»

Пассажир ослабилась словно через силу. Но марку решил держать. «А у меня – родное, филологическое... Тоже про такси... Куда вам? Нет, к удавам я не поеду. Нет, меня неправильно поняли. Куда вам надо? Ну, раз надо, то поехали к удавам!»

Какое же это филологическое? Детское, для пятого класса. Странное дело, вспомнишь какую-нибудь школьную бессмыслицу, и на душе благодать...

Кошка спит. Погасла свечка.
Ветер дёргает засов.
Надо вызвать человечка
Из больших стенных часов.

Тик-и-так! Седая шёрстка,
Вылезай-ка! В доме тишь...
Выпьешь чаю из напёрстка,
На пружинках подрожишь...

Жаль, что с человечком из часов договориться не получится. Это только поначалу надеешься. А потом понимаешь, что так не бывает...

...А тип этот наглеет пуще прежнего. Выкрикивает что-то, плачет почти, чуть не за руль хватается... Просто ужас какой-то! Чёрт дёрнул меня с ним связаться! Ну, что ты мандражируешь? Что бестолковишься?.. Из машины его, что ли, выпихнуть?..

– Ты успокоишься или нет? Смотри... Ладно. Вот ещё. Сел депутат в такси. Водитель начал дёргать все рычаги подряд, нажимать все кнопки, руль мотать туда-сюда... То фары включит, то капот откроет, то просигналит грозно неизвестно кому... «Тебя где так водить учили? – орёт депутат. – Разве мы так доедем куда? Расшибёмся же на хрен!..» А водила глядит на него ободряюще. «Ничего страшного, – отвечает. – Вы точно так же давным-давно страной рулите. И ничего – едем как-то...»

И тут – полная тишина. Небеса горят страшно, снега умножают огонь... Минута, другая... Видно, притомился беситься юридивый... И ни с того ни с сего – убойный удар по морде. И дикий выкрик «Фуфел!..» Руль из рук – резко вправо, на него... Мы закрутились юлой и взлетели... «Фу, фу, фу...» – отзывалось в мозгу. Чистоплюй хренов!.. Пламя, лёд, бред... Неужели так внезапно и глупо? Школа, жизнь ни о чём, стишки в никуда... Это кранты... Сквозная обманка!..

А дальше свет – невыносимо щедрый,
Как красное горячее вино...
Уже последним раскалённым ветром
Сознание моё опалено.

...Алое. Белое. Сплошное...

ФРАГМЕНТ СООБЩЕНИЯ

Из беседы со следователем

*Творение выше Творца,
И мир совершеннее Бога...
Ф. С.*

– Обобщив материалы дела, можно с уверенностью сказать, что имел место несчастный случай. Водитель не справился с

управлением, и автомобиль вылетел в кювет. Печальные последствия вам известны... Автомобиль перед выездом осматривался, никаких неисправностей отмечено не было. Никаких встречных или попутных автомобилей поблизости от места происшествия камеры видеонаблюдения не зафиксировали. Так что оно никак не спровоцировано дорожной ситуацией. Скорость не превышалась. В крови водителя следы алкоголя и наркотических веществ не обнаружены. С чем мог быть связан данный инцидент?.. С нарушением должного распорядка труда и отдыха. Не секрет, что многие водители готовы работать сверхурочно, чтобы заработать как можно больше. И к чему это приводит? К переутомлению, утрате концентрации внимания, замедлению реакции... И за рулём оказывается потенциальный убийца. А работодатель, как правило, закрывает на это глаза. Потому как это и его деньги... Есть некоторые основания предположить, что в нашем случае дела обстояли именно так. Проще говоря, людей погубила страсть к наживе... К сожалению, нынче это явление нередкое. В связи с изложенным выше на предприятии уже проводится соответствующая проверка. По её результатам будут приняты меры, способствующие существенному повышению уровня безопасности движения.

– Спасибо за разъяснения. Всё стало на свои места... Такое не должно повториться.

– Всё исчерпаемо. И дно ближе, чем кажется... Нужно об этом помнить. Как и о правилах дорожного движения, и о других законодательных актах... А мы в свою очередь обещаем использовать инновационные подходы, разрушать изжившие себя стереотипы, ориентироваться на принципиально иные алгоритмы управления... Совсем скоро это будет абсолютно другая система. Надеюсь, мои слова будут услышаны. Всё действительно должно стать на свои законные места. И не за горами время, когда наша работа будет вызывать не заведомую ухмылку неприязни, а долгожданную улыбку благодарности...

В безднах скрывается новое дно,
Формы и мысли смешались.
Все мы уж умерли где-то давно...
Все мы ещё не родились.

КРЫЛЬЯ НАД КРЫШАМИ

Провинциальный романс

*С младенчества любезное,
Нам дорого – пойми –
Одно лишь бесполезное,
Забывтое людьми.*

Д. М.

Мне почти ничего не снится. Разве что краткие блики в морщинистых лужах, круглоголовые несуразные цветы, дымные сырые тёмные улицы... и, конечно, марка – выцветшая, невзрачная, маленькая. Крупным шрифтом – ОСАВИАХИМ. И мелко, вдали – едва видимый, призрачный аэроплан... Когда я вижу его – сразу перехватывает дыхание. Я немею и никого не могу позвать. Только жадно и бесплодно открываю глаза... Но казённый, звёздного холода свет мгновенно рушится со смертельно белого потолка, и я снова проваливаюсь в бескрайнюю ночь.

Осень, зима, весна... Всё это время погода в городе шалила без куража и фантазии. Чаще всего – чуть выше нуля. Дождь с мокрым снегом, порывистый ветер, умеренный до сильного... В последние годы сводки синоптиков можно было каждый день и не слушать. Ничего нового почерпнуть не случилось.

Мог ли нравиться такой порядок вещей? К нему, как и ко всему на свете, можно было привыкнуть. Но дыхание неправильности, ущербности, некой опасности так и сквозило в каждом порыве ветра... Да в конце концов и чересчур утомительно – всю дорогу реагировать, определяться, не принимать... На том и растратишь себя любимого. Требовалось что-то другое. Верного имени этому не находилось. И пока с формулировкой не началось, необходимо было плевать на всё и жить в предлагаемых обстоятельствах.

Буквы начинали прыгать, срываться с места, седлать друг друга, перескакивать в чужие предложения, коверкать их смысл, а потом и вовсе превращать их в бессмыслицу; а потом и отдельных слов было не разобрать вовсе... Вроде как что-то знакомое, но совершенно не поддающееся пониманию, а то и вовсе издевающееся над здравым смыслом. Что же такое происходит, где полонка... Следом пылили строки, изгибаясь и тая за краем страницы, гибкие, лёгкие, свободные; текст бежал как молоко, да и

текст ли это уже, не мог ручаться – ни за слова, ни за что иное на полях их бесчинств, взрывавшихся непонятно отчего и бурно набиравших силу... Необходимо было срочно их усмирить, резко привести в чувство, построить стервецов... Ведь только дай этой шантрапе волю – на голову сядут, да они и так уже... жёстче нужно, чётче, однозначней – только тогда, даст Бог, одумаются и хоть во что-то божеское сплотятся... Равняйся! Смирно!.. Что непонятно?... Вычеркну, удалю к чёртовой матери, замену в два счёта... Ах, нет!.. Тогда всё по новой, с самого начала, с чистого листа... Итак, раз, два, три, поехали... А это опять вы?.. И снова за своё?.. Это что, фильм ужасов?.. День сурка, бред, катастрофа... И наконец, доходило, что схожу с ума...

Тучи, гирлянды, рекламные перемигивания, смешиваясь, отражались в мелких лужах, редкие заспанные машины тенями проскальзывали по опустевшему неуютному проспекту, громоздкое, довоенной ещё постройки сооружение по прозвищу «Сапожок» машинально поздравляло бегущей строкой с давно прошедшими уже праздниками. «Сапожок», «Сапожок»... Тридцатые годы, конструктивизм, вертикальные линии... Образцовый советский универсам, телеграфное агентство, конторы потребкооперации... Чего тут только не было!.. Самое большое здание в городе, жизнь ключом, флаги на башнях... Каждый рубеж – решающий, дорогу в будущее проложим, выше знамя... Там в книжном продавцом работал один местный поэт – молодой, позитивный, не чуравшийся никакого труда, – жить-то надо. Выживает ведь кто? Кто не чурается...

Начало тридцатых, только что отучившийся в Ленинграде инженер Панов-Шаман – ему нет и тридцати – победил в конкурсе проектов Дома торговых организаций другого питерского выученика – Николая Троицина, уже отметившегося «Гармошкой» на Карла Маркса. Радость, успех, перспективы... Главная новостройка, престиж, соответствие линии... Обновление, омоложение, движение... Ну и приглашение, конечно, поработать в стенах создания своего самых дерзких, обещающих, даровитых... Чтобы содержание форме соответствовало. Но речь не об отвлечённых материях шла... Работать нужно было простыми совслужащими. А таланты свои реализовывать после работы. Страна прежде всего хозяйственный труд ценила. А высокие искусства – рядом, но не в ущерб службе... Это уж потом, если покажешь себя, а партия востребует... Но для этого надо безустально трудиться на всех фронтах. «Землю попашет, попишет стихи...»

Замутила солнечная дрёма
Голубую глубину небес.
Лечь бы на траву аэродрома
И глядеть лучам наперерез.

Хорошо послушать и пилоту,
Как пчела над лютиком поёт...
Но готов к высокому полёту
В стратосферу грозную пилот.

Вот он – обожаемый, любимый,
Близких расставанием томя,
Смотрит молчаливо из кабины,
Думы под улыбкою тая.

Может быть, невольная тревога
Робко похлаживает грудь?
Может землю хочется потрогать
И сказать простое что-нибудь?

Может быть, последнее «Прощайте!»
Выражает грусть в его глазах?
Ведь не лёгок путь и беспощаден
Нрав слепой стихии в небесах.

Нет! Его бодрят родные лица,
Ласковые взгляды не сводя,
А в руке, как талисман, хранится
Стойкое тепло руки вождя.

И чисты небесные просторы,
И проверен строго самолёт...
Загремели мощные моторы,
Прорываясь радостно вперёд.

И, ветрами травы пригибая
И послушно ускоряя ход,
Ринулась машина голубая
Круто, торжествующе – в полёт!

И вослед орлу мы смотрим гордо,
Щуря восхищённые глаза.
...И мечтают дети о рекордах,
Мысленно взлетая в небеса.

Такие творения поощрения требуют... Питомцу Каллиопы – Союз писателей, а зодчему, специальной музы которому не полагается – Союз архитекторов. Так оно и случилось. Кто бы сомневался...

Архитектор окончил свои дни в столице уже в мою бытность на этом свете. Видел я его только на фотографиях... А стихотворца помню хорошо. На закате дней он замки починал, слесарничал понемногу... Высоких претензий не имел. Об опытах в изящной словесности вспоминал неохотно. При встречах случайных я из него что-то выудить о прежнем пытался. Но тщетно. Он лишь руками махал досадливо... Если торгуешь литературой – это бесследно не проходит.

Навстречу попался взъерошенный нахохленный человек с круглыми глазами в медицинской маске. Он зыркнул на меня как на врага народа и стремительно посеменил прочь. Наивные едоки пропаганды!.. Брешь масочной ячейки – для вируса целая вселенная.

В каплях ледяного пота на металлической морде Белого Бима отражались пульсирующие немые огни безлюдного проспекта. Над литой собачьей шерстью высился тёмнооконый безжизненный Кукольный театр в дождевых фасадных потёках. Все куклы давно спали мёртвым сном...

Стремительная оттепель с энтузиазмом первых пятилеток демонтировала волшебное здание мужского и женского праздников. Их обломки блёстками рассыпались по тротуарной воде и глухо ложились на дно памяти. И смеркалось уже окончательно.

Я ловил себя на том, что изрядно подрастерял юношескую привязанность свою к этому городу – славному, ветшающему, несуразному, где давным-давно родился и вскоре после того насквозь пропитался смертельной отравой сочинительства. Сладкой и головокружительной. Той, что нынче стала мучительной и бесплодной...

Мокрый ветер пронизывал до костей. По телу ползла отвратительная дрожь... Нужно было срочно согреться.

Оказалось, я так долго собирался зайти в ближайший бар, что за это время он успел благополучно закрыться. Это моё всегдашнее... Правда, я краем уха слышал, что кабаки опечатали из-за эпидемии. Но в моём случае вирус совершенно ни при чём...

Странно, что другого заведения – в двух шагах от дома – я раньше не знал. А оно между тем работало. Несмотря ни на что и назло всему... Затемнённый холл, простая, но опрятная

лестница вниз, театральный полумрак с пряными парами порока... Такие заведения не для того, чтобы махнуть стакан, вкратце подумать о своём, слотнуть горькую слюну да отчалить. Нет, в такие места ни с какого бока не должна пробираться социальная разобщённость. Её должно оставлять где-то вверху, над мокрым асфальтом, под равнодушными неонами... Здесь нужно сидеть долго, сладко вживаясь в мир приближительных очертаний, неторопливо наблюдать тусклое и подземное, хищно высматривать, а отчаявшись – придумывать случайного собеседника, без которого всё рухнет... Я взял какой-то затейливый коктейль и уселся в углу в гордом одиночестве. Других посетителей в подвале не было. Да и бармен, казалось, время от времени развоплощался в пыльных лучах слабой подсветки... Однако после второго коктейля в смущённую безлюдьем душу робко проникло подозрение, что в зальчике помимо нас с барменом всё же есть ещё кто-то... Хотя как я ни старался – разглядеть никого не мог. Даже занервничал отчего-то...

– Курить можно?

– Пожалуйста.

Зачем это я? Не курю ведь вовсе...

Я тупо стряхивал пепел к подножию узкой глиняной посуды, из которой ошалело торчала упрямая голова живучего представителя центральнорыночной флоры. Я не силен в цветах, а потому не мог оценить его родовую принадлежность. Но лохматая куражистая башка его отчего-то подкупала и радовала.

Мой робкий дымок смешивался с пылью, бестолково клубился, нехотя густел... Через полчаса стало казаться, что где-то совсем рядом своевольные никотиновые смолы лукаво оформляются в несомненную девическую фигуру.

Девушка недоумённо огляделась, точно упала сюда с луны, ритуально поправила причёску и не спеша двинулась в мою сторону. Она смотрела куда-то далеко за меня, будто намеревалась пройти насквозь стену этого заведения к желанной невидимой цели. Девушка была ни красива, ни дурна. Правильные черты лица не впечатляли и не отталкивали. Лицо её виделось редким материалом, на котором легко было изобразить почти невообразимое. И дикую любовь, и безутешную скорбь, и неомрачённую радость... Вот уж настоящая находка для хорошего режиссёра!

Когда незнакомка поравнялась с моим столиком, я вынул неведомое черноголовое растение из длинной настольной вазочки

и манерно протянул ей. Девушка столь же церемонно поклонилась и, лукаво приняв скромный дар, неожиданно приладила его к шершавому борту моего студенческого ещё пиджака.

– Люблю решительных.

– ?

– Не самое безоблачное время для знакомств...

– А бывают безоблачные времена?

– Не знаю. Я жила только в своём.

– Присаживайтесь. Мне одиноко. Коктейль?

Она села напротив и пристально посмотрела мне в глаза, как будто знала обо мне что-то такое, чего другим знать было не дано...

– А ты не пробовала поступать в наш институт искусств, – искренне заинтересовался я, – на актёрское?

– Я не отсюда. А в Москве пробовала. Не взяли... А почему ты спросил?

Мы сразу перешли на ты. И это не звучало ни принуждённо, ни фамильярно...

– Чтоб убедиться в своей проницательности... А почему ты здесь? – вошёл я во вкус расспросов.

– В баре или в городе? В баре – по той же причине, что и ты. В городе – по глупости.

– И как тебе?

– Вполне... Только коктейль дрянной...

– Давай возьмём другой.

– Если смешать – получится ещё хуже...

– А ты привереда.

– А как же...

Она наконец улыбнулась. Улыбка была хорошей.

– И ещё жаль, что здесь совсем мало дыма...

– Ты сильно куришь?

– Нет, не сильно... Я о том дыме, который нам сладок и приятен...

– И которого без огня не бывает?

– Наверное... Пламени я не видела, только лёд...

– А ты холодноглазая. Я бы скорей блики на льду увидел...

– Не всем же так везёт!

– Это большой вопрос, кому повезло.

Она сделала паузу, отхлебнула коктейль и зыркнула испытующе:

– А я решила, что ты давно уже взрослый...

Наши рябые отражения забегали вперёд и безбожно кривлялись. Их злила безответственная неторопливость нарушителей самоизоляции.

– Вот в этом доме, – тоном завязтого гида сообщал я, – жил Анатолий Пепеляев. Недолго. Чуть больше года. Пока его в тридцать седьмом снова не арестовали... Самый молодой из белых генералов. В двадцать семь лет звание получил. Между прочим, когда его части заняли Пермь, в плен к ним попали двадцать тысяч красноармейцев. Представляешь? А Пепеляев взял, да и по домам их всех распустил... Завершение пермской операции пришлось на очередную годовщину взятия Исмаила Суворовым. И подчинённые своего генерала Сибирским Суворовым окрестили...

А чего стоило его явление во Владивосток из Харбина в двадцать втором году! Казалось бы, если чудом удалось выбраться из России живым – сиди и радуйся. Ан нет... Поход на Якутск затеял, «милицию Татарского пролива» собирать стал... Громкая история. Закончиться, понятное дело, это могло лишь одним...

А здесь он после долгой отсидки появился. Определили его работать краснодеревщиком на мебельную фабрику – эмигрантский опыт учли. Потом вырос до помощника начальника конного обоза... Поступил, кстати говоря, в наш пединститут, рос над собой. Говорили, что-то писать собирался... Но, по-моему, только письма из-под пера его выходили. В Харбин, жене. Всё звал приехать, потому как всё вроде устаканилось... Но она так и не ответила.

– Думаешь, зря?

– Я ничего не думаю. Как было, так и было...

– Беспроигрышная позиция.

– А зачем проигрывать за здорово живёшь? Победрами мы и так не избалованы... Видишь тот дом через дорогу? Это гостиница «Бристоль». В Гражданскую здесь располагался штаб генерала Шкуро. Любил он гостиницы – за пару месяцев до того роскошно пьянствовал в харьковском «Метрополе» по случаю присвоения генеральского звания. На банкете Плевицкая, между прочим, пела... Повелитель жизни! Это потом, в эмиграции он чёрт знает в кого превратился... В цирке наездником работал, пытался в кино пристрять, хотя бы в массовке... В Ницце на съёмках «Тысячи и одной ночи» с самим Вертинским столкнулся. Принялся расшаркиваться, разъяснять, кто он такой... Но тот его не признал.

Так вот, именно сюда Олеко Дундич в форме белого офицера привёз атаману издевательскую депешу, вручил послание, и,

пока охрана не опомнилась, спрыгнул с балкона второго этажа прямо на коня и поскакал прочь. И ушёл ведь... Вы в школе не проходили? Напрасно... Хотя на самом деле о нём мало что известно наверняка. Когда родился, кто по национальности, как звать, наконец... Милутин Чолич? В двенадцать лет он сбежал из дома, добрался до Аргентины и целых четыре года скот перегонял... Стал редким наездником.

А в четырнадцатом году он уже чемпион австро-венгерской армии по фехтованию среди унтер-офицеров... Лихой парень! И как его только в Россию занесло?.. Будённый в нём души не чаял. На его глазах под Ровно красавца и подстрелили...

– А что в этом здании сейчас?

– Да всё под офисы раздербанили... А вон через дом – тоже занятное строение. Там выпускали городскую газету. А молодой Андрей Платонов сотрудничал в редакции. Этого-то ты помнишь? Ну, ладно, ладно – шутка... Впрочем, он в разных газетах светился, не только в этой. А ещё в совпартшколе учился, в местном университете... И как только успевал? И мелиорацией в области руководил, и электрификацией... И при этом в кафе «Железное перо» частенько сиживал. Общался, так сказать, с братьями...

А ещё жениться успел. На любимой девушке Маше. Правда, она от него сбежала и поселилась в шестидесяти верстах от города... Но её и там регулярно доставал. И убедил-таки!...

А ещё он стихи писал. Даже книжку издал. Слава богу, что лишь одну – и в провинции. Сердцу не прикажешь...

Отдайся сегодня, вселенная,
Зацветай, голубая весна,
Твоя первая песня весенняя
В раскалённых машинах слышна.

– Конкретный автор. Ни убавить, ни прибавить...

Миновав очередного редкого прохожего, спутница моя обернулась и задумчиво посмотрела ему вслед.

– А хорошо, что все маски надели. Лишний раз и притворяться не надо. Всё по-честному...

Я улыбнулся, а пожилой сеттер советского разлива остался безучастным. Он терпеливо поджидал добычу...

Мы столкнулись нежданно-негаданно. Он просто остановился и заговорил. Как будто продолжил прерванную минуту назад беседу...

– Да, тогда каждый чихнуть боялся... Это правда. А нынче что, не так? А ты не чихай! Закаляйся, работай над здоровьем. Для себя и для всех – только польза. Как без крепкого организма задачи выполнять? Это же часть страны... А если в стране кто в лес, кто по дрова – тогда пиши пропало... Какое там здравие?.. Зачем тогда перелёты, передовицы, здравицы?..

Отсюда и беспросветная цыганщина, унылая расхлябанность, романсовая инфантильность... Это ведь заражает не хуже микроба. Просто напасть какая-то... А средство против этого лишь одно. Не позволяй себе того, чего нельзя. И вся премудрость...

Старик глядел куда-то в сторону, и лица его видно не было. Казалось, он говорил то ли сам себе, то ли в пространство... Только световые рекламные полосы частили по вытертому капюшону. Я его, конечно, узнал. Ещё бы! Сколько раз при жизни его лясы точили! Как я уговаривал его прочесть что-нибудь из прежнего! Но автор неизменно и твёрдо отнекивался. И я уже смирился с мыслью, что затея обречена... Но на сей раз тот явно был под хмельком – кажется, уломал...

Скажи, глаза не застилала мгла,
В испуге ты на миг не замерла,
Когда привстала на краю крыла
И глянула на землю с высоты,
Охваченная ветром быстроты?

Нет, нет! Как резкий ветер был ни груб,
Не в силах был он сдуть улыбку с губ.
Внизу пестрел родной аэроклуб,
Там поднято к надбровьям столько рук
Твоих товарищей, друзей, подруг!

Ты сердцем ощущала в этот час
Тепло дыханья нашего и глаз,
И, выполняя дружеский наказ,
Была ты той решимости полна,
С какой заслуживают ордена...

Моя новая знакомая дико посмотрела на меня и с недюжинной силой дёрнула за рукав...

– До свидания! – только и успел я бросить в разноцветную изморось...

– Странные люди у тебя в приятелях...

– Люди?.. А со странностями я давно свыкся. Что, не понравилось сочинение?

– Да уж, не хуже платоновского...

Шли мы долго, но дистанцию осилили смешную. Моё логово было в двух шагах... Часто останавливались, болтали, вглядывались... Я что-то показывал, объяснял, топорно шутил. Но холод всё настойчивей редактировал мои рассказы...

Поднявшись по тёмной стоптанной лестнице, мы оказались в запущенной двушке, полной исчерканными листками и разбро- санными книгами.

– Вот здесь я и живу.

– Именно так я себе и представляла, – огляделась она, – бер- лог зверя изрядного и колыбель дара божьего.

– Ты не далека от истины...

Она деловито прошлась по загромождённым комнатам, пре- зрительно оценила убогую кухонную чистоту и приоткрыла бал- конную дверь.

– Какое дерево тут у тебя! Представляю, как оно цветёт!..

– Я такого уже и не помню...

– Печально.

– Это не самая большая в жизни печаль.

– Если наглухо запахнуть шторы – тогда конечно...

Увидев свою нынешнюю знакомую впервые, я сразу решил, что в постели она прохладна... Пожалуй, я угадал. Но она умела быть желанной. А это куда важнее, чем физкультурный темпе- рамент...

Волосы её пахли пеплом. Но вовсе не сигаретным... До дро- жи знакомым, но почти забытым... Это плохо горящие свеже- опавшие листья на дедовском садовом участке во время осенних каникул, пущенные на растопку жёлтые газеты тридцатых, об- рывки какого-то довоенного тряпья для поддержки капризного пламени... Я исправно ворошил граблями всю дорогу гаснувший костёр, а порывистый ветер швырял мне в лицо плотнотелую молодую золу... Дед вздыхал, выносил из домика новые газет- ные стопки, и очередной Сталин яро сгорал в кратком огне. Но потом всё сызнава стихало и меркло...

– А ты не боишься заразиться? – испытующе поглядывая, спрашивала она.

– Приличнее интересоваться этим до, а не после...

– А если серьёзно?

– Чему быть, того не миновать. Мужчины должны спать с женщинами...

– Меня всегда забавлял в этом выражении глагол «спать». По-моему, в данном случае они совместно бодрствуют. По крайней мере, в определяющие моменты...

– Никто и не сомневается. Но переходить на вульгарные синонимы душа не лежит...

– Это хорошо, когда лексика старомодна. В этом многое...

– Неужели я, наконец, нарвался на комплимент?

– Вот уж к чему не приучена...

– Тогда смело расту в собственных глазах. Жаль, старомодная лексика вымирает как класс...

– Вымирать теперь придётся и другим классам...

– Это ты по опыту.

– У меня его нет, – легко отрезала собеседница.

Мне было поручено встретить Панова-Шамана на вокзале. И, только шагая к перрону, я вспомнил, что никогда не видел его... Но это меня ничуть не смущало. Я был абсолютно уверен, что без труда узнаю гостя. Сложно сказать, на чём основывалась эта уверенность, но иной сценарий был по-любому невозможен... Номер вагона я знал и, стоя чуть поодаль, равнодушно разглядывал неспешно вываливающихся наружу осоловелых пассажиров. Но когда из поезда легко выпрыгнул крепкий, быстроглазый мужчина, я игриво помахал рукой и бодро крикнул:

– Здравствуйте, Александр Иванович!

А потом подлетел к нему и протянул тугой букет бордовых гвоздик.

– Город сердечно приветствует вас!

Панов одобрительно кивнул и задорно улыбнулся.

– Как доехали? Надеюсь, без накладок?

– Да, всё замечательно. А я уж думал, что больше никогда на родину не попаду...

– А я думал, что вы лишь экспертными оценками в Госстрое занимаетесь...

– Занимался. По той жизни... А теперь жизнь другая.

– Вы один? Или с рабочей группой?

– Один, как видишь...

– Группу сформируете из местных специалистов?

– Посмотрим... Я уже никаких местных специалистов не знаю, разве что Троицына Николая...

– Прекрасный архитектор! Но...

– Загубил весь облик города... Навязчивый пафос, дешёвая монументальность, ложная многозначительность... Я ему и в глаза говорил... Нет, уж кого-кого, а его привлекать не стоит...

– ...Но ведь он умер.

– Это не имеет значения.

– А не могли бы в двух словах рассказать о поставленных задачах? Сгораю от любопытства...

– Тут никакого секрета нет. Вы наверняка знаете дом «Сапожок»?

– Конечно. Вы же его построили. Ещё до войны...

– Приятно, что помните... Это такой центр общественной жизни. Я ещё и трибуну перед ним спроектировал. Для массовых мероприятий... Но нынче это не актуально... Итак, «Сапожок» в городе один. Понимаете?

– Не очень.

– Чем мотивировано появление этого объекта? Идеей революционной сплочённости. А что важнее всего для страны сегодня? Социальная разобщённость. Стало быть, вся жизнь должна быть децентрализована. Какой отсюда следует вывод? «Сапожков» должно быть много. Десять, двадцать, тридцать... И построить их нужно не за десять лет, а в очень сжатые сроки. Максимально быстро. Может быть, с привлечением военных... Поглядим. Разберёмся.

– Вы сейчас в областную администрацию?

– Да, в Дом обкома. Тоже ведь моё детище... Хотя, наверное, это уже совсем другое здание...

– Машина ждёт на площади...

Панов иронически улыбнулся, извлёк из портфеля бубен и начал громко выстукивать что-то ритмичное и напористое. Я заворожённо слушал. Минуту, две... А потом заметил, что на спине и руках его стало стремительно множиться оперение. Я глянул на свои руки и обнаружил те же перья...

– А что тебя смущает? Я ведь из столицы тоже прилететь хотел. Но погода нелётной была. Вот и пришлось на поезд колдыбаться... А сейчас солнце, тишь, красота... Заодно и места под строительство присмотрим...

Он летел легко и быстро. Портфель на прочном ремне послушно болтался под сердцем. Но я вполне поспевал за пернатым вожатым, и это меня удивляло и успокаивало...

– Вон за мостом – Отрожка. Я там среднюю школу проектировал... Район дальний, народу много, место перспективное... Берём на заметку. А на правом берегу неподалёку я отметил общежитием СХИ. Тоже интересная локация... Так, улица Ленина. Ещё школа. И пожарное депо... Здесь частный сектор надо расчищать. А вон там в Первомайском должен быть Летний те-

атр... Что это за притон церковников там? Взорвать к чёртовой матери!.. Городу площади нужны... И ещё – уже почти у цели – сквер «Борьбы с белым террором». Здесь трудно будет что-то втиснуть... Но нам ли пред трудностями пасовать?..

– А это зачем?.. «Сапожок» тут совсем рядом!..

– Вот именно, что рядом!.. Но мы переформатируем пространство, умножим дистанции, сделаем горизонты необозримыми...

Шаман притормозил и, распахнув крылья, завис. Те стали стремительно расти... А дома внизу – отдаляться друг от друга, улицы удлиниться, площади шириться... А когда крылья заслонили всё небо, под нами осталась лишь пустота...

Я проснулся от собственного крика и вскочил с кровати. Моя знакомая только поморщилась во сне...

Она лежала на левом боку и надменно отпускала колкости. Знала, чертовка – линия бедра что надо...

– Бабы предпочитают недалёких циников с пошлым цветком в петлице...

– Поэтому ты здесь?

– Да когда ж мне твой цветок было разглядывать?..

– А ты всегда закатываешься в постель к первым встречным?

– Знаешь, я этакий колобок, что бежит ото всех неведомо куда. А если по недоразумению на горке оказывается, то пугается вдруг... И всё норовит пошустрее с неё скатиться – в яму, в заросли, в тартарары... И знает, что бока обобьёт. А ничего поделать с собой не может... Так вниз и глядит... В подлесок, в сумрак, в безумие...

– У меня было такое. Несколько лет назад. Тогда я писал книгу о мёртвых стихотворцах, странное сочинение из обрывков зрительских ощущений, застольной околесицы, полузабытых снов вперемешку с лучшими строфами разномастных моих давних знакомцев.

«...эта книга обязана своим появлением на свет впечатлениями от личных встреч автора-составителя с поэтами, представленными на последующих страницах. Иных случилось увидеть в детстве и лишь мельком, с другими – регулярно общаться в сознательном возрасте, а с некоторыми дружить до окончания их земных дней. Поэтому слово «взгляд» в подзаголовке книги должно пониматься буквально, и выбор поэтических имён обусловлен исключительно обстоятельствами жизни вашего покорного слуги. А выбор стихов – его читательским вкусом. Так что данное собрание произведений изначально задумано и реализовано как продукт субъективный и никоим образом не претен-

дующий на полноценное отражение и ранжирование литературных персоналий и художественных значений».

Я кочевал в ту пору по друзьям, приятелям, просто знакомым... Выпадал из контекста, исчезал из жизни...

– И остался циником.

– Так ты же сочинения моего не читала...

– Знаешь, я давно заметила, что впечатление от книжки предвывает её прочтение. Даже в детстве – горькими слезами по несчастной собаке обливалась, ещё и ни повести не прочитав, ни фильма Ростовского не видя... В чём тут дело, объяснить не берусь. Может, чужие пересуды заранее внутри оседают, может, флюиды какие словарные скопления излучают...

– Тогда книгу тебе дарить и не буду...

– А я – просить.

– Ну, вот и поладили...

Перерывы на болтовню западают глубже того, что они прерывают... Тоже не берусь объяснить.

В тот вечер по своему обыкновению я прогуливался мимо металлического пса и размышлял о перспективах страны, города, своих личных... Занятие это настолько же затягивающее, насколько бесплодное. Но зато можно всласть поиграть аргументами, поплескаться из пустого в порожнее жгучие эмоции, забыть, наконец, про день нынешний... Даже самое мрачное будущее всегда подсвечено утешительными огнями его щадящих вариантов.

И как можно отказаться от роскоши любоваться ими? Чем гуще вечер, тем они ярче, чётче, заманчивей... И кажется, что только глядя на них и можно войти в своё неопишимо близкое завтра...

Радуюсь безлюдью, я шагал самозабвенно и неспешно. Так пустынно и просторно в самом центре не было никогда. И ни одной машины... Тишина. Редкая и полнокровная. Ради неё и шатаешься как сомнамбула по отеческим камням... Но вдруг у меня за спиной как будто что-то лопнуло. Прочное, надёжное, могучее... Резкий такой, пугающий звук. Я обернулся и увидел, что литая собака вырвала свою переднюю лапу из низкого пьедестала. На её рукотворной холке выступила обильная испарина. На моих глазах собачий хребет напряжился, и вторая лапа отскочила от основания... За лапами последовал узкий зад... Пёс повернулся ко мне, и я невольно попятился. Пару минут мы недоумённо разглядывали друг друга...

Я никогда не держал собак. Но любил читать о них. И в голове у меня мигом высветилось то, что, казалось, выветрилось безвозвратно...

Существуют свидетельства об участии собак этой породы в охотах графа Лейчестера ещё в XVI веке. Но многие исследователи утверждают, что эта порода выведена в XIX столетии сэром Эдвардом Лавераком, скорее всего это преувеличение, так как порода формировалась веками, но Лаверак подвёл итог многолетней работе, разводивший их в большом количестве и путём близкого родственного разведения закрепивший свой тип в породе, который сохранился примерно до наших дней. Поэтому английских сеттеров часто называют лавераками...

А пёс между тем не спеша сошёл со своего едва возвышающегося над тротуарной плиткой пьедестала и медленно направился ко мне...

Сеттер – легко обучаемая, общительная, преданная, игривая и темпераментная собака. Обоняние и слух у этой породы очень хорошо развиты. Сеттеры имеют врождённую способность к поиску дичи. Их щенки проявляют интерес к птице уже в самом раннем возрасте... А люди, далёкие от охотничьего промысла, заводят сеттеров из-за их дружелюбия, уживчивости, огромной любви к хозяевам и особенно к детям...

Металлический пёс засеменял шустрее, и я быстро двинулся прочь...

Английский сеттер имеет безудержную врождённую страсть к охоте. Преследуя дичь, собака движется экономичным стелющимся галопом...

Невиданное четвероногое ускорило, и я побежал со всех ног... Ни черта себе дружелюбие! Или это жуткое создание видит во мне дичь? И я – птица на съедение? А ведь этот монстр по большому счёту прав... Я бежал бесконечно долго, и казалось, вот-вот взлечу. Но начал выдыхаться, спотыкаться, гаснуть... И тогда точно два кастета ударили мне в спину, и я полетел лицом наземь... Но уткнулся в потную мятую подушку...

Радио вещало о количестве новых случаев, мерах борьбы и ужесточении ограничений.

– А знаешь, болезнь начинается вовсе не со слабости и кашля, потом – температуры да одышки... Хвороба начинается с галлюцинаций. Они являются намного раньше всего прочего. За многие годы... И тебе всё чудятся и чудятся мнимые люди, воздушные замки, великие книги... Потому как вирус давным-давно в крови... А в эфире сплошные сказки рассказывают.

Я слушал её измышления и разглядывал странное исчадие флоры, облюбовавшее лацкан моего пиджака. Цветок напоминал гвоздику, но был много крупнее, непричёсанней, и кровь его была неправдоподобно тёмной...

– Можно подумать, что мединститут заканчивал не я, а ты.

– А в этой ситуации совсем не нужно быть медиком. Ты только послушай, что они несут, – кивнула гостя на репродуктор, – и много раньше несли... Ты не находишь, что это звенья одного процесса?

– Патологического?

– Если болезнь принять за норму, вопрос, разумеется, снимется...

– Поди разбери, где болезнь, а где норма... А где вообще эти категории неприменимы. Я, например, в последние годы имею дело исключительно с тенями – это совсем не только о мертвецах. В конце концов не так и важно, кто по какую сторону Леты – ведь и многие так называемые живые уже давно распрощались со своей прежней физикой. Куда ж деваться от карусели превращений? Человек призван расставаться со своим образом. И сплошь и рядом – досрочно...

– Так и должно быть.

– Наверное. Но такого я прежде не проходил. Вот и попробуй разгляди, где обманка... Помнишь, от какого типа ты меня вчера оттащила?..

– Это наверняка была явь. Сама видела... Новая, прости, господи, реальность.

– Так они же все из старой...

– Ну, тогда прочти мне что-нибудь из старого.

– Наконец-то девушка попросила о высоком...

Мартовский дождь умножает печали –
нужно вычёркивать из записной...
Присно весна наступает в Аиде,
но не в своём победительном виде –
в мареве сумрачном, в робком начале...
В царстве живых пробирает весной.

– Вот и хорошо, что в тему. Обобщает впечатления. А то завтра я улетаю...

– К чему такая спешка?

– Не могу без дыма...

– Синдром отмены?

– ...Того, что обещает, голову кружит, отравляет... Это лишь кажется, что он клубится только – и всё... А выходит так, что без него ничего живого и не появляется. Именно в нём корпускулы жизни... А здесь он почти рассеялся...

– В столице кальянные тоже закрыты.

– Дурак ты... Белокаменная, слава богу, большая... Давай тоже собирайся. А я тебя там встречу...

– А дальше что? Это же чистая авантюра... И ведь там умирают...

– Там излечиваются... А это не авантюра – кругом общаться с фантомами?

– А ещё можно? Карантин же...

– Пока можно... Да ты всю жизнь на карантине... Ещё чуть-чуть – и он для тебя навсегда...

Перед моим окном росло коренастое дерево. А может, давно уже и не росло, а лишь каким-то чудом держалось в прежних формах... Когда я был маленьким, это дерево уже было старым. Приземистым, разлапистым, кривым. На нём неохотно вспухали почки, листья ёжились и выцветали, ветви устало клонились к земле... В школе я прогуливал ботанику и не знал его породы. Да и позже так и не собрался выяснить... Меня всегда увлекало другое. С детства я собирал марки. Причём любил я марки довоенные, редкие, дорогие... С первыми полярниками, задорными трактористками, бесстрашными лётчиками. Понятное дело, коллекция моя была убога. Сообразно копейкам, которые мне для её пополнения выдавались. Но я исправно посещал воскресные сборища филателистов в Парке Живых и Мёртвых, придирчиво разглядывал товар, деловито справлялся о цене... И с презрением принимал весь этот торгашеский мир, чтобы только иметь доступ к заповедным своим картинкам.

Повзрослев, я вошёл в мир сочинителей, где торгашества тоже хватало... Окончил вуз, занялся врачеванием, сам принялся учить уму-разуму кого ни попадя... Лихо женился и мучительно разводился... А дерево жило своей тихой жизнью. И я так привык к узловатой ветхости заскорузлого растения, что просто перестал замечать его...

Не в моих привычках бесцельно глазеть в окно. Но в этот раз я задержался перед ним дольше обычного. Трудно судить, насколько случайно. Потому как мой древесный визави будто именно этого и ждал... На угловатых голых ветках обозначились вдруг пронзительно алые точки. Они стремительно множились

и росли. Через несколько минут они закрасили собой все изломы сучьев, выдавший виды перекошенный ствол, воздушные прогалы кроны... И слились в яркий кровавый шар во всё окно. Он резал глаза, слепил, вышибал слезу. И невозможно было как следует рассмотреть его и понять, что происходит...

Я прикрыл веки, чтобы сетчатка подуспокоилась. Но настойчивый свет проникал насквозь. Пришлось отвернуться... И я увидел оконное отражение в зеркале. Оно чуть скрадывало непроглядное каление древесной крови, и можно было вглядеться пристальной... Сотни кричаще красных гвоздик угрожающе усталились на меня с невидимых ветвей. Они глядели с неясным укором и очевидным издевательством. Да ещё пытались сконцентрировать свой убийственный жар у меня за грудной... Я схватил табуретку и что есть силы швырнул её в зеркало. Стекло разлетелось в мелкую пыль, но отражение осталось невредимым...

Открыв глаза, я определился во времени. Было уже совсем не раннее утро. Я был в квартире один. На стуле висел мой пиджак студенческих времён. Но нагрудный цветок исчез. Верно, надоело делать из меня дурака?..

Тяжко вывалившись из постели, я безрадостно направился в ванную. Но на полпути вдруг остановился и, обернувшись, глянул на стол. Там лежали мой паспорт, всю дорогу загадочно кочующий по квартире, и записка. «Жду. Электронный билет купила». И мелко – номер рейса.

Слова принимались хулиганить, нагло подмигивать автору, оплёвывать друг друга, корчить издевательские рожи, пускаться в оскорбительные пляски, умопомрачительный хоровод... А потом их и не разобрать ни за что... Происходило что-то странное, страшное, отвратительное, будто кто-то мстил сочинителю, потешался, показывал козу... И не было другого выхода, кроме как сгрести всю эту братию подчистую, да и швырнуть с присвистом в корзину... Боже мой, на что приходится тратить свою единственную и невосполнимую! – но по-иному уже не выйдет, ведь больше у тебя ничего нет, совершенно ничего – по нулям... Потому и остаётся терпеть, не срываться, ждать своего часа. И когда же он – твой час?..

Если в безбашенной юности своей я беспечно подсмеивался над старческими мышцами пропаганды, то теперь в полной мере осознал своё верхоглядство. Она и поныне очень даже способна так дать по мозгам, что от последних мало

что останется. Всё будет обосновано, разъяснено и вроде бы правильно. И лазеек для неверия не будет. И люди напялят на лица жуткие маски, и отпрянут друг от друга немедленно... Если нужно – значит нужно. А кто не понимает этой простой истины – тупица, сволочь, враг... А как прикажете поступать с врагами?

Впрочем, если объявят указ маски снять – уж на улице в них точно проку нет – люди нисколько не удивятся. Конечно, толку никакого. Коню понятно... И дружно без лишних вопросов сорвут постылые тряпки со своих понимающих лиц.

Наводя порядок, она бог весть куда засунула все мои рукописи. Я битый час искал их и в самых возможных, и в самых невероятных местах. Потом испугался, что убогие плоды трудов моих благополучно проследовали через мусорное ведро на помойку... И уже решил, что это, возможно, и к лучшему... Но вдруг обнаружил жидкие листы беспросветного черновика сложенными аккуратной стопкой прямо на письменном столе. После минуты молчания пришлось за него сесть...

Фразы выламывались, кривились, вертели хвостами, истово соревновались в изломанности и глупости, щерились недобро, будто знали о своём родителе что-то постыдное... Отвратительная, лукавая, скользкая братия... Почему так давно не складываются наши отношения?.. Что такое случилось?.. И пройдёт ли, заживёт?.. И чем дольше причитаешь, тем вернее знаешь ответ... Но категорически не желаешь его знать.

Автобус пришлось ждать долго, и уже сильно завечерело. В «Икарусе» было лишь несколько пассажиров. Они сидели по разным углам салона. Я тоже уселся к окну поодаль... Люблю смотреть из окна. Проспект Революции, площадь Вождя, Плехановская... Людей почти не было. Машин тоже... И мы летели как на крыльях.

Хоть и заметно стемнело, в редких прохожих я узнавал многих своих знакомых. Сто лет не виданных, едва узнаваемых, давным-давно уже существовавших в каких-то иных измерениях. Истероидный врач, писавший причудливые блюзы в прозе, безоглядный художник, соорудивший стул для исцеления от жлобства у здания прежнего обкома, любвеобильный актёр из «Синих коней на красной траве», бежавший в провинцию от Марка Розовского... Я бы с радостью поговорил со многими. Но скорость и стекло... Что ж, видно, и в самом деле сослагательное наклонение – дежурный спутник непоправимости.

О чём говорят сны? Что означает всеобщее смятение? Почему мне выпала эта история?.. Я слишком долго всерьёз думал, будто всё на свете – даже самая ничтожная мелочь – что-то непременно в себе таит. Будто ничто не бывает бесцельным, случайным, отдельным. И везде – знаки, подсказки, ответы... Нужно только уметь их видеть и понимать. И я долго учился этому. Вглядывался, терзался, слушал себя... Но так и не смог достичь особого зрения. А может, я пытался увидеть то, чего никогда и не было... Но в один прекрасный день пришло ощущение, что всякая вещь живёт просто так и ни для чего. Мир мигом рассыпался на острые и жалкие осколки... И смотреть на вещи стало легче и беспечальней. Только и вопросов прибавилось непомерно... Может, это месть за детские заблуждения? За идиотскую попытку свести всё воедино? За бесцеремонное стремление заглянуть в непозволенное?.. Умножение вопросительных знаков не искупает мнимой вины.

Ещё издали я увидел, что из здания аэровокзала кто-то выходит, и это меня воодушевило. Значит, аэропорт работает!.. Я выскочил из автобуса и кинулся ко входу... С третьего раза прошёл рамку и дежурных блюстителей, выдохнул и уверенным шагом направился к стойке регистрации. Но за ней никого не оказалось... Я сунулся в кассу, но она была закрыта. В окне администратора была выставлена табличка «Закррито»... Я вернулся к скучающим парням у входа. И они указали мне на электронное табло... «Все рейсы временно отменены».

– Это из-за погоды?

– Если бы...

– Значит и наземный тоже обрубали?..

Меня всегда подводило прошлое – и моё, и всего города. Дразнило, изводило, предавало... Свершившееся самодостаточно. И не стоит протягивать к нему руки... Это большая чушь, будто всё повторяется. Всё происходит впервые. Если только блики какие... И нужно отдавать себе в этом отчёт, а не искать сомнительные аналогии в днях минувших. Параллели не вырывают, только что потешают... Разве это не круто – обняться с небытием?

Я толкнул наугад дверь на балкон второго этажа. Она оказалась незапертой... Загородка была мокрой и холодной. Прямо подо мной в разбавленном неоновом молоке плавал ещё живой огромный растрёпанный цветок... Мелкие нахохленные самолёты гнездились поодаль. Сигнальные огни жёстко краснели

по периметру. Тёмные бензозаправщики недоумённо жались к взлётным полосам... Частые железные прутья надёжно хранили потного наблюдателя от близкого чёрного неба. Поздний нещадный ветер бил под дых, и дышать становилось всё труднее... Меня резко накрыл приступ свирепого кашля – за грудиной ожил нещадный наждак, горло стянула невидимая верёвка... Задыхаясь, я попытался позвать на помощь... И меня сразила собственная наивность.

Апрель 2020

СОДЕРЖАНИЕ

САНАТОРИЙ. Картинки межсезонья	3
ОТДЕЛ ТЕНЕЙ И ЛАВРОВ. Книга лукавых мемуарий	10
ПОЗДРАВЛЕНИЕ. Почтовая история	37
МЫЛЬНЫЙ ПУЗЫРЬ. Книга простодушия	47
ЗЕМЛЯ И ОЛЯ. Из жизни неосторожного прохожего	151
ЗИМНИЙ ВИЗИТ. Близки одного происшествия	170
Ночная жизнь Весты. Заметки о морфеевых шутках	170
Фрагмент рукописи. Из безжалостно вычеркнутого	181
Цвет ветра. Хроника раннего вечера	183
Нотариус. <i>Pro bono publico</i>	198
Оправдание рыбы. Из жизни подо льдом	202
Таксист. Прелюдия к полицейскому протоколу	211
Фрагмент сообщения. Из беседы со следователем	216
КРЫЛЬЯ НАД КРЫШАМИ. Провинциальный романс	218

Сергей Попов

КРЫЛЬЯ НАД КРЫШАМИ

Избранная проза

Подписано в печать 15.06.2021 г.
Формат набора 60x84/16. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 13,95.
Заказ № 562. Тираж 300 экз.

Отпечатано в АО «Воронежская областная типография –
издательство им. Е.А. Болховитинова»
394071, г. Воронеж, ул. 20-летия Октября, 73а.